

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 2(30)

2022

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2 (30)
2022

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки; 09.00.00 – философские науки

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 08.11.2022. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 4983.
Дата выхода в свет: 14.11.2022. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дабаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

2 (30)
2022

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 22.00.00 – sociological sciences; 09.00.00 – philosophical sciences

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 08.11.2022. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 4983.
Release date: 14.11.2022. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square
Printed in «Vertola» LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2022

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V. A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• ***Members of the editorial board in the regions of Russia***

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S. L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• ***Members of the editorial board of the journal and representatives abroad***

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinçek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Бочкарникова Ю. В.

Категории эстетического в постиндустриальном и метаполитика	9
---	---

Козловский А. Ю.

Проблематика буддистского теоса: божественное существование и его характеристики	16
--	----

Малахова Е. В.

Смена парадигмальных подходов к образованию как необходимое следствие его массовой цифровизации	30
---	----

Тимощук Е. А.

Конститутивная феноменология А.-Т. Тименецки	43
--	----

Хренков В. В.

Идеологические основы современного общества (общества потребления)	63
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Зюляев Н. А.

Спрос на туристские услуги в условиях пандемии	76
--	----

Санджиев З. Н.

Анализ подходов к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи	90
---	----

ИСТОРИЯ

Игнатенко М. Н., Прудникова Н. Г., Куликова А. А.

Использование историко-культурного потенциала Алтайского края для развития религиозного туризма	100
---	-----

Широкалова Г. С., Куонков П. И.

Семья как фактор формирования исторической памяти у студентов Содружества Независимых Государств	108
--	-----

Подготовка и порядок приёма рукописей	120
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Bochkarnikova Yu. V.

Categories of aesthetic in post-industrial space and metapolitics.....	9
--	---

Kozlovskiy A. Yu.

The issue of buddhist theos: divine existence and its characteristics	16
---	----

Malakhova E. V.

The change of paradigmatic approaches to education as a necessary consequence of its mass digitalization	30
--	----

Tymoshchuk E. A.

Constitutive phenomenology by A.-T. Tymieniecki	43
---	----

Khrenkov V. V.

Ideological foundations of present society (consumer society)	63
---	----

SOCIOLOGY

Zyulyaev N. A.

Demand for tourism services during the pandemic	76
---	----

Sandzhiev Z. N.

Analysis of approaches to assessing the state of the labor potential of rural youth.....	90
--	----

HISTORY

Ignatenko M. N., Prudnikova N. G., Kulikova A. A.

Using the historical and cultural potential of the Altai territory for the development of religious tourism.....	100
--	-----

Shirokalova G. S., Kukonkov P. I.

Family as a factor in the formation of historical memory among students of the union of independent states.....	108
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	120
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В тридцатом номере научного журнала «Socio Time / Социальное время» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из различных университетов и научных центров России и зарубежных стран. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и др.

География участников тридцатого номера «SocioTime» традиционно широка: опубликованы девять научных работ авторов из Москвы, Владивостока, Донецка, Владимира, Барнаула, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы.

В раздел «Философия» включены четыре научные работы. В статье **Ю. В. Бочкарниковой** (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток) *исследуются единство категории эстетического в постиндустриальном и метаполитика*. Работа **А. Ю. Козловского** (Донецкий национальный университет, Донецкая Народная Республика, Донецк) посвящена *анализу божественного в проблематике буддистского теоса*. Проблема *смены парадигмальных подходов к образованию как необходимого следствия его массовой цифровизации* стала предметом анализа **Е. В. Малаховой** (НИЯУ МИФИ; Институт философии РАН, Москва). Автор из Владимира **Е. А. Тимошук** (РАНХиГС, Владимир) подверг своему исследованию *актуальные контексты конститутивной феноменологии А.-Т. Тименецки*. Проблема *идеологических основ современного общества потребления* оказалась в центре внимания **В. В. Хренкова** (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола).

В раздел «Социология» включены две работы. Статья **Н. А. Зюльева** (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола) посвящена *анализу актуальных контекстов спроса на туристические услуги в условиях неослабевающего влияния пандемии на отечественный и мировой турбизнес*. Автор из Москвы **З. Н. Санджиев** (Московский городской педагогический университет, Москва) в своей статье осуществил *анализ подходов к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи современного российского общества*.

Третий раздел журнала «История» включает в себя две авторские работы. В коллективной статье учёных из Барнаула **М. Н. Игнатенко, Н. Г. Прудниковой, А. А. Куликовой** (Алтайский государственный университет, Барнаул) исследуется **проблема использования историко-культурного потенциала Алтайского края для развития религиозного туризма**. Прекрасной точкой в представленных материалах выходящего номера журнала, безусловно, стала коллективная статья авторов из Нижнего Новгорода **Г. С. Широкаловой** (ПРИФ ФНИСЦ РАН, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород), **П. И. Куконкова** (ПРИФ ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород) «**Семья как фактор формирования исторической памяти у студентов Содружества Независимых Государств**».

Как мы видим, тридцатый номер журнала отличает широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, находящегося перед непростыми вызовами дня сегодняшнего.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «Socio Time / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

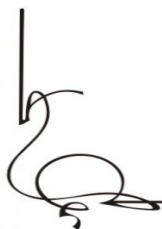
E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 118

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.9

КАТЕГОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ И МЕТАПОЛИТИКА

Ю. В. Бочкарникова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Введение. В статье проводится исследование концепции эстетики начала XX в. и её взаимосвязи с политикой. Рассматривается влияние промышленного переворота на общественные взгляды, нравственные ориентиры как личности, так и всего общества в целом, которые, в свою очередь, определили эстетику данного периода. При этом выявляются две категории эстетики, их взаимосвязь и их включённость в метаполитический сценарий.

Методы. В данном исследовании используется метафизический метод при рассмотрении нравственных вопросов, конституирующих общественное и личностное мировоззрение в постиндустриальном обществе. Также рассматривается методика софизма для построения логической цепочки исследования и поиска альтернативных решений. С целью выстраивания доказательной базы по анализируемому вопросу, а затем и поиску решений, используется рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

В основе проводимого исследования лежит концепция эстетики, которая была переосмыслена в связи с переустройством постиндустриального общества. Выявляются социо-политические принципы, которые определяют основные идеи эстетики данного периода. По итогам проведения исследования делается вывод о герменевтической, языковой морфологической структуре эстетики, в основе которой лежит знаковая система. Таким образом, для новой эстетики, которая структурирована знаковой системой, характерны две категории. Первая – это «искусство, становящееся жизнью», эстетика, участвующая в «жизнестроительстве». К этой категории относятся объекты индустриального производства и дизайна. Вторая категория определяется как «жизнь искусства», к ней относится музейный формат, представляющий искусство.

Заключение. Учитывая морфологическую структуру эстетики, возникшей в постиндустриальном обществе, и взаимосвязь с политикой, делается вывод о её включённости в метаполитический сценарий.

Ключевые слова: постиндустрия; искусство; эстетика; постмодернизм; политика; общество; язык; герменевтика; дизайн; мировоззрение; нравственность.

Введение. Индустриальный промышленный переворот, произошедший в начале XX века, повлёк за собой «социальный переворот». А. Лефевр в своём труде «Производство пространства» отмечает, что в 1910 году было разрушено некое «мировоззренческое пространство» – смысловое, парадигмальное, политическое, пространство общественной практики [1]. Изменения произошли как на метафизическом, сверхчувственном уровне, так и материальном, средовом, исторически формировавшемся начиная с эпохи Возрождения на основе греческой традиции в форме большого и малого города. Эти изменения стали катализатором сложных и взаимосвязанных изменений в области техники, форм производства и общественной жизни.

ни, что впоследствии явилось катализатором для нравственного переосмысления личности в контексте постмодернистской эпохи [2].

Методы. При проведении анализа используется метафизический метод переосмысления социальных изменений в постиндустриальном обществе, при определении новой формы нравственного сознания предлагается феномен субъективной, личностной самоорганизации. Выявляется, что традиционная этика меняется на этику самосознания, которая основывается на идеографическом – знаковом, культурообразующем принципе морального выбора.

Используется методика софизма для построения логической цепочки исследования и поиска альтернативных решений. Определяется, что в результате промышленной революции сформировались две категории эстетического: первая – это объекты социального производства, посредством которых происходило капиталистическое «жизнестроительство»; вторая – это объекты свободного творчества, которые были исключены из социообразующей знаковой системы.

При использовании рационалистического метода проведён анализ и сделан вывод о том, что эстетика, возникшая на стыке эпох, выражает определённую метаполитику, и что она включена в метаполитический сценарий.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

М. Фуко. «Эстетика существования»

М. Фуко в работе «История сексуальности», переосмысливая социальные изменения на стыке эпох, в качестве новой формы нравственного сознания предлагает феномен субъективной, личностной самоорганизации. Используя концептуальную – герменевтическую базу античной культуры, определяет этот феномен как «медленное формирование... герменевтики себя» [3]. Традиционная этика меняется на этику самосознания, которая основывается на идеографическом – знаковом, культурообразующем принципе морального выбора. Происходит новое «самовыстраивание» личности, воплощённое в концепции М. Фуко как «эстетика существования» в постиндустриальном, постмодернистском обществе, тем самым задавая личностную нравственную модель поведения, релятивизируя аксиологические ориентиры обособленного морального выбора.

Особенностью новой этики творчества являются не строгие дисциплинарные нормы, а нравственная свобода индивида, определённая ценностным аксиологическим выбором выстраивания поступков. Это может быть достигнуто путём внутренней нравственной работы индивида по редуцированию культурных ценностей, детерминируя тем самым нравственный выбор. Так, на смену этики нормы приходит этика творчества, тождественная аксиологической этике, проявляющейся посредством знаковой, идеографической редукции. При этом принцип идеографической, знаковой редукции М. Фуко представляет в качестве методологического подхода при формировании концепции эстетики существования.

Таким образом, М. Фуко в качестве методологической основы предлагает идею дискурса. По мнению философа, структура дискурса состоит из знаков и их всевозможных комбинаций, представляющих собой акты высказываний, суждений, которые, в свою очередь, определяют социальное проявление и коммуникацию [3]. Из этого следует, что герменевтический метод, при использовании которого идёт ис-

толкование символов, знаков, стал основополагающим для постмодернистской парадигмы.

Герменевтическая концепция Ж. Дерриды

Французский философ постмодернист Ж. Деррида, представляя идею «мир как текст», говорит: «Текст – единственно возможная модель реальности». Так, постмодернистская концепция предполагает, что язык, независимо от сферы своего применения, используется по своим правилам, и мир воспринимается человеком в виде истории, рассказанной о нём в качестве «литературного» дискурса [4].

Подобной точки зрения придерживается и Ж. Делёз в своей работе «Марсель Пруст и Знаки». Французский философ, размышляя об эпохе постмодерна, определяет «знаки» как тканеобразующий элемент для различных учений. Следовательно, для обучения необходимо прежде всего рассмотреть материю, предмет, существо, как если бы они испускали знаки для дешифровки, для интерпретации. Всё, что нас чему-либо учит, излучает знаки, любой акт обучения есть интерпретация знаков или иероглифов. Произведение Ж. Делёз основано не на демонстрации воспоминаний, а на узнавании знаков и обучении им [5]. Соответственно, в рамках постмодернистской парадигмы именно знаки формируют социальную структуру, являясь методологическим инструментарием для «эстетики существования» М. Фуко.

А. Лефевр. Политическое конституирует пространство

Таким образом, промышленный переворот коренным образом переорганизует догматические нравственные, сущностные устои общества, тем самым формируя новое социальное пространство. А. Лефевр определил социально-политическое пространство как абстрактное пространство. Абстракция считается неким «отсутствием», противоположностью конкретного «присутствия» предметов и вещей, которое, в свою очередь, влияет на абсолютное – материальное пространство.

Абстрактное пространство посредством знаков вторгается в абсолютное пространство. Знаки, считает А. Лефевр, насильно привносят в природу абстракцию. Знаки рационализируют реальность, рассекая, распределяя её. При этом А. Лефевр делает акцент на знаки, которые являются продуктом производства. Таким образом происходит производство пространства рода человеческого – как коллективного произведения человечества, являющегося социальным носителем преобразённой человеческой жизни. Следует отметить, что именно индустриальная революция породила принцип коллективного знакового воспроизведения, которая несёт в себе множество возможностей, если следовать «утопическим идеям» Фурье, Маркса, Энгельса [1].

Постиндустриальная эстетика Г. Дебора и Б. Арватова

Концепция воспроизводства пространства рассматривается и в книге Г. Дебора «Общество спектакля». Здесь приводятся Марксовы идеи о капиталистических чертах в постиндустриальном пространстве, говорится о технологических процессах капиталистической экономики, занимающихся «самовоспроизводством». Этот принцип Г. Дебор определяет как «нагромождение спектаклей», где социальное пространство воспроизводится в виде непрерывных знаков, образов, формируя «спектакль» – автономный мир, отдельный от реального, где «обманщик ложёт себе самому». Таким образом формируется ложный мир – мир заблуждающегося взгляда

и ложного сознания. Унификация «ложного мира» является его официальным языком [6].

Объекты производства капиталистического общества порождают (противопоставленный миру реальному) «ложный мир» – мир знаков и образов. Товар образует визуальный, сверхчувственный ряд образов «ложного мира» общества спектакля. Таким образом, капиталистическая система сформировала свой визуальный код, который определяет постиндустриальное общество [6]. Особенностью такого постиндустриального воспроизводства является разделение между авторскими, уникальными произведениями искусства и продуктами массового производства.

В этой связи возникает основной эстетический вопрос исследуемого периода: как связать искусство и жизнь? Ведь искусство предполагает свободный и независимый труд, а капиталистический уклад либо совсем отвергает такую возможность, либо исключает свободное искусство из строительства жизни. Поэтому единственное орудие, которое остаётся у художника, – это ремесло, используемое для создания типовой промышленной продукции. Свобода же художественного, авторского творчества перешла на задворки жизни [7]. Художник, привыкший к самовыражению в своём свободном творчестве, работая в производстве, может создавать только лишь внешнее украшение готовых вещей. Художник «прикладывает» форму к предмету, поэтому такое искусство называется прикладным. Художник воспринимает вещь как своё полотно своей картины, отдавая второстепенную роль функциональности вещи. Собственный индивидуальный вкус для него становится законом, а форма – целью.

Соответственно, возникло методическое противоречие при работе художника с машиной. Развитие техники предполагает всё большее и большее исключение творца из производственного процесса, ему отводится, скорее всего, организационная роль. Посему художник, если участвует в производственном процессе, то предпочитает кустарное производство. Он старается избегать машин, не принимая современный индустриальный принцип воспроизводства, считая его «бездушным». При этом основные производственные задачи сосредоточены в руках инженеров, которые строго следуют законам производства. Когда же инженеры выходят за рамки точного функционального производства, то тем самым ими актуализируются эстетические вопросы, а вместе с этим происходит «всплывание» отживших форм, псевдохудожественных «украшений» [7].

Таким образом, в результате промышленной революции произошло разделение эстетического на объекты социального производства, посредством которых совершается капиталистическое жизнестроительство, и на объекты свободного творчества, которые были исключены из социобразующей знаковой системы.

Ж. Рансьер. Эстетическая революция и её последствия

В отношении разделения эстетического на объекты производства и объекты свободного творчества художника Жак Рансьер приводит слова Шиллера: «Человек бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет», – и заверяет нас, что подобное утверждение способно нести «всё здание эстетического искусства и ещё более трудного искусства жить». Парируя относительно этой проблематики, Ж. Рансьер определяет её как «политика эстетики», а эстетический режим в искусстве зависит от этого союза. Таким образом, Ж. Рансьер определяет новую эстетику, основанную на

чувственном, эмпирическом восприятии. При этом объектом впечатления, наслаждения от созерцания, вызванного искусством, может стать любой предмет массового воспроизводства, что определяет политику эстетики – перераспределения чувственного опыта. Ж. Рансьер утверждает автономию искусства в том случае, когда объединяет его с надеждой «изменения жизни» [8].

Отсюда, Ж. Рансьер выводит две категории эстетического. Первую он определяет как часть коллективного мира, «искусство, становящееся жизнью». К этой категории философ относит объекты индустриального, массового производства. Сравнивая произведения свободного искусства и промышленную продукцию, говорит, что дизайн является общей чертой для этих двух категорий искусства. Следовательно, данная категория эстетического понимается как форма самообразования и отражения жизни. Происходит «эстетическое самообразование человечества», что приводит к формированию нового коллективного этоса. Сообщество, обладающая эстетическим образованием, способна к разделению общего коллективного опыта, вызванного искусством. Дизайн становится формой искусства, применённой к объектам индустриального производства. В силу использования принципа дизайн-проектирования, объекты индустриального, массового производства, где данный принцип применяется, следует отнести к объектам воплощения искусства. Формы дизайна определяются как «типы». Учитывая тот факт, что при создании типовой продукции массового потребления происходит формирование культуры повседневной жизни, то инженера-дизайнера можно определить в качестве художника. Следовательно, за счёт воплощения искусства типовыми формами дизайна оно становится, прежде всего, формой существования в новом коллективном мире.

Вторую категорию эстетического Ж. Рансьер определяет как обрамление жизни искусства. Данный сценарий воплощает идею жизни, которая становится искусством, или – «жизнь искусства». К этой категории эстетического относится формат музейного искусства. Данная схема представления искусства предполагает, что к нему могут относиться произведения свободного художественного самовыражения. Свободное творчество наряду с искусством, которое является больше, чем искусство, – верой и способом жизни, определяют сценарий музейного искусства. Речь идёт прежде всего о тех объектах, которые изначально искусством не являлись – это исторические скульптуры, предметы утвари.

Заключение. Приведённые категории эстетического, по мнению Ж. Рансьера, могут представлять искусство, определяющее функцию политики – конфигурацию чувственного опыта, или знаковое искусство, определяющее социальную знаковую герменевтику, или искусство проявления свободного творчества, являясь постулатом социальной эмансипации: такое искусство выражает определённую метаполитику. И весь универсум возможностей искусства определяется метаполитикой эстетики, которая воплощает эстетику искусства, балансируя между искусством, включённым в социо-политическое жизнестроительство, и искусством, изолированным от политики [9].

Список литературы

1. Лефёвр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф; под ред. М. Великанова, А. Журбина. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
2. Маккуайр С. Медийный город / под ред. Т. Григорьева. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
3. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Грунт, 1998. 170 с.
4. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: Культура, 1993. С. 151.
5. Жиль Делез. Марсель Пруст и Знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколова. СПб.: Алетейя, 1999. 189 с.
6. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М.: Логос, 2000. 224 с.
7. Арватов Б. Искусство и производство: сборник статей. М.: V-A-C, 2018. 184 с.
8. Рансьер Жак. Эстетическая революция и её последствия / пер. Дейкун, К. Тараненко, А. Дружаева. New Left Review. 2002. 8 с.
9. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 263 с.

Авторская справка

БОЧКАРНИКОВА Юлия Владимировна – старший преподаватель, Дальневосточный Федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: bjulea@yandex.ru

UDC 118

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.9

***CATEGORIES OF AESTHETIC
IN POST-INDUSTRIAL SPACE AND METAPOLITICS***

Yu. V. Bochkarnikova

Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Introduction. The article conducts a study of the aesthetics of the beginning in the 20th century. and its relationship with politics. The influence of the industrial revolution on social views, moral guidelines of both the individual and the whole society as a whole, which in turn determined the aesthetics of this period, is considered. At the same time, two categories of aesthetics are revealed, their relationship and their inclusion in the metapolitical scenario.

Methods. In this study, a metaphysical method is used when considering moral issues that constitute the social and personal worldview in a post-industrial society. It is also used, to build a logical chain of research and search for alternative solutions, the technique of sophism. And in order to build an evidence base on the issue being analyzed, and then to find solutions, a rationalistic method is used.

Results. The study is based on the concept of aesthetics, which was rethought in connection with the reorganization of post-industrial society. Socio-political principles that influence aesthetics are revealed. And in this regard, a conclusion is made about the hermeneutic, linguistic morphological structure of aesthetics, which is based on a sign system. Thus, for the new aesthetics, which is structured by a sign system, two categories are characteristic: firstly, it is “art becoming life”, aesthetics participating in “life-building”. This category includes objects of industrial production and design; the second category is defined as – “the life of art”, which is defined by the museum format representing art.

Conclusion. Given the morphological structure of the new aesthetics, it is concluded that it is included in the metapolitical scenario.

Key words: post-industry; art; aesthetics; postmodernism; politics; society; language; hermeneutics; design; worldview; morality.

References

1. Lefebvre A. [Space production]. Translated from French by Irina Staff Edited by M. Velikanova, A. Zhurbina. Moscow, Streike Press, 2015. 432 p.
2. McQuire S. Under the editorship of T. Grigoriev [Media city]. Moscow, Strelka Press, 2014. 392 p.
3. Foucault M. Under the general editorship of A. B. Mokrousov [The history of sexuality-III]: Self-care. Grunt, 1998. 170 p.
4. Derrida J. [Conversation with Jacques Derrida]. Jacques Derrida in Moscow: the deconstruction of a journey. Moscow, Ad Marginem. 1993. P. 151.
5. Deleuze J. [Marcel Proust and Signs]. Transl. from French E. G. Sokolova. Saint Petersburg, Aleteyya, 1999. 189 p.
6. Deborah G. [The Society of the Spectacle]. Per. from fr. C. Offeras, M. Yakubovich. Moscow, Logos, 2000. 224 p.
7. Arvatov B. [Art and production]. Digest of articles. Moscow, V-A-C, 2018. 184 p.
8. Jacques Rancière Translation prepared by the group [Trag] I. Deykun, K. Taranenko, A. Druzhaev [Aesthetic revolution and its consequences]. *New Left Review*. 2002. 8 p.
9. Rancier J. [Sharing the sensual]. Per. from fr. V. Lapitsky, A. Shestakov. From: Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2007. 263 p.

Author's bio

BOCHKARNIKOVA Yulia Vladimirovna – Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: bjulea@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Бочкарникова Ю. В. Категории эстетического в постиндустриальном и метаполитика // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 9–15. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.9

УДК 294.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.16

ПРОБЛЕМАТИКА БУДДИСТСКОГО ТЕОСА: БОЖЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

А. Ю. Козловский

Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика (Россия)

Введение. В рамках данной научной статьи автором комплексно рассмотрена достаточно актуальная, донныне неисчерпанная проблематика бытия буддистских божественных сущностей, разрешаемая в буддизме согласно его специфическим философским постулатам и религиозной космологии. Причём автор, отдавая должное предыдущим капитальным отечественным и зарубежным исследованиям, касавшимся вопросов типологического определения буддизма в качестве религии или же этико-атеистического учения, существования / несуществования буддистского Единого Бога-Творца, сущностной, функциональной и иной типологии многочисленных буддистских божеств, буддистских дискуссий относительно человеческой или же всецело божественной природы Будды Шакьямуни, других будд и «Бодхисаттв», синкретических связей буддизма с национальными религиями отдельных народов, сосредоточил собственное внимание на ключевых сущностно-характерных особенностях буддистских богов, их бытии и небытии, воздействии на них «Кармы» и «Сансары», специфике оригинального трансгрессивного соотношения между человеческой и божественной природой. Таким образом, нарративом данного исследования является вопрос не о том, признаётся или же не признаётся существование Единого Бога-Творца и многочисленных других богов в буддизме, а о том, каковы все эти боги.

Методы. В данном исследовании были применены аксиоматический метод, метод абстрагирования, методы восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, методы индукции и дедукции, методы анализа и синтеза, методы описания, сравнения и исторический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В отношении вопроса существования или, напротив, несуществования Единого Бога-Творца, наличия у Будды Шакьямуни человеческой или божественной природы буддистские точки зрения могут быть диаметрально противоположными. Это свидетельствует о том, что данные вопросы не актуальны по сравнению с ключевыми нарративными проблемами буддистской философии, к которым относятся, например, дилемма различия или же тождественности «Сансары» и «Нирваны», концепция «Пустоты» («Шуньята»), отсутствия у материальных объектов и «дхарм» их индивидуально-сущностной природы и т. д. В том числе и поэтому проблематика буддистского теоса не могла быть разрешена окончательно буддистскими мыслителями, в частности самим Буддой. Актуализация этой проблематики пагубна для буддиста, ибо она отвлекает его от постижения «Дхармы», продлевая его «Страдание». Познать же «Дхарму» и достичь «Нирваны», по примеру Будды Шакьямуни, человек способен без опоры на точное знание о существовании или же несуществовании Единого Бога-Творца. Люди и буддистские боги сущностно трансгрессивны в отношении друг друга. Так, с одной стороны, время бытия богов ограничено, им свойственны различные человеческие эмоциональные, чувственные и иные характеристики. С другой же стороны, обретение человеком «Просветления» «трансцендирует» его, постепенно приближая к обителям божеств, шаг за шагом превращая его в их подобие – в виде «Бодхисаттв».

Заключение. Таким образом, проблематика буддистского теоса в её, на наш взгляд, наиболее актуальном содержательном контексте воспроизводится исходя из фиксации ключевых сущностно-бытийственных характеристик тех или иных буддистских божественных сущностей. Эти характеристики сводятся к неуниверсализму их природы, что проявляется в цикличности их существования и исчезновения, подчинённости, подобно людям, действию «Кармы» и «сансарического круговорота».

Ключевые слова: буддизм; Бог; Будда; «Сансара»; «Нирвана»; боги.

Введение. Всеохватывающее, углублённое понимание содержательно-типологической сущности одной из мировых религий – буддизма – актуализирует необходимость обращения к проблематике, вовсе не относящейся, на наш взгляд,

к принципиально важным составляющим «изначального», «чистого» буддистского учения, заключённым в «Четырёх Благородных Истинах» и «Типитаке». Однако, в свою очередь, нижеуказанная проблематика представляется достаточно значимой для позднего буддизма, становившегося всё более «интернационально-прозелитическим», то есть выходявшего за этнические и государственные рамки индийского субконтинента, развивавшегося в свете школ «Хинаяны», «Махаяны» и «Ваджраяны» на разнообразной инонациональной почве Индокитая, Тибета, Китая, Монголии, Японии, Кореи, Центральной Азии, Калмыкии, Бурятии, Тувы и даже впоследствии Европы.

Эта проблематика имеет достаточно определённые и научно-религиоведческое, и конфессионально-религиоведческое измерения, воспроизводясь в свете неоднократно актуализируемой дихотомии: *«Буддизм – это религия или этико-мистическое, философско-спиритуалистическое учение»?* Имеет место и более «заострённая» и, собственно, достаточно «классическая», но несколько «упрощённая» формулировка, которая сводится к другому вопросу: *«Признаётся или же не признаётся в буддизме существование Единого (Единственного) Бога-Первотворца?»*

В свою очередь, такая постановка вопроса обуславливает наличие конфессионально-оценочных ответов на него, исходя из теистических и, собственно, монотеистических воззрений иудаизма, христианства и ислама. Оппозиционная бинарность сказанного актуализируется и тем, что индийские религиозно-философские системы, в отличие от иудео-христианского и исламского мировоззрения, достаточно недогматичны, в частности, в отношении вопроса о существовании «Божественного Творящего Субъекта». Однако существует и расхожий, популярный ответ на данный вопрос: *«В буддизме, так или иначе, отрицается существование Бога-Абсолюта как некоего Изначального, Единственного Творца Вселенной, вершителя земной судьбы и посмертной участи человека».* Не менее общепринятым является и другое корректное утверждение: *«Будда Шакьямуни не рассматривается его «истинными» последователями, прежде всего, «тхеравадинами», в качестве Бога – объекта истового религиозного поклонения, как это принято в авраамических религиях».*

В свою очередь, ещё одним актуальным основанием для обращения к рассматриваемому вопросу является общая исторически-эволюционная черта, свойственная всем этико-религиозным учениям Древней Индии и Древнего Китая. Так, буддизм, как даосизм и конфуцианство, воспроизводился в рамках двух исторических этапов, обусловивших определённое различие в их «содержательно-целеполагательном комплексе». Речь идёт о так называемых «изначальном философском» и «последующем религиозном» этапах. Первый из них (VII (VI) – II (I) вв. до н. э.) представляет собой совокупность схожих взглядов о «Первооснове», «Первопричине», «Первопринципе всего сущего», «Изначальной естественности», «Универсальной закономерности цикличного зарождения, изменения, исчезновения всего и вся». «Таковое» – безлично, бесконечно во времени и пространстве, оно «существует и не существует», оно «сопричастно всему во Вселенной и всё во Вселенной сопричастно ему». Ему извечно подчинены любые живые существа «и по сю, и по ту сторону», включая богов, полубогов. В качестве примеров указан-

ных категорий в индуизме, буддизме и джайнизме выступают, соответственно, «Брахман», «Дхарма», «Сансара» и «Нирвана», а в даосизме и конфуцианстве – «Тянь» («Небо») и несколько различно понимаемое ими «Дао».

Помимо этого, в рамках «философского этапа» закладывалась и фундаментальная этическая составляющая этих трёх учений, причём обусловленная иррационально понимаемыми причинно-следственными связями. Так, например, даосский принцип «У-вэй» («Недеяние») воспроизводит человеческий жизненный путь, «соответствующий Дао», а поклонение духам предков в конфуцианстве опосредованно обуславливает категории «Жэнь» («Гуманность») и «Цзюнь-цзы» («Благородный Муж»). Буддистский же образ «Бодхисаттвы» означает «человека-полубога», достигшего «Нирваны», в частности, имеющего возможность «свободно отринуть» её во имя действенного спасения всего человечества. Однако и «философский этап» в истории даосизма, конфуцианства и буддизма, как ни странно, достаточно мифологичен, мистифицирован. Так, и конфуцианское, и даосское, и буддистское предания повествуют о том, что зачатие, вынашивание и рождение Лао-Цзы, Конфуция и Будды – результат вмешательства божественных сил, сопровождавшийся самыми различными чудесами и предсказаниями. Что же касается, собственно, «религиозного этапа» (приблизительно II-XIII вв. н. э.), то в его рамках имело место уже самое настоящее обожествление, «космогенизация» личности и Лао-Цзы, и Конфуция, и Будды.

Заявленная нами проблематика сохраняет свою актуальность, несмотря на колоссальные достижения европейской и российской буддологии, развивавшейся на протяжении более чем двух веков, и благодаря которой известно, что существование и «Верховного Бога Брахмы», и многочисленных «других богов» в буддизме однозначно признаётся. Так, достаточно обширный буддистский пантеон обязан своим существованием многовековым традициям религиозного синкретизма и веротерпимости, свойственным индийской культурной матрице в целом, унаследованным буддизмом от брахманизма и индуизма. Историческими проявлениями отмеченного следует считать греко-буддизм, отдельные синкретические «версии» так называемого «Северного» и «Южного» буддизма, исповедуемые среди самых разнообразных неиндоарийских народов, религию Бон, переплетение буддизма и тенгрианства [1, с. 1355, 1356, 1357-1358, 1359], признание фактической тождественности между богами и «Бодхисаттвами», имеющей место, например, в синто-буддизме [2, с. 38-39]. Однако и со стороны последователей «Тхеравады», и со стороны научной буддологии неоднократно высказывалось мнение, что результатом проникновения в поздний буддизм теистических, деистических и пантеистических элементов стало извращение изначального, «высокого», «условно атеистического» буддистского учения, его наполнения «самым примитивным и грубым идолопоклонством» [3, с. 69].

Но, в свою очередь, даже «изначальный» буддизм, посредством махаянистского принципа «Упая каушалья» («Искусные средства»), применявшегося будто бы самим Буддой, не ставил целью отвергать существование богов брахманизма. Этот принцип сводился к изложению содержания буддистской «Дхармы», приспособляясь не только к «характеру, проблемам и уровню понимания того или иного человека» [4, с. 823], но и к его давней, часто безоговорочной вере в определё-

ных, например, «этнических» божественных существ. Этот принцип допускал возможность одновременного понимания человеком верховенства «Дхармы» и его истового поклонения тем или иным божествам.

Таким образом, имеет место очевидная необходимость в рассмотрении проблематики буддистского теоса под несколько иным углом зрения, актуализирующим вовсе не противопоставление признания непризнанию в буддистском учении существования «Творящего Первоначала», а выявление ключевых сущностных и целеполагательных характеристик буддистского божественного сонма. Так, одной из важнейших критериальных характеристик является трансцендентно-сотеариологическое взаимодействие между Богом и человеком. В буддизме таковое взаимодействие чрезвычайно отличается от соответствующих императивов, принятых в авраамических религиях.

Разумеется, что соответствующие компетентные ответы на многие из указанных вопросов неоднократно давались отечественными и зарубежными исследователями-религиоведами, в частности, в свете неизбежного сопоставления буддизма, например, с христианством. Так, затрагивавшиеся ими предметные темы и полученные обоснованные, ценные выводы можно обобщённо свести к следующим:

1. Признание буддизма лишь религией или же, напротив, сугубо атеистическим духовным учением является колоссальным упрощением этой проблематики, уводящим от получения беспристрастного ответа (А. В. Чебунин, А. В. Ложкина);

2. Существование Единого, Универсального Бога-Творца в раннем, «истинном» буддизме не признавалось. Но и, напротив, в рамках данного учения совершенно не запрещалось верить в такого Бога. В свою очередь, доктринальное отрицание в буддизме монотеизма и генотеизма произошло позднее (Н. К. Барсукова, А. В. Ложкина, И. С. Урбанаева);

3. Сам Будда Шакьямуни признавался в раннем буддизме не Богом, но лишь «самым великим человеком», «познавшим «Дхарму» и помогающим приобщиться к ней другим людям (К. М. Карягин, Н. К. Барсукова, А. В. Ложкина);

4. Существование или несуществование Единого Бога-Творца не являлось и не является чрезвычайно актуальным вопросом для буддистского учения, в частности, для раннего буддизма (А. В. Ложкина, Илка Пюсияйнен, И. С. Урбанаева);

5. «Кармически обусловленными» субъектами буддистской космологии являются самые разнообразные, типологически многочисленные боги. Они не всемогущи и подвержены «смерти». Над ними довлеет угроза последующего «низкого перерождения», согласно закону «Кармы», например, в виде самого обыкновенного человеческого существа. Они – лишь один из типов существ, пребывающих в «Сансаре», рождающихся вследствие «дуновения ветра Кармы». Некоторые из них (Индра, Брахма) символически «прислуживают Будде»,.. в некотором роде «исповедуя буддизм» (А. В. Чебунин, А. В. Ложкина);

6. «Религиозный буддизм», не будучи «элитарным», представляет собой в большей мере достояние народных низов, мирян, но не буддистского монашества (А. В. Чебунин);

7. Проявлениями религиозной составляющей буддизма можно считать, например, буддистские элементы в тенгрианстве и синто-буддизме (С. Ш. Аязбекова, О. В. Багаева);

8. Христианская точка зрения отрицает наличие концепции Единого Бога-Творца в буддистском учении (К.М. Карягин, В.А. Кожевников, И.С. Урбанаева);

9. Буддизм как таковой, так или иначе толкуя природу Будды Шакьямуни, иного будды или «Бодхисаттвы», нивелирует границу между божественным и человеческим субъектом, продуцируя естественность человеческо-божественной трансгрессии, «переходности» в случае успешных духовных практик, индивидуально повторяющих путь Будды Шакьямуни (О. В. Багаева).

Методы. Содержание, в частности, выводы данного исследования обусловлены целевым применением следующих общенаучных теоретических и эмпирических методов. Так, никакая констатация и последующее подробное рассмотрение предметных положений данного исследования не были бы возможны без обращения к аксиоматическому методу, применение которого нашло своё выражение в изначальной опоре на отдельные, не подлежащие сомнению, буддистские постулаты и сведения из истории буддистской философии. Максимальное «опредмечивание» данного исследования было достигнуто благодаря обращению к методу абстрагирования, позволившему сосредоточить внимание не просто на проблематике «Бог в буддизме» или «Существование Бога в буддизме», а на конкретных, характерных, специфических, причинно-следственных чертах бытийственности буддистских богов.

В рамках данного исследования имело место поочерёдное и равное применение методов восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, методам индукции и дедукции, совокупно позволившим прийти к выводам о том, что собой представляют буддистские боги, в чём состоит соотношение человеческого и божественного в буддизме. Углублённое же рассмотрение конкретных положений исследования производилось на основе применения методов изначального анализа и итогового синтеза. Условием применения всех этих теоретических методов стало предварительное обращение к таким эмпирическим методам, как описание, сравнение, исторический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Достаточно часто буддизм трактуется людьми, исповедующими либо иудаизм, либо христианство, либо ислам, как почти что «атеистическая философская система». Это, в свою очередь, всегда отрицается буддистами [5, с. 61–62].

Однако сам Будда Шакьямуни не рассматривался его первыми последователями и «тхеравадинами» в качестве Бога – объекта истового религиозного поклонения, как это принято в упомянутых авраамических религиях. Это, однако, не мешает буддистам искренне или неискренне признавать существование, например, бога Брахмы и других, собственно, индуистских, то есть индоарийских, ведических, брахманистских, а также многих совершенно неиндийских божеств. Все они считаются «образно-опосредованными» проявлениями «сил Будды». Буддистские божества, как люди и животные, пребывают в «Колесе Сансары»: они претерпевают почти бесконечные перерождения и смерти, согласно закону «Кармы». В эпоху позднего буддизма Будда Шакьямуни все-таки был наделён чертами, свойственными божественному существу. Само «Просветление», достигнутое Сиддхартхой Гаутамой, сделавшее его Буддой, «возвысило» его над брахманистскими

богами, которые, пребывая в «Сансаре», «стали слушать его проповеди» [6, с. 88]. Также важно отметить, что в вишнуизме Будда Шакьямуни признаётся одной из «Аватар» бога Вишну, призванной, однако, «отвращать людей от Дхармы». В свою очередь, изначально в Европе, познакомившись с буддизмом, рассматривали Будду Шакьямуни и предшествовавших ему будд именно в качестве богов в вышеуказанном религиозно-монотеистическом содержательном смысле [7, с. 138]. Причём таковое преемственное теистическое восприятие Будды во многом обуславливалось мнениями о буддизме, сформированными отдельными представителями раннего христианства. Так, например, Святой Климент Александрийский в «Строматах» утверждал: «Те из индусов, которые следуют предписаниям Будды, чтут его за святость, как бога» [8, с. 812].

Итак, буддистское предание гласит, что «Просветлённый» отвечал «принципиальным молчанием» на вопросы о существовании Бога или же прямо говорил о том, что лично он не в состоянии, «подобно Богу», уничтожить несчастья человечества. Он лишь может «указать Дхарму», постичь которую каждый человек может только самостоятельно [9, с. 20-21]. Помимо этого, вера в Единого Бога-Творца, по мнению буддистов, лишь усугубляет человеческое «Неведение» («Авидья») и «Страдание» («Духкха»), будучи препятствием на пути к «Дхарме» и «Просветлению» («Бодхи»). С другой стороны, возможность существования Единого Бога в буддистском мировосприятии – это «неизбежный» результат умозрительного предположения, допущения. Логически же доказать или, напротив, опровергнуть существование Бога-Творца, по мнению буддистов, невозможно.

Так или иначе, но «Просветление», достигнутое Буддой Шакьямуни, не дало ему никакого «точного», эмпирически или «иначе» подтверждаемого знания о существовании такого Единого Бога, который сотворил наш «внешний», чувственно постигаемый мир. Вот почему буддисты утверждают, что познать что-то, пребывающее за пределами чувственно постигаемой действительности – вне человеческой воли, но, как ни парадоксально, этого можно «достигнуть». Поэтому Будда, «не умствуя», а посредством психо-медитативного состояния («Дхьяна») «достиг» и познания «Четырёх Благородных Истин», и «Нирваны».

В свете вышесказанного, на наш взгляд, возникает следующий закономерный вопрос. *Каким же образом представляется возможным совместить буддистские, собственно, иррациональные представления о метафизически-космическом участии человека, «скованного» «Кармой» и «Сансарой», и упомянутую буддистскую убеждённость в непознаваемости всего, находящегося вне человеческого чувственного восприятия и интеллектуального, абстрактно-образного мышления?* Ответ на этот вопрос заключается в том, что все буддистские, воистину нематериальные, иррациональные религиозные категории («Карма», «Сансара»), «существуя предвечно», якобы непосредственно «отражаются», «проявляются» в самом человеке. Все трагические и радостные обстоятельства и перипетии земной жизни человека, его здоровье, внешность, принадлежность к той или иной варне и этносу, везение и невезение, продолжительность жизни и сам её итог воспроизводятся в рамках «Сансары» и согласно закону «Кармы». Поэтому всё указанное трактуется не как результат Божьего промысла / замысла, а как воздействие «Кармы», эмпирически постигаемое на примере «земной» жизни человека. *Для дости-*

жения же «Просветления» будущему «Архату», «Бодхисаттве», даже самому Будде не нужен ни один из богов.

Признание же в буддизме существования различных божеств («Дэвы», «Ишвары»), которые, как и человек, подвластны «Сансаре» и «Карме», является естественным следствием преемственности индуистского политеизма в буддизме, адаптации буддизмом многих иноземных пантеонов к содержанию своего учения и, собственно, определённого «равнодушия» буддизма к вопросу о существовании Единого Бога. Так, например, понятие «Брахма» в прошлом и современном буддизме зачастую означает не одного лишь бога Брахму, а некий целый класс / тип многих подобных божеств, пребывающих одновременно «в сфере бытия, полубытия и небытия». Сам же Будда Шакьямуни, например, говорил о себе, что он ни бог («Дэв»), ни ангел («Гандхабба»), ни демон («Яккха»), ни человек, а именно Будда – «Единственный, не имеющий равных, несравнимый, бесподобный, непревзойдённый, лучший из двуногих» [7, с. 141].

Однако, например, в традиции «Тхеравады» Будда рассматривается и как некое «божественное существо», неоднократно воплощавшееся во многих конкретных человеческих личностях [7, с. 145]. Это несколько сближает природу Будды с природой, например, Иисуса Христа, который, будучи Богом, также, как известно, воплотился в человеческом теле. Но вышеупомянутое нами буддистское допущение существования некоего «главного» Бога-Творца «внешнего мира», причём и неоднократное рождение и смерть («сон») таких «главных» богов и циклически повторяющееся сотворение ими различных вселенных, следует признавать вторичным по отношению к регулирующей всё и вся верховной роли «Кармы» и «Сансары», «Дхармы» как пути к «Нирване» – ключевой трансцендентной цели буддиста.

Поэтому буддистская космология отвечает на совершенно другой, но не менее фундаментальный вопрос: каков Верховный Бог и каковы иные / остальные боги? За этим следуют два ответа.

Первый ответ. Например, верховный бог Брахма сам является регулярно «сотворяемым», заново «сотворяющимся». Как ни странно, но различные иные, в том числе многочисленные «младшие боги», обладают не только могуществом, но и рядом черт, слабостей, «сближающих» их с человеческим родом, например, ...очевидное отсутствие бессмертия.

Так, бог Брахма, пребывающий в «Океане», изначально заключён в «Золотом Яйце». Однако он не «Предвечен». Как и индуисты, оперируя понятием «Кальпа» («Каппа»), буддисты полагают, что «зарождение» бога Брахмы является следствием завершения «Малой Кальпы Пустоты», на смену которой поочерёдно приходят «Малая Кальпа Творения», «Малая Кальпа Пребывания» и «Малая Кальпа Разрушения». Они совокупно являются четырьмя «неисчислимыми» составляющими одной «Великой Кальпы» («Махакальпа»). Циклически-новый мир («Малая Кальпа Творения») рождается посредством «накопления Кармы» всех существ, живших в рамках прошлой, «погибшей» Вселенной. «Дует лёгкий ветер Кармы», постепенно усиливаясь, преобразовываясь сначала в «плотный Круг Ветра», а затем – в «Круг Воды». В нём формируется так называемый «Круг Золота», где и возникает «Золотое Яйцо». Зародившийся в нём бог Брахма «силой своей мысли разби-

вает» это яйцо, покидая его. Верхняя и нижняя скорлупа, опять-таки силой его мысли, образуют небо и землю соответственно, между которыми находится воздух. По аналогии с индуистскими воззрениями, в центре этого «Океана» находится континент-гора «Меру» («Сумеру»), вокруг которой расположены «четыре континента», главным из которых также является «Джамбудвипа» (остальные – «Пурва-видеха», «Апарагодания», «Уттаракру»).

Бог Брахма создаёт звезды, горы, равнины, реки, моря. Вся сфера созданного богом Брахмой материального мира населяется разнообразными живыми творениями. Причём некоторые буддистские предания утверждают, что бог Брахма «заблуждался», считая себя творцом Вселенной, полагая так и в силу «неведения», и в силу «отсутствия воспоминаний», и в силу «незнания» «Дхармы». Далее «рождаются» и другие самые различные божества, которые «смотрят» на бога Брахму и «признают» его своим создателем. Процесс существования каждой из четырёх «Малых Кальп» сводится к чередованию в них двадцати меньших, «промежуточных» кальп «Возрастания» и «Убывания». В рамках всей «Малой Кальпы Пребывания» очередная «Кальпа Возрастания» свидетельствует о нравственности, добре, прогрессе человечества. «Кальпа Убывания» – это, напротив, пора упадка, которая завершается всеохватывающей деградацией. По окончании последней «Кальпы Убывания», знаменующей завершение всей «Малой Кальпы Пребывания», в свои права вступает «Малая Кальпа Разрушения», в ходе которой «умирают» «очередной», «данный» бог Брахма и вся созданная им Вселенная. Далее в свои права вступает «Малая Кальпа Пустоты», окончание которой и означает завершение всей «Великой Кальпы» – «целой жизни» бога Брахмы. Затем начинается новый вселенский цикл. Таким образом, ключевым вопросом в рамках вышерассмотренной проблематики Бога-Творца в буддистском учении является не вопрос о том, существует он или нет. Из сказанного явствует, что он существует. Но, не будучи единственным, универсальным Богом-Творцом, он зарождается и умирает в рамках каждого цикла появления и исчезновения «очередной» Вселенной.

Следует упомянуть и о «Мире Чувственных Ощущений» («Камадхату»), являющимся «первым уровнем» в рамках системы «Траялокья». Помимо людей, других самых различных живых существ, обитателей адв, он населён и типологически самыми различными божествами, иерархически отделёнными друг от друга. Им не чуждо ничто человеческое: они испытывают желания, страсти, влечения, надежды и даже стремления к соблазнам, плотским утехам, стыдливость, угрызения совести и корыстолюбие. Ареалом этого мира и является гора «Меру», расположенная в «Океане», окружённая «дворцами» этих 33 богов, опоясанная меньшими горами и вышеупомянутыми четырьмя континентами. Подземные же слои являются «Шестнадцатью горячими (восемь) и холодными (восемь) адскими пространствами» – «Нарака». Главной отличительной чертой этого уровня Вселенной являются его циклично повторяющиеся уничтожимость и возрождаемость. Божественной сущности намного более соответствуют обитатели «второго уровня», «Мира Форм» («Рупадхату»), также населённом разнообразными, «характерными» богами. Однако и здесь имеет место уничтожимость и возрождаемость одной из частей этого мира – «Первой Дхьяны» или «Мира Брахмы». В свою очередь, только в «Мире-Не Форм» («Арупядхату») совершенно изжиты не только какие-либо

человеческие пристрастия, но и такие характеристики, как, например, тело и все его потребности.

Но, как это ни странно, среди самых различных человеческих качеств, присущих отдельным индийским, в частности буддистским божествам, причём разного рода, свойственны также колоссальный страх и чувство вины перед человеком, признание его могущества. Приведём лишь два наиболее ярких примера из «Махабхараты». Так, в самом начале эпоса, в «Книге Первой» («Ади Парва»), повествуется об ужасном святотатственном проступке восьми божеств, наложенном на них за это человеческом проклятии и последующем трансцендентном избавлении от него. Так, восемь божеств («Восемь Васу») были прокляты подвижником-брахманом Васиштхой за то, что по просьбе супруги Дьяуса, старшего из «Васу», они увели его корову и телёнка, дававших волшебное, жертвенное молоко. За это Васиштха проклял их тем, что они переродились в «жалком человеческом, телесном облиции». И лишь соглашение между ними и богиней-рекой Гангой о том, что Ганга, сочетавшись браком с царевичем Шантану, родит «из своего небесного чрева» восьмерых сыновей, бросив, однако, семерых из них в реку, тем самым обеспечит им спасительное перерождение «снова в божественном виде». Так и свершилось. И лишь Дьяус, он же впоследствии Гангей, не будучи брошенным в реку, так и остался жить человеком, став Бхишмой – великим общим, но бездетным предком и Кауравов, и Пандавов [10, с. 26, 31–38].

В рамках же второго примера повествуется о проступке уже не «рядовых божеств», а самого Индры-Громовержца, который посмеялся над помощниками («мудрецами») подвижника Кашьяпы. Они, будучи простыми людьми и испытывая усталость, с трудом несли «стебелёк» и, угодив в наполненное жижей копыто коровы, не смогли из него выбраться. Бог Индра, также по требованию Кашьяпы (!) несший дрова, в задоре простёр над ними свою огромнейшую ногу. Тогда подвижники пригрозили ему, что сотворят «второго Индру», его двойника, но во сто крат сильнее «первого», «оригинального». В страхе и отчаянии Индра взмолился к Кашьяпе (!), прося не сотворять «другого Индру». Кашьяпа умирил гнев подвижников, но присудил рождение «пернатого Индры» – Гаруды. Самому же Индре, великому богу, смертный человек Кашьяпа повелел (!) больше никогда не обижать подвижников [10, с. 279–280].

Мы можем вполне обосновано зафиксировать преемственность в буддизме индуистской концепции теоса. Так, например, в «Сутта-питаке» можно обнаружить упоминания о ключевых богах ведизма – Индре, Варуне, Агни, Яме, Брахме. Причём ни остальные сутты [11, с. 91–92], ни джатаки [12, с. 466–488] не содержат осуждения или запрета в отношении веры в этих богов. Хотя и доктринально оформленное отрицание в буддизме Бога-Абсолюта все-таки состоялось позднее, согласно учению «Ниришвара-вада» [11, с. 92].

Однако впоследствии, в условиях развития «религиозного буддизма» в рамках многочисленных школ «Махаяны» и особенно «Ваджраяны», религиозный концепт обрёл свои существенные позиции в свете обожествления будд прошлого и многочисленных «Бодхисаттв», выполняющих функции буддистских богов. В махаянской мифологической традиции содержится немалое количество «Бодхисаттв» как мужского, так и женского пола. Все они олицетворяют ту или иную

предвечную, трансцендентную миссию, выполняемую ими во имя блага всех живых существ: Авалокитешвара («Бодхисаттва Сострадания»), Манджушри («Бодхисаттва Мудрости»), Ваджрапани («Бодхисаттва Уничтожения Заблуждений»), Тара («Бодхисаттва Женского Пробуждения»), Кшитигарбха («Бодхисаттва Спасения от Ада»). Так, например, современные буддисты ждут явления грядущего Будды – Майтрейи, признающего себя ими «Спасителем мира».

Второй ответ. Индивидуальное / всеобщее Спасение и Истина обретаются буддистами практически вне их связи с Богом / богами. Воспроизводство этих двух ключевых сотериологических категорий практически никак не связано с существованием и деяниями Брахмы и других богов. Таким образом, в центре внимания буддизма – не Бог, а сам желающий просветлиться или уже просветлённый человек, без Бога познавший себя и овладевший собой, неуклонно, добросовестно следующий буддисткой «Дхарме». Итогом этого должно стать приобщение человека, достигшего «буддовости» («Бодхи») и «Нирваны», к трансценденции, причём фактически в качестве одного из её субъектов, продолжающего «вращать Колесо Дхармы».

Так, например, буддистское посвящение в «Ваджраяне» предусматривает «Поиск Прибежища» не только в Будде, «Дхарме» и «Сангхе», но и в «Гуру», что практически равно обожествлению его. Причём не в Боге, а в Будде – как в Учителе, «Дхарме» – как в Истине и в «Сангхе» – как в святом братстве буддист-новичок ищет «Прибежища» и в самом что ни на есть «классическом» буддизме «Тхеравады». Так, обретение «Прибежища» в «Дхарме» и «Сангхе» является даже более важным, чем «в Будде» [5, с. 62]. Что же касается духовно-целеполагательных практик «Ваджраяны», то они предусматривают / обещают «ускоренное», даже «мгновенное» обретение адептом «буддовости». В «Ваджраяне», при большем отличии от «Махаяны» и уж тем более от «Тхеравады», имеет место колоссальный культ человеческого тела, как микро-отражения самой сути «Дхармы», Вселенной и всех её вечных законов, процессов, итогов. Этим можно объяснить распространённость в «Ваджраяне» сексуально-эротических действий, склонности к «чудодейственной алхимии» и т. д. Тело – единственное, вечное «средство связи» с Абсолютом, пребывающее в неразрывном единстве с таковым Первоначалом, «не отличающееся от него». Поэтому только в рамках человеческого тела, а не, например, посредством душевного раскаяния за содеянные грехи, якобы и можно достичь «буддовости», избавиться от «Страдания», испытать блаженство единения с трансцендентным Абсолютом.

Это, в свою очередь, совершенно неприемлемо (кошунственно) ни с концептуально-теистической, ни с этической точек зрения авраамических религий, утверждающих Предвечность, Несотворённость, Первопричинность, Универсальность, Всемогущество, Вечность, Истинность Одного Бога – Творца единственной, уникальной Вселенной. Это постулирует непреодолимую сущностно-бытийственную и функционально-деятельную разницу между Богом и человеком. Универсальным примером таковой буддистской трансгрессии служит, безусловно, обретение «Бодхи» Сиддхартхой Гаутамой под деревом близ города Гая. Тогда он поклялся, что не сдвинется с места, покуда не обретёт желаемого. Пережитое им состояло в том, что перед его «глубочайшим внутренним взором» пронесли все

его прошлые и будущие рождения, прошлые, настоящие и будущие жизни всех существ. Демон любви и смерти Мара «пытался затмить его разум и сердце». Когда же минуло, по разным буддистским преданиям, от 7 до 49 дней, Сиддхартха превратился в Будду, достигнув «Бодхи», став «Бодхисаттвой», обретшим «Бодхи-читту» и «Нирвану». Ему открылись «Четыре Благородные Истины», содержание которых он впервые изложил в Сарнатхе, пригороде Бенареса, в Оленьем парке, своим ближайшим пяти братьям-аскетам и другим слушателям, признавшим в нём Будду Шакьямуни («Просветлённый из рода Шакья»).

Из данного психо-медитативного опыта Сиддхартхи Гаутамы особенного внимания заслуживает, на наш взгляд, эпизод, связанный с его «сознательной борьбой» с демоном Марой, наводившим на него сомнения и искушения. Это актуализирует колоссально важную особенность общеиндийской и отдельно буддистской концепции взаимодействия между сферой человеческого и сферой теоса – «приручение» последней сознательными усилиями первой [11, с. 93].

Заключение. Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, мы можем прийти к следующим предметным выводам.

Данная философско-религиоведческая проблематика включает в себя целый комплекс вопросов, связанных не столько с упрощённым «теистическо-атеистическим дискурсом», сводящимся всего лишь к признанию или отрицанию существования буддистского теоса, сколько с выявлением типологически-характерной специфики его трансцендентно-циклического, чередующегося «бытия и небытия», обусловленного действием «Кармы», «сансарическим круговоротом» и методами их глубинно-сознательного преодоления. Сказанное имеет отношение к вопросам определения буддизма в качестве религии или же «безбожного» философско-мистического учения, существования или несуществования в буддизме Единого, Универсального, Всемогущего Бога-Творца, признания или отрицания, собственно, определения видовой божественной природы Будды Шакьямуни, других будд и «Бодхисаттв», бытийственной «обусловленности» самых разнообразных индуистско-буддистских богов. Так, буддистские боги не вечны, не всемогущи перед человеком, отстранены от него.

Бытийственные характеристики буддистского теоса определяются совершенно нехарактерным для авраамических религий соотношением между человеческой и божественной природой: человек и то или иное божество – лишь разные «сущностные ступени» в рамках «бытийственно-небытийственного» трансцендентного Универсума, отделённые друг от друга пребыванием в «Сансаре» или «Нирване», «Мире Чувственных Ощущений», «Мире Форм» и «Мире Не-Форм». Нивелирование онтологических преград между человеческой и божественной природой достигается их усиленным сознательным преодолением по примеру Будды Шакьямуни, что делает человека не только «Архатом», но и «Бодхисаттвой» – сверхсуществом, полубогом, наделённым универсально-сотериологическими способностями в отношении всего человечества, возможностью «повелевать» богами. Следовательно, истинный буддист не нуждается в опоре на божественное начало и его откровение, но существование которого им вполне допускается, хотя и не признаётся однозначно.

Акцентирование же внимания на «реальном», «внесознательном» существовании богов и необходимости культового поклонения им воспроизводит проблематику исторически неизбежного возникновения «народного», «мирского», «религиозного» буддизма, практически не связанного с заявленным и рассмотренным нами дискурсом. Как нами отмечено ранее, это не является актуальной проблемой для буддизма, будучи лишь следствием его определённой «недоктринальности» и веротерпимости.

Список литературы

1. Аязбекова С. Ш. Тенгрианская и буддийская космологии: опыт сопоставительного анализа // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 6. С. 1354–1365.
2. Багаева О. В. Синто-буддийский синкретизм // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2004. № 8. С. 35–47.
3. Карягин К. М. Сакиа-муни: Его жизнь и философская деятельность; Конфуций: Его жизнь и философская деятельность; Савонарола: Его жизнь и общественная деятельность; Торквемада (Великий инквизитор): Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции; Игнатий Лойола: Его жизнь и общественная деятельность / худож. оформ. А. В. Малафеева. СПб.: ЛИО Редактор, 1993. 368 с. (Жизнь замечательных людей).
4. Индийская философия: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц // Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит.; Академический Проспект; Гаудеамус, 2009. 950 с.
5. Урбанаева И. С. Специфика буддизма как философии и религии // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 61–69.
6. Чебунин А. В. Историческое развитие буддийской идеологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 84–90.
7. Илка Пюсиайнен. Буддизм, религия и понятие «Бог» // пер.: Т. Малевич; редакция перевода: П. Н. Костылев; пер. вып. по изданию: Puysiainen I. Buddhism, religion and the Concept of «God» // Numen. 2003. Vol. 50/2. Pp. 137–154.
8. Кожевников В. А. Буддизм в сравнении с христианством // Христианское чтение. 1910. № 7–8. С. 801–829.
9. Барсукова Н. К. Изучение некоторых аспектов идеи Бога в мировых религиях // Исламоведение. 2012. № 3. С. 11–22.
10. Махабхарата. Рамаяна // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 2. М.: Художественная литература, 1974. 607 с.
11. Ложкина А. В. Боги в раннем буддизме // Финиковый Компот. Доказательства бытия Бога. Сентябрь 2017. № 12. С. 91–99.
12. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 1. М.: Художественная литература, 1973. 736 с.

Авторская справка

КОЗЛОВСКИЙ Алексей Юрославович – старший преподаватель, Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия.
E-mail: a.kozlovskiy@donnu.ru

UDC 294.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.16

THE ISSUE OF BUDDHIST THEOS: DIVINE EXISTENCE AND ITS CHARACTERISTICS

A. Yu. Kozlovskiy

Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic (Russia)

Introduction. Within this scientific paper the author on a complex basis considered the fairly actual, not yet exhausted issue concerning Buddhistic divine spirits being, which is grappled in Buddhism under its specific philosophic postulates and religious cosmology. And besides the author, in justice to the previous overhaul native and foreign researches that accented on typological determining Buddhism as religion or ethic and atheistic doctrine, existing/non-existing of Buddhistic Exclusive Lord-Creator, essential, functional and other typology of many Buddhist gods, Buddhistic discussions about human or entire divine nature of Buddha Shakyamuni, other buddhas and «Bodhisattvas», syncretic connections between Buddhism and religions of particular nations, focused his attention on basic essential and characteristic peculiarities of Buddhist gods, its existence and non-existence, «Karma's» and «Samsara's» influence on them, particularity of original transgressed correlation between human and divine nature. Thus the narrative of the given research is not an issue whether the existence or non-existence of Exclusive Lord-Creator and many other gods is accepted in Buddhism, but what all these gods are.

Methods. Within the given research the axiomatic method, abstracting, ascensioning from abstractions to particulars and from particulars to abstractions, induction and deduction, analysis and synthesis, describing, comparing and historical methods were used.

Results. Relating to the issue of existence or, on the contrary, non-existence of Exclusive Lord-Creator, Buddha Shakyamuni having human or divine nature the Buddhist points of view could be diametrically opposite to each other. It means that these issues are not actual comparing to the basic narrative points of Buddhist philosophy, whose examples are the dilemma of difference or identity between «Samsara» and «Nirvana», conception of «Emptiness» («Shunyata»), material objects and «dharmases's» not having its individual and essential nature etc. Among others this is why the matter of Buddhist Theos could not be clenched definitely by Buddhistic thinkers, particularly by Buddha himself. The actualization of this issue is harmful for Buddhist because it distracts him from comprehension of «Dharma», prolonging his «Suffering». Cognizing the «Dharma» and getting «Nirvana», as Buddha did, is possible for anyone without reliance on the exact knowledge about existence or non-existence of Exclusive Lord-Creator. Human beings and Buddhistic gods are essentially transgressed relating to each other. On the one hand, the time of gods' existence is limited, different human emotional, sensual and other characteristics are inherent in them. On the other hand, human coming to «Enlightenment» «transcends» him, gradually bringing him closer to the divine residences, step by step converting him into them as «Bodhisattvas».

Conclusion. Thus the issue of Buddhistic theos within its, to our mind, most actual content context reproduces itself on the basis of emphasizing the key essential and existing characteristics of one or another Buddhistic divine spirits. These characteristics add up to non-universalism of its nature that appears in cyclic recurrence of its existence and disappearing, subordination in humans being way to «Karma» and «Samsara's gyre».

Keywords: Buddhism; God; Buddha; «Samsara»; «Nirvana»; gods.

References

1. Ajazbekova S. Sh. Tjengrianskaja i buddijskaja kosmologii: opyt sopostavitel'nogo analiza [Tengri and Buddhistic cosmologies: the experience of comparing analysis]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*. 2018. Vol. 160. Book 6. Pp. 1354–1365. (In Russ.).
2. Bagaeva O. V. Sinto-buddijskij sinkretizm [Shinto-Buddhistic syncretism]. *Izvestija Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. No. № 8. Pp. 35–47. (In Russ.).
3. Karjagin K. M. Sakia-muni: ego zhizn' i filosofskaja dejatel'nost'; Konfucij: Ego zhizn' i filosofskaja dejatel'nost'; Savonarola: Ego zhizn' i obshhestvennaja dejatel'nost'; Torkvemada (Velikij inkvizitor): Ego zhizn' i dejatel'nost' v svjazi s istoriej inkvizicii; Ignatij Lojola: Ego zhizn' i obshhestvennaja dejatel'nost'. *Sakia-muni: ego zhizn' i filosofskaja dejatel'nost'* [Shakyamuni: his life and philosophical activity]. Serija Zhizn' zamechatel'nyh ljudej. Oform. hudozh. A. V. Malafeeva. Saint Petersburg, LIO Redaktor, 1993. 368 p. (In Russ.).
4. *Indijskaja filosofija: Jenciklopedija* [Indian philosophy: Encyclopedia]. Serija Summa. Otv. M. T. Stepanjanc; In-t filosofii RAN. Moscow, Vost. lit.; Akademicheskij Prospekt; Gaudeamus, 2009. 950 p. (In Russ.).
5. Urbanaeva I. S. Specifika buddizma kak filosofii i religii [The particularity of Buddhism as philosophy and religion]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 8. Pp. 61–69. (In Russ.).
6. Chebunin A. V. Istoricheskoe razvitie buddijskoj ideologii [The historical development of Buddhistic ideology]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 8. Pp. 84–90. (In Russ.).
7. Ilka Pjusiajn. *Buddizm, religija i ponjatie «Bog»* [Buddhism, religion and the Concept of «God»]. Perevod: T. Malevich. Redakcija perevoda: P. N. Kostylev. Perevod vypolnen po izdaniju: Pyysiainen I. Buddhism, religion and the Concept of «God». Numen. 2003. Vol. 50/2. Pp. 137–154. (In Russ.).
8. Kozhevnikov V. A. Buddizm v sravnenii s hristianstvom [Buddhism in comparison with Christianity]. *Hristianskoe chtenie*. 1910. No. 7-8. Pp. 801–829. (In Russ.).
9. Barsukova N. K. Izuchenie nekotoryh aspektov idei Boga v mirovyh religijah [Studying some aspects of God concept within world principal religions]. *Islamovedenie*. 2012. No. 3. Pp. 11–22. (In Russ.).
10. Mahabharata. Ramajana [Mahabharata. Ramayana]. *Biblioteka vseмирnoj literatury. Serija pervaja*. Tom 2. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1974. 607 p. (In Russ.).
11. Lozhkina A. V. Bogi v rannem buddizme [Gods within the first Buddhism]. *Finikovyj Kompot. Dokazatel'stva bytija Boga*. Sentjabr'. 2017. No. 12. Pp. 91–99. (In Russ.).
12. Pojezija i proza Drevnego Vostoka [The poetry and prose of Ancient East]. *Biblioteka vseмирnoj literatury. Serija pervaja*. Tom 1. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1973. 736 p. (In Russ.).

Author's bio

KOZLOVSKIY Alexey Yuroslavovich – Senior Lecturer, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia.
E-mail: a.kozlovskiy@donnu.ru

Библиографическая ссылка

Козловский А. Ю. Проблематика буддистского теоса: божественное существование и его характеристики // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 16–29.
DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.16

УДК 167.7, 37.01

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.30

СМЕНА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ОБРАЗОВАНИЮ КАК НЕОБХОДИМОЕ СЛЕДСТВИЕ ЕГО МАССОВОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е. В. Малахова

НИЯУ МИФИ; Институт философии РАН, Москва (Россия)

Введение. В данной статье ставится проблема соответствия парадигмальных и методологических оснований современного образования его же ускоренной цифровизации.

Методы. Для анализа влияния цифровизации на образование как институт используется разработанная В. С. Степиным концепция смены парадигм как типов научной рациональности: классического, неклассического и постнеклассического. Через призму данного подхода рассматриваются существующие педагогические технологии с тем, чтобы, выявив их соответствие той или иной конкретной парадигме, прояснить, каковы в соответствии с ней их основные черты.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования было выяснено, что в современной педагогике как науке об образовании наличествует плюрализм точек зрения как на количество возможных в этой сфере парадигм, так и на само содержание данного термина, что ставит под сомнение возможность говорить о существовании в данной области какой-либо единой, целостной общепризнанной парадигмы. Именно в связи с данным фактом использование внешних по отношению к образованию парадигмальных подходов представляется более продуктивным. Показано соответствие традиционных педагогических технологий парадигме классической научной рациональности, гуманистических педагогических технологий – неклассической. Выявлена необходимость развития новых педагогических технологий в рамках постнеклассической парадигмы для успешной цифровизации образования.

Заключение. Исходя из анализа существующих подходов к современному образованию, можно сделать следующие выводы: во-первых, при наличии множества существующих образовательных технологий говорить о наличии единой всеми признанной парадигмы в этой сфере, как минимум, преждевременно; во-вторых, значительная часть бытующих форм обучения восходит к традиционным педагогическим технологиям доцифровой эпохи, что порождает несоответствия с новыми, цифровыми формами продуцирования, распространения и усвоения информации и требует фундаментальной переработки структуры и моделей современного обучения.

Ключевые слова: парадигма образования; образовательная модель; педагогическая технология; цифровизация; полипарадигмальность; система образования; институт образования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект 21-18-00184).

Введение. Сейчас, когда цифровизация образования набирает обороты, как никогда остро встаёт вопрос о том, как именно необходимо производить внедрение цифровых технологий в образование, чтобы их использование позволило повысить качество обучения. Дебаты касательно последнего связаны в основном с данными, полученными в ходе того, что некоторые исследователи называли шоковой цифрови-

зацией [1], когда школы и вузы спешно были вынуждены переходить на онлайн-формат. Многие из них ожидаемо оказались к подобному не готовы ни методически, ни технологически [2]. Всё это заставляет ставить довольно непростые задачи поиска таких путей цифровизации образования, которые позволили бы решить обнаруженные проблемы. Мы полагаем, что решение их может лежать гораздо глубже уровня только конкретных методик и технологий, а именно: на методологическом и, возможно, парадигмальном уровнях, где и проявляются несоответствия между теми основаниями, на которых строится современное образование, и теми, на которых развиваются цифровые технологии [3].

Таким образом, в данной статье перед нами стоят следующие **задачи**: прояснить, на основании каких образовательных методов и парадигмальных подходов неизбежная, вероятно, в современных условиях цифровизация образования может проходить с наибольшей эффективностью, и как вообще можно говорить о наличии тех парадигм, на которые этот процесс мог бы опираться в его теоретической части?

Мы предполагаем, что методологические проблемы онлайн-образования – это проблемы, происходящие во многом из-за столкновения методов обучения, органически связанных с классическими педагогическими подходами [4], и новых цифровых средств, использование которых подразумевает совсем другие подходы и технологии обучения.

Наше исследование включает в себя два этапа. На первом этапе мы проанализируем, могут ли существующие подходы к образованию претендовать на парадигмальный статус – в том числе для того, чтобы прояснить, может ли в их рамках быть адекватно сформулирован запрос, которому должна отвечать цифровизация данной сферы. Дело в том, что, как это нередко бывает с новыми технологиями, когда речь заходит об их использовании (в том числе в образовании), то говорят, в первую очередь, об их собственных возможностях. Однако мы полагаем, что для начала надо поставить вопрос не о том, что может новая технология, а о том, какая технология вообще может подойти к той или иной модели обучения, реализованной социальным институтом современного образования в рамках определённой парадигмы. Если же окажется, что новую технологию во что бы то ни стало необходимо осваивать и внедрять, то нужно прояснить, каким изменениям необходимо будет подвергнуть институт образования, чтобы эта технология могла там использоваться и действовать таким образом, чтобы этот институт, как минимум, не утратил своих основных функций в социуме [5].

На втором этапе мы рассмотрим, к какому именно типу научной рациональности относятся основные существующие образовательные подходы, даже не обладающие парадигмальным статусом, и в зависимости от полученных результатов сможем выявить сущность и происхождение методологических проблем, связанных с процессами цифровизации.

Методы. Поскольку речь идёт об исследовании направлений в образовании, которые претендуют на статус парадигм, то для их рассмотрения необходимо ис-

пользовать подход, который по отношению к ним будет выступать как метатеория, и, с другой стороны, сам по себе будет обладать парадигмальным статусом и, таким образом, предоставлять методологию исследования, подходящую для решения поставленных в статье задач.

Если взять классическое определение парадигмы, которое даёт Т. Кун, то под парадигмами будут подразумеваться «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [6, с. 17]. Такие парадигмы наиболее общего порядка рассматриваются В. С. Степиным [7] как классическая, неклассическая и постнеклассическая, связанные с развитием соответствующих им типов научной рациональности. Предложенная им идея смены типов научной рациональности напрямую связана с достижениями как индустриальной, так и постиндустриальной эпохи и развитием науки и образования как основополагающих социальных институтов. Согласно В. С. Степину, классическая научная рациональность сменялась неклассической, а на рубеже XX-XXI столетий постепенно наметился переход к постнеклассической. Зарождение классической научной рациональности происходило в Новое время, в ту же эпоху, когда были написаны труды об обучении и воспитании Локка, Коменского, Руссо и др., в свою очередь заложивших основу классического подхода к образованию.

Каждая последующая парадигма включает в себя предыдущие как собственные подсистемы, не отрицая их, но добавляя к ним качественно новые объяснительные принципы и подходы. Различия между классической, неклассической и постнеклассической парадигмами, по мысли В. С. Степина, заключаются, во-первых, в том или ином типе рассматриваемых наукой предметов. Для классической науки это объекты, которые мыслятся более простыми и никак не зависящими от учёного, и по большей части с ним не взаимодействующие, а лишь испытывающие воздействие. Для неклассической науки это не только объекты, но и субъекты, потенциально равноправные с учёным и способные на взаимодействие с ним. Для постнеклассической науки это, помимо объектов и субъектов, также метасубъекты, представленные сложными саморазвивающимися системами, способными включать в себя и самого исследователя. Также различия между указанными парадигмами касаются норм и познавательных идеалов научного исследования и ценностно-целевых структур, принимаемых учёным как субъект научной деятельности.

Использование подобного «внешнего» для образования парадигмального подхода и связанной с ним методологии позволит ввести основания для систематизации существующих многочисленных разнородных подходов с точки зрения роли образования в социуме и видоизменения этой роли в соответствии с фундаментальными цивилизационными сдвигами. Содержание и функции образования как социального института видоизменяются в прямом соответствии с масштабными социальными процессами, приводящими к смене сначала традиционных цивилизационных типов

на техногенную цивилизацию, а затем подготовившими почву и для дальнейшего движения уже к будущей посттехногенной цивилизации.

Именно с этой, в некоторой степени, метатеоретической позиции мы в дальнейшем будем рассматривать существующие в сфере образования подходы, которые претендуют на статус парадигм, а также возможности их влияния на процесс цифровизации образовательной сферы. Мы проанализируем эти подходы к образованию как к области обучения и воспитания и проясним, как они соотносятся с тем или иным типом научной рациональности. Последнее необходимо для того, чтобы, используя эвристический потенциал концепции В. С. Степина, сформулировать, с какими именно фундаментальными методологическими проблемами и противоречиями столкнулось современное образование, и каковы могут быть пути решения.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Полипарадигмальность или допарадигмальность современного образования?

Образование является одним из важнейших социальных институтов среди существующих на данный момент. Однако если мы зададимся вопросом, что должен представлять собой этот институт, то спектр возможных ответов окажется настолько широк, а содержание их зачастую так противоречиво, что даже классификация существующих установок в этой области окажется делом весьма непростым и трудоёмким. Сама задача оценки существующих и построения новых парадигм в образовании всегда с очевидностью выходила за рамки чисто теоретической, так как даже те подходы, которые не находили применения сразу, прямо или опосредованно оказывали влияние на видоизменение институциональных особенностей образования, иногда в достаточно длительной перспективе.

Так каким образом образовательные парадигмы вообще возникают, и что под ними следует понимать? Если начать говорить о них, то здесь мы сталкиваемся с довольно неожиданной ситуацией. Начнём с того, что ряд авторов [8] вообще называет современный этап развития педагогики как науки об образовании допарадигмальным. Эта, на первый взгляд, парадоксальная точка зрения обусловлена тем, что в научных трудах, рассматривающих образовательные парадигмы, можно встретить самое разное количество последних, а также различную трактовку их содержания даже в тех случаях, когда речь, казалось бы, идёт об одной и той же парадигме. Кроме того, нередко в число парадигм попадают достаточно разрозненные комплексы воззрений на образование, вообще не имеющие отношения к науке. Широта и неопределённость трактовки самого понятия «парадигма» в науках об образовании порождает множество вариантов того, как выделяются и классифицируются те или иные концепции, которые конкретные авторы относят к парадигмам.

Если рассматривать образование с точки зрения его значения в целом – для личности, социума, а также в исторической и культурной перспективе, то выделяют и называют парадигмами [9], например, подходы, связанные с природосообразностью образования (природоориентированные), с его культурным значением (культуроориентированные); также подходы, рассматривающие значение образования

для блага, в первую очередь, общества (социоцентристские) или индивида (персоноцентристские). Однако подобные подходы, скорее, делают предметом рассмотрения именно само образование в целом как объект изучения, чем формируют его собственные теоретические основания.

Если говорить о подходах к образованию с точки зрения взаимодействия педагогов и учащихся, то выделяют, в частности, следующие [10]. Так называемый «ЗУНовский» подход (от слов «знания», «умения», «навыки»), в котором, согласно названию, приоритетными считаются обучение и научение как трансляция и усвоение знаний, то есть значительного объёма информации. Умения и навыки тоже нередко тесно связаны с работой с информацией. Сложность оценки эффективности использования полученных знаний (умений, навыков) вне системы образования служит причиной частой критики данного подхода. Однако несмотря ни на что, именно он до сих пор нередко доминирует в существенной части учебных заведений. Вокруг этого подхода давно наличествует довольно развёрнутая дискуссия, оживившаяся во время внедрения компетентностной модели. Так, отдельные авторы стремятся подчеркнуть новизну последней, жёстко противопоставляя её «ЗУНам» [11], в то время как другие не видят принципиальных различий [12]. Однако дискуссия эта, по-видимому, носит преимущественно теоретический характер и на практическую работу педагогов, по нашим наблюдениям, особого влияния не оказывает.

Иногда отдельно выделяют также когнитивный подход (который могут именовать парадигмой), имеющий довольно много общего с предыдущим, но со значительно большим акцентом именно на развивающие методики обучения.

Если две вышеуказанные концепции рассматривают роль педагога как преподавателя, дающего информацию, то другие большое внимание уделяют аспекту воспитания и необходимости учитывать не только когнитивную, но также эмоциональную и другие составляющие. Это, во-первых, довольно часто упоминаемый гуманистический подход, направленный на развитие личности учащегося, исходя из его собственных возможностей, интересов и потребностей. Можно ли назвать этот подход парадигмой – вопрос довольно неоднозначный, так как при том, что он может выглядеть как некий идеал, к которому образование должно было бы стремиться, на деле он зачастую декларируется, чем воплощается, особенно если речь идёт о массовом образовании, так как по своей сути предполагает индивидуализированный подход. Кроме того, даже назвать это единым подходом можно с очень большой натяжкой, т. к. на деле он включает в себя достаточно большое количество различных направлений.

Помимо указанного, иногда выделяют ещё несколько подходов, которые мы здесь лишь упомянем, так как они, хотя и применяются на практике, всё же лишены признаков как парадигмальности, так и научности. Это подход, оценивающий образование с точки зрения практической полезности полученных знаний и навыков, а

также народная педагогика, которая сформировалась и существует до и вне научных подходов.

Кроме этого, для классификации подходов к образованию, которые также могут быть названы в литературе парадигмами, могут использоваться критерии доминирующих форм обучения как познания реальности. Так, например, выделяют [13] научно-технологическую, гуманитарную и эзотерическую парадигмы.

В принципе, некоторые исследователи [14] вполне справедливо сводят значительную часть подходов к образованию, включая все вышеперечисленные, к двум основным, также именуемым парадигмами, – традиционной и гуманистической, которые рассматриваются как противостоящие одна другой в том, что касается взаимодействия педагогов и учащихся.

Из рассмотренных нами подходов, имеющих место на данный момент в педагогике, можно сделать важный как для представленной работы, так и для последующих исследований в этой области, вывод, а именно: во-первых, в современном образовании сегодня присутствует множество направлений, существенная часть которых с большим или меньшим правом претендует на статус парадигм; во-вторых, при этом какой-либо единой, целостной, всеми принимаемой парадигмы (в классическом понимании этого термина) в данной сфере, видимо, в принципе сейчас не существует, и возникают сомнения в возможности её появления в обозримом будущем. Однако это не отменяет наличия множества взаимно дополняющих друг друга подходов, методов и педагогических технологий, многие из которых вполне эффективны.

2. Существующие педагогические технологии в зеркале типов научной рациональности.

Некоторые авторы используют понятие «педагогическая технология», причём при наличии множества подобных технологий обучения и научения, как правило, традиционная (классическая) технология может противопоставляться широкому спектру гуманистических технологий, возникших нередко как попытка исправить её недостатки, жертвуя при этом одним ключевым достоинством – массовостью образования. Что интересно, эта классическая педагогическая технология во многих своих чертах сохраняется и по сей день, не особенно меняясь под воздействием дебатов о содержании образовательных программ, так как касается не столько содержания, сколько форм и методов педагогической деятельности. И именно эту педагогическую технологию, долго составлявшую основу всего массового среднего и высшего образования, сейчас затрагивают изменения, происходящие в результате цифровизации.

Итак, что представляет собой с организационной и методологической точек зрения эта всем известная классическая, традиционная классно-урочная форма и технология обучения, частным случаем которой стала и лекционно-семинарская форма? Из истории образования как института мы знаем, что эта форма сложилась далеко не сразу. Её возникновение связывают с классиками педагогики, в частности,

с Я. А. Коменским и его «Великой дидактикой» [15]. Это произведение стало, безусловно, одним из величайших памятников мировой педагогической мысли. Оно позволило сделать образование, во-первых, систематическим по форме, во-вторых, энциклопедическим по содержанию. В-третьих, именно такой подход заложил основы всеобщего массового образования, позволив стандартизировать его, создать стройные последовательные учебные программы с чёткой привязкой к классу или курсу учащихся. Предполагалось, что такая система может работать почти у всех педагогов нужной квалификации и для подавляющего большинства учащихся, последовательно и планомерно осваивающих учебные программы. Собственно, очень долгое время так и было, несмотря на некоторые недостатки.

Но не стоит также забывать, что эта система была нацелена, главным образом, на учащихся, изначально ограниченных в доступе к информации. Информация была сама по себе ценностью, и именно её преподаватель в первую очередь стремился передать и пояснить учащимся. Также как данность рассматривался очный формат обучения, с учётом которого и создавались все формы контроля успеваемости, а также формировались возможности педагога следить за реакцией учащихся, поддерживать их интерес и мотивацию.

К достоинствам такой формы обучения небезосновательно относят систематический характер учёбы и упорядоченную подачу учебного материала, к недостаткам же – усреднённый подход, передачу информации от педагога к учащимся со слабой обратной связью от них, недостаток самостоятельности учащихся. Эта система также, по мнению ряда авторов [16], подразумевала высокую степень эмоционального воздействия личности педагога, который является здесь и источником информации, и выдаёт задания, и мотивирует на их исполнение, и оценивает результат. Неудивительно, что в число недостатков такой системы нередко включают её авторитарный характер.

Тем не менее эта система позволяет, по сути, обучать большое количество людей при не самых высоких затратах в процессе, поэтому до сих пор она превалирует. Именно благодаря такому подходу развилось массовое образование индустриальных обществ, и были созданы предпосылки для формирования информационного постиндустриального общества, в свою очередь, предъявившего новые требования к образовательным технологиям. Данная педагогическая технология сама не является парадигмой, однако может рассматриваться как вполне соответствующая классической парадигме научной рациональности, в рамках которой и была создана. В полном соответствии с классической парадигмой здесь мы видим, скорее всего, одностороннее воздействие субъекта (педагога) на ученика с целью обучения последнего, чёткую иерархию этих ролей, преимущественно одностороннюю коммуникацию.

Классической педагогической технологии часто противопоставляется гуманистическая, однако мы полагаем, что вторая, скорее, дополняет первую – в том смысле, что к достижениям традиционных подходов добавляется возросшее внимание к

развитию индивидуальных способностей учащегося, поощряется обратная связь от него. Гуманистический подход, опять же сам по себе не составляя целостной парадигмы и будучи представлен множеством направлений, тем не менее вполне укладывается в рамки парадигмы неклассической научной рациональности. Это уже взаимодействие практически равноправных субъектов, при котором учитывается не только их индивидуальность, но и взаимное влияние на достигнутые результаты. Здесь также в соответствии с неклассической парадигмой принимается во внимание зависимость полученных результатов от применяемых методов работы.

Классические и гуманистические подходы в образовании должны не противопоставляться, а рассматриваться как связанные таким образом, что гуманистический подход включает в себя достижения классического, добавляя к ним качественную новизну. Тем не менее и классический, и гуманистический подходы, возникшие в рамках классической и неклассической парадигм соответственно, подразумевали, что основным источником информации в рамках учебного процесса является именно педагог. С появлением цифровых технологий эта ситуация кардинальным образом изменилась, хотя значительная часть образовательных учреждений до сих пор работает в рамках, скорее, классической парадигмы, когда на соответствующие формы обучения механически накладываются цифровые средства, предсказуемо создавая те методологические несоответствия, о которых упоминалось в начале работы.

Как же в таком случае быть с цифровизацией образования? Полученные результаты показывают, что существующие (и преобладающие) на данный момент подходы к образованию изначально создавались исходя из условий и запросов, сформировавшихся задолго до цифровизации, и, конечно, её не предполагавших. Тем не менее именно эти подходы легли в основу всех тех институциональных взаимосвязей и ролей, из которых институт образования состоит. И измениться в одночасье, как и любой другой социальный институт, он не способен. С другой стороны, как и все социальные институты, образование выполняет тот или иной наличный социальный запрос – и речь здесь не только о таких ситуативных моментах, как популярность тех или иных профессий. Этот запрос является практически всеобъемлющим, так как исходит одновременно и от государственных структур, и от всего социума в целом и охватывает как стремление к подготовке специалистов необходимой квалификации, так и эффективно социализованных личностей.

Цифровизация предполагает наличие ещё пока до конца не сформированной педагогической технологии в рамках постнеклассической парадигмы и только с такой технологией может быть по-настоящему успешной и продуктивной. Такая технология должна включать в себя достижения предыдущих, при этом дополняя их. И здесь важнейший вопрос: чем их необходимо дополнить? Исходя из той же постнеклассической парадигмы, мы имеем дело с системой взаимодействия субъект–метасубъект, где вторая часть этой системы постоянно изменчива, а её размеры и состав не всегда предсказуемы. В подобной ситуации к уже имеющим место техно-

логиям обучения знаниям и навыкам, а также к тем, что обращают внимание на развитие индивидуальных способностей, должно добавиться нечто, позволяющее субъекту (ученику) ориентироваться в этой меняющейся среде. Такая технология с неизбежностью будет подразумевать ещё большую степень ответственности и автономии субъекта, обучения его способности принимать решения в заранее непредсказуемых условиях. Для этого необходимо будет уже не просто давать ему информацию, которой и так избыток, а научить его ранжировать и структурировать эту информацию для принятия наиболее оптимальных ответственных решений. Если раньше стояла задача обучить специалиста, то теперь, скорее всего, – эксперта, как бы утопически это ни звучало. Теперь необходимо дать учащемуся методы работы с информацией, а также универсальные критерии, позволяющие её структурировать. Такие критерии с необходимостью должны происходить как из методологии науки и формальной логики, так и из гуманитарного знания, в том числе философского (в том, что касается критериев этических и телеологических).

Заключение. Таким образом, подводя итог, на первый вопрос, поставленный в начале работы, можно ответить следующим образом. При наличии полипарадигмальности не существует какой-либо одной конкретной и всеми признанной парадигмы, на которую могла бы опереться происходящая цифровизация образования. Тем не менее наличествует ряд вполне разносторонне проработанных педагогических технологий, которые могли успешно использоваться десятилетиями и начали давать сбои только при наложении на них цифровых инструментов обучения.

Это подводит к ответу на второй поставленный вопрос. Если внутри педагогики как науки об образовании трудно найти искомые парадигмы, на которые можно было бы опереться, то необходим поиск их в иных областях, в частности, в философии и методологии науки. Оттуда нами была заимствована идея об эволюции научного знания в целом: от классической парадигмы через неклассическую к постнеклассической, что позволило выявить черты педагогических технологий, соответствующих каждой из парадигм. Успешная цифровизация образования, по нашему мнению, соответствует постнеклассической парадигме научной рациональности.

Подходы к образованию, осуществляемые с точки зрения постнеклассической научной парадигмы, должны включать в себя достижения двух предыдущих уровней, при этом добавляя к ним качественную новизну. Если в классической парадигме субъект должен владеть суммой знаний, в неклассической парадигме он, кроме этого, также должен быть разносторонне развит, то в постнеклассической парадигме на основе всего вышеуказанного он должен уметь выбирать наиболее оптимальные цели как с точки зрения операциональной эффективности, так и этической релевантности.

В наиболее общем виде цели института образования можно определить как 1) профессиональную подготовку специалистов, 2) социализацию личности для успешного функционирования в обществе. Указанные цели относительно успешно

достигались как традиционными, так и гуманистическими педагогическими технологиями, которые использовались в индустриальную доцифровую эпоху и были адекватны условиям своего времени – ограниченному доступу к информации и малому количеству её источников, важнейшим из которых был сам педагог. Наконец, изменившиеся условия требуют создания новой образовательной технологии, которая позволила бы достигать обеих указанных целей при наличии переизбытка доступной информации и множества новых (цифровых) каналов её передачи [17].

Стремясь к этим целям, необходимо помнить, что образование как институт – это «социум в миниатюре», воспроизводящий общественные взаимосвязи и тенденции в сконденсированном виде. Поэтому вопрос о том, как может и должна проходить цифровизация этой сферы, затрагивает целый ряд проблем и запросов. С одной стороны, экономических – как минимум, с точки зрения подготовки и переподготовки специалистов. С другой стороны, с точки зрения социализации, здесь можно также видеть вопрос и о том, каким должно стать цифровое общество в ближайшие полтора-два десятилетия – в смысле формирования представлений о роли и возможностях субъекта-человека в системе его взаимодействия с цифровыми технологиями, а также о возможных ограничениях и рисках. Поэтому выбор той или иной доминирующей в массовом образовании педагогической технологии чрезвычайно важен, так как будет представлять собой новую форму структурирования, подачи и восприятия информации, неизбежно расставляющую определённые смысловые акценты и производящую валидацию, принятие или отсеивание определённых данных.

Список литературы

1. Назаров В. Л., Жердев Д. В., Авербух Н. В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 156–201. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201
2. Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее // Аналитический доклад ректоров и рабочих групп университетов. Минобрнауки РФ, 2020. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2777
3. Different Approaches to the Development of Online Learning in Higher Education (2020) / Iu. P. Kornilov, D. A. Danilov, A. G. Kornilova, A. I. Golikov, I. B. Gosudarev // Propósitos y Representaciones, 8 (SPE3), e706. DOI: <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2020.v8nSPE3.706>
4. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий. 2006. 816 с.
5. Лепский В. Е. На пути к управлению сферой образования как саморазвивающейся средой // Социология образования. 2014. № 10. С. 4–24.
6. Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М.: Изд-во АСТ, 2003. 605, [3] с.
7. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295.
8. Яцык В. З., Чернышенко Ю. К., Пискарева О. В. Парадигмы современного образования // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-sovremennogo-obrazovaniya-1> (дата обращения: 07.12.2021).

9. Агапова Н. Г. Парадигмальные ориентации и модели современного образования (системный анализ в контексте философии культуры): монография / Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. Рязань, 2008. 364 с.
10. Герасимов Г. И. Парадигмальный плюрализм как проявление кризиса образования // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3-4. С. 7-21.
11. Плахова Л., Овчинникова Н. Управление образовательными организациями в условиях введения ФГОС: конфликт между мотивами и ресурсами // Образовательная политика. 2015. № 3 (69). С. 113-117.
12. Антипин Н. А. Компетентностный подход в образовании: некоторые современные проблемы // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 8-2 (13). С. 156-160.
13. Колесникова И. А. Педагогические цивилизации и их парадигмы // Педагогика. 1995. № 6. С. 84-89.
14. Володина О. В. Полипарадигмальные обоснования современного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2016. № 7 (111). С. 4-11.
15. Коменский Я. А. Великая дидактика. М.: Книга по Требованию, 2012. 321 с.
16. Сергеев И. С. Основы педагогической деятельности. СПб., 2004. 316 с.
17. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 360 с.

Авторская справка

МАЛАХОВА Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, НИЯУ МИФИ; докторант, Институт философии РАН, Москва, Россия.
E-mail: e.v.malahova@mail.ru

UDC 167.7, 37.01

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.30

THE CHANGE OF PARADIGMATIC APPROACHES TO EDUCATION AS A NECESSARY CONSEQUENCE OF ITS MASS DIGITALIZATION

E. V. Malakhova

National Research Nuclear University MEPhI; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Introduction. This article raises the problem of conformity of the paradigmatic and methodological foundations of modern education with its accelerated digitalization.

Methods. To analyze the impact of digitalization on education as an institution, the concept of paradigm shift as types of scientific rationality developed by V.S. Stepin is used: classical, non-classical and post-non-classical. Through the prism of this approach, existing pedagogical technologies are considered in order to identify their compliance with a particular paradigm, to clarify what their main features are in accordance with it.

Results. In the course of the study, it was found out that in modern pedagogy as a science of education, there is a pluralism of points of view both on the number of paradigms possible in this area and on the very content of this term, which casts doubt on the possibility of talking about the existence of any single, integral universally recognized paradigm in this area. It is in connection with this fact that the use of paradigmatic ap-

proaches external to education seems to be more productive. The correspondence of traditional pedagogical technologies to the paradigm of classical scientific rationality, humanistic pedagogical technologies to the nonclassical one is shown. The necessity of the development of new pedagogical technologies within the framework of the post-nonclassical paradigm for the successful digitalization of education is revealed.

Conclusion. Based on the analysis of existing approaches to modern education, the following conclusions can be drawn: firstly, in the presence of many existing educational technologies, it is at least premature to talk about the existence of a single universally recognized paradigm in this area; secondly, a significant part of the existing forms of education goes back to the traditional pedagogical technologies of the pre-digital era, which generates inconsistencies with new, digital forms of production, dissemination and assimilation of information and requires a fundamental reworking of the structure and models of modern learning.

Keywords: educational paradigm; educational model; pedagogical technology; digitalization; polyparadigmality; education system; institute of education.

The work was financially supported by Russian Science Foundation (Project 21-18-00184).

References

1. Nazarov V. L., Zherdev D. V., Averbuh N. V. *Shokovaya cifrovizatsiya obrazovaniya: vospriyatie uchastnikov obrazovatel'nogo processa* [Shock digitalization of education: perception of participants in the educational process]. *Obrazovanie i nauka*. 2021. Vol. 23. No. 1. Pp. 156–201. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201. (In Russ.).
2. *Uroki «stress-testa». Vuzy v usloviyah pandemii i posle nee* [Lessons of the "stress test". Universities in the conditions of a pandemic and after it]. *Analiticheskij doklad rektorov i rabochih grupp universitetov*, Minobrnauki RF, 2020. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2777. (In Russ.).
3. Kornilov Iu. P., Danilov D. A., Kornilova A. G., Golikov A. I., Gosudarev I. B. (2020). Different Approaches to the Development of Online Learning in Higher Education. *Propósitos y Representaciones*, 8 (SPE3), e706. DOI: <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2020.v8nSPE3.706>.
4. Selevko G. K. *Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij* [Encyclopedia of educational technologies] v 2 t. T. 1. Moscow, NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. 816 p. (In Russ.).
5. Lepsky V. E. *Na puti k upravleniyu sferoj obrazovaniya kak samorazvivayushchejsya sredoj* [On the way to managing the sphere of education as a self-developing environment]. *Sociologiya obrazovaniya*. 2014. No. 10. Pp. 4–24. (In Russ.).
6. Kuhn T. *Struktura nauchnyh revolyucij* [The structure of scientific revolutions]. Sost. V. Yu. Kuznecov. Moscow, Izdatel'stvo ACT, 2003. 605, [3] p. (In Russ.).
7. Stepin V. S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*. Saint Petersburg, 2009. Pp. 249–295. (In Russ.).
8. Yacyk V. Z., CHernyshenko Yu. K., Piskareva O. V. *Paradigmy sovremennogo obrazovaniya* [Paradigms of modern education]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 2008. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-sovremennogo-obrazovaniya-1> (accessed: 07.12.2021). (In Russ.).
9. Agapova N. G. *Paradigmalye orientatsii i modeli sovremennogo obrazovaniya* (sistemnyj analiz v kontekste filosofii kul'tury): monografiya [Paradigmatic orientations and models of modern education (system analysis in the context of philosophy of culture): monograph]. Ryaz. gos. un-t im. S. A. Esenina. Ryazan', 2008. 364 p. (In Russ.).

10. Gerasimov G. I. *Paradigmал'nyj plyuralizm kak proyavlenie krizisa obrazovaniya* [Paradigmatic pluralism as a manifestation of the education crisis]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2009. No. 3-4. Pp. 7–21. (In Russ.).
11. Plahova L., Ovchinnikova N. *Upravlenie obrazovatel'nyimi organizatsiyami v usloviyah vvedeniya FGOS: konflikt mezhdu motivami i resursami* [Management of educational organizations in the context of the introduction of the Federal State Educational Standard: conflict between motives and resources]. *Obrazovatel'naya politika*, 2015. No. 3 (69). Pp. 113–117. (In Russ.).
12. Antipin N. A. *Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii: nekotorye sovremennye problemy* [Competence approach in education: some modern problems]. *Natsional'naya asociatsiya uchenyh*, 2015. No. 8–2 (13). Pp. 156–160. (In Russ.).
13. Kolesnikova I. A. *Pedagogicheskie civilizatsii i ih paradigmy* [Pedagogical civilizations and their paradigms]. *Pedagogika*. 1995. No. 6. Pp. 84–89. (In Russ.).
14. Volodina O. V. *Poliparadigmал'nye obosnovaniya sovremennogo obrazovaniya* [Polyparadigmatic substantiations of modern education]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016. No. 7 (111). Pp. 4–11. (In Russ.).
15. Komensky J. A. *Velikaya didaktika* [Didactica magna]. Jan Amos Komensky. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2012. 321 p. (In Russ.).
16. Sergeev I. S. *Osnovy pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Fundamentals of pedagogical activity]. Saint Petersburg, 2004. 316 p. (In Russ.).
17. *Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2020: statisticheskij sbornik* [Indicators of the Digital Economy: 2020: statistical collection]. G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, L. M. Gohberg. Vysshaya shkola ekonomiki. Moscow, NIU VSHE, 2020. 360 p. (In Russ.).

Author's Bio

MALAKHOVA Elena Vladimirovna – PhD in Philosophy, Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI; postdoctoral researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: e.v.malahova@mail.ru

Библиографическая ссылка

Малахова Е. В. Смена парадигмальных подходов к образованию как необходимое следствие его массовой цифровизации // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 30–42. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.30

УДК 130.2.

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.43

КОНСТИТУТИВНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ А.-Т. ТИМЕНЕЦКИ

Е. А. Тимощук

РАНХиГС, Владимир (Россия)

Введение. Конститутивная феноменология – это философский ответ на генеративность и эмерджентность социокультурного бытия. Динамическая целостность бытия заставляет обратиться к изоморфным формам репрезентации реальности, таким как кинематограф, построенном на творческом воображении и конструктивистском семиозисе.

Методы. В статье рассматриваются особенности конститутивной феноменологии, представленной в работах Анны-Терезы Тименецки. Её феноменологическая модель принимает в расчёт эмерджентность, процессуальность онтического порядка мира. Идеи Анны-Терезы демонстрируются на примере произведений искусства, в особенности кинематографа, как наиболее динамического, семантически нагруженного и интертекстуального произведения. Эстетический опыт коллективного театра происходит от усиления событийности жизни. Кинематографический шок культуры подталкивает юного польского феноменолога, эмигрировавшего на Запад, к модернизации классического гуссерлианства. Анна-Тереза выступила в беспрецедентной роли феноменолога жизни, внося в феноменологию темы развития, креативности, онтопозиса, импульса и равновесия логоса жизни. Жизненный мир трактуется как человеческая вселенная, а наука и искусство выступают двигателями личностного становления.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Феноменология Тименецки позволяет почувствовать себя причастным к динамике истории; её философия развивается в ответ на вызовы социокультурных проблем. Синергетика, постмодернизм, герменевтика, аналитическая философия, прагматизм – каждое современное направление предлагает своё решение для концептуализации сложности. Тименецки придаёт процессуальный импульс феноменологии, внедряя динамичные категории в ответ на импульсы жизни. Синтез учения Ингардена и философии жизни создаёт плотное феноменологическое описание и становится аргументом в пользу ценности феноменологии как при изучении кино, так и эстетики в целом.

Заключение. В 2023 году Анне-Терезе Тименецки исполнилось бы 100 лет (1923–2014). Киноискусство выступает в данном случае идеальной концептуальной средой, где формируются символические порядки, когнитивные нормы, бессознательные образы, экзистенциальные нарративы. Это контрастирует с трансцендентальной феноменологией Гуссерля как с аппрезентативной апперцепцией Другого. Тименецки действует как медиум в подвижном семиозисе полустабильных структур бытия. Метафора бытия как феноменологии кино есть чистая кинестетика вне антропологических предикатов. Кино наполняет феноменологический нарратив процессуальностью, а паноптикум движения онтологизируется как поток.

Ключевые слова: конститутивная феноменология; феноменология; А.-Т. Тименецки; феноменология кино; кинематограф.

Введение. Философия всегда востребована в обществе, поскольку наполняет внутренний мир человека смыслами, ценностями, идеалами. Феноменология – это не только новый ценностно-смысловой порядок, но ещё и учение о научном познании бытия сознания. Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Р. Ингарден, М. Хайдеггер, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман содействуют также интенсивной рефлексии в области социального познания, генерируя и актуализируя категории смыслового конструирования: жизненный мир, естественная установка, интенциональность, интересубъективность, трансцендирование, зоны релевантностей, биографическая ситуация.

В России интерес к феноменологии ещё и обусловлен связью с наукой о сознании в лице Шпета и Лосева. Оба мыслителя были репрессированы. Густав Густавович Шпет (1879–1937), отказавшийся покинуть Россию на «философском пароходе», отбывал ссылку в Сибири и был расстрелян в Томске, не признав выдуманное НКВД обвинение. Алексей Фёдорович Лосев (1893–1988) был сослан как философ-идеалист на строительство Беломорканала, где потерял своё здоровье.

Анна-Тереза Тименецки смогла эмигрировать из коммунистической Польши и получить международную известность. Статья посвящена её феноменологии, которая по своей динамике и процессуальности сравнивается с кинематографом. Термины «феноменологическая машина» и «кинематографическая машина» используются в одном интермедийном дискурсе как метатекстуальные обозначаемые. Две структуры – это инстанции, образованные областью интеркультурной коммуникации. Межкультурная герменевтика (В. Когге, А. Неринг [1, 2]) ставит перед собой цель: познать Другого в культуре, её предметная область – взаимодействие участников, символов, процессов, матриц разных культур. В феноменологической области культурного различия существует возможность воспринимать разные культурные объекты благодаря универсальности и рациональности культуры, а также практической возможности коммуникации с агентами «чужой» культуры.

Методы. Преобладающей моделью тела в западной философии является машина. В статье эта модель используется двояко – как генератор феноменологического опыта, собственно, телесность, и как кинематограф – символическая установка по продвижению феноменологической ленты времени.

Известно, что биомеханическая модель традиционно противопоставляется феноменологической. Так, в философии медицины американский профессор Дж. Маркум предлагает феноменологический подход к телу для преодоления кризиса качества медицинской помощи, когда пациенты испытывают недостаток эмпатии со стороны врачей, погружённых в биомеханический контекст телесности. В феноменологической модели пациент рассматривается как воплощённая личность в жизненном контексте; такая парадигма должна содействовать обнаружению причин разрушительной болезни в повседневном смысловом мире пациента [3].

С точки зрения символического конструирования, мир машин и мир жизни не могут быть радикально противопоставлены. Тело и кинематограф выступают феноменологическими нарраторами: тело – через поток ощущений, а кинематограф – благодаря смене кадров.

Ранее взаимодействие технологий и феноменологии было рассмотрено в работах, посвящённых инструментальному реализму. Г. Дрейфус, Дж. Роуз, П. Хилан, М. Хайм, Д. Айди исследуют, как техномедиумы опосредуют повседневность и применяют для анализа феноменологические категории. Кинематограф – это особый медиатор культуры, устроенный как феноменологическая машина с её характеристиками конститутивности, многослойности, жизненного мира, разворачивания ленты кайросов [4].

Визуальная культура и гуссерлианство были уже проанализированы в терминах «механизм аффективного пробуждения», «конструирование связи между присутст-

вием в кадре и сознанием воспринимающего» в работе культуролога из Санкт-Петербурга О. С. Давыдовой, которая поставила проблему: как к механической репродукции фотографии добавляется эстетизирующий идеал [5].

В статье под феноменологической машиной понимается тело как генератор перцепций, технократическим изоморфным коррелятом которой выступает паноптикум впечатлений – кинематограф или кинетическая система по производству впечатлений. Рождение этого неклассического регулятора, эмпирического *alter ego* новоевропейского сознания, обусловлено не только техническими возможностями – то есть изобретением камеры-обскуры, созданием дагеротипии и кинетоскопа, открытием фотоэффекта. Также кино воплотило в себе эмпирического дублёра неклассического символического проектирования [6]. Власть масс требовала машинной интеграции в ассамбляж значений, включения в новую матрицу социального времени. Инклюзия в большую историю через механику кино осуществляется через нарративные структуры (повествовательная идентичность). Призма чистой механики производит киноленты мыслей, которые становятся программами человека-машины.

Критика кинематографического разума, как калейдоскопа мемов, не будет полной без описания схемы склейки впечатлений в ленту визуализаций. Кинопромышленность осуществляет эстетическую проекцию массива «трансцендентальных схем» пользователей благодаря генерации бесконечных микронарраций вместо воспроизводства больших нарративов, что связано с плюрализацией идентичностей и конкуренцией культур. Кинематограф, как феноменологическая машина, поставляет впечатления на рынок медийного потребления.

Анна-Тереза Тименецки, феноменолог искусства, концептуализирует субъективно-эстетическую генерацию социокультурного бытия в термине «онтопоэзис». Она стремится продолжить начатый Гуссерлем проект феноменологического ежегодника («Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung», Галле, 1913 – 1930) и организует редколлегия гуссерлевского сборника в 1968 г. С 1971 по 2018 гг. вышел 121 том *Analecta Husserliana*, где собраны материалы конференций, проводимых Анной-Терезой с привлечением феноменологов со всего мира. Выбор тем для ежегодников демонстрирует направления концептуальных интересов Анны-Терезы:

1) история феноменологии и её идейная эволюция (Поздний Гуссерль и идея феноменологии (1972); Ингардениана (1976); Телеологии в феноменологии Гуссерля (1979); Душа и тело в гуссерлевской феноменологии (1983); Поворотные пункты новой феноменологической эры (1991); Гуссерлевская феноменология в новом ключе (1991); Наследие Гуссерля в феноменологических философиях (1991); Феноменология и экзистенциализм в двадцатом веке (2010); Присутствие Дунса Скотуса в мировоззрении Эдит Стайн (2015));

2) онтогносеологические проблемы (Феноменологический реализм возможных миров (1974); Логос и жизнь: творческий опыт и критика разума (1988));

3) эстетические проблемы (Кризис культуры (1976); Феноменология и эстетика (1991); Новые вопросы в эстетике и метафизике (1991); Примордиальная диалектика света и тьмы: страсти души в онтопоэзисе жизни (1992); Новая оценка аллегории: в литературе, изобразительном искусстве, музыке и театре, её преемственность в

культуре (1994); Примордиальное чувство места в онтопоэзисе жизни: страсти души в Imaginatio Creatrix (1995); Феноменология жизни и творческое состояние человека (1998); Перевоплощение разума или онтопоэтический всплеск в творческих виртуальностях: гармонизация и сонастройка в познании, изобразительном искусстве, литературе (1998));

4) антропософия (Я и Другой (1977); Человек действующий (1978); Несчастное сознание (1981); Философское осмысление человека в литературе (1982); Феноменология человека и человеческого состояния (1983); Экзистенциальные координаты человеческого состояния (1984); Поэтика стихий в человеческом состоянии: море (1985); Человек в своём жизненном мире (1989); Самоинтерпретация человека в экзистенции (1990); Интерпретация жизни и ощущение болезни в человеческом состоянии (2001));

5) феноменология культуры (Разум, жизнь, культура (1993); Проявления разума: жизнь, историчность, культура разума, жизнь, культура (1993); Логика живого настоящего: опыт, упорядочивание, онто-поэзис культуры (1995));

6) феноменология религии (От сакрального к божественному (1993); Мистика и её страсти (2004); Экофеноменология: жизнь, человеческая жизнь, постчеловеческая жизнь в гармонии космоса (2018));

7) философские проблемы этики (Основы морали, права человека и гуманитарные науки (1983); Нравственное чувство в общинном значении жизни (1986); Радикальный выбор и теория морали (1994); Загадка добра и зла (2005));

8) региональная феноменология (Японская феноменология (1979); Великая цепь бытия и итальянская феноменология (1981));

9) взаимоотношения феноменологии и других мировоззрений и течений (Феноменология жизни в диалоге между китайской и западной философией (1984); Американская феноменология (1989)).

Она погружает античные категории (телос, логос, биос, эрос, энтелехия, хронос и др.) в двигательный контекст современной культуры, где память и воображение – это креативный мотор по продвижению моментов логоса в потоке жизни. Эстетическая сущность каждого момента бытия конституируется и раскрывается в эмерджентных кайросах динамики бытия. Процессуальность, конституитивность, генеративность, пролиферация смыслов, креативность, тематизация, спонтанность, индивидуация – таковы стратегии феноменологического онтопоэзиса жизни [7].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Статья расширяет понимание, закрепившееся за феноменологией кино как разбор отношений между кинозрителем и интенциональной реальностью мира кино через условия и аспекты кинематографического опыта. Суть феноменологического подхода к фильму как к явлению в том, что данный подход стремится описать, как мир кино воспринимается кинозрителем [8]. Феноменологическое описание – это больше, чем фиксация актов отражения. Описание феноменов сознания продолжает борьбу за «невинность глаза», которую начали в кругах мыслителей итальянского Возрождения, синтезировавших неоплатонизм и христианство, и И. Кант, сделавший из эстетического чистую трансцендентальную, идеальную, незаинтересованную чувственность, удовольствие без выгоды и понятия [9, 10].

Впоследствии Гуссерль сравнивал физический объект и интенциональный, которые начинают обладать в феноменологии одинаковым познавательным статусом. Феноменология выводит на сцену описание как нерепрезентативное научение. С точки зрения феноменологии, и здесь она сближается с аналитической философией. Платон, Декарт, Кант и т. п. – это мыслители тонкой демаркации сущего, а Аристотель, Лейбниц, Гегель – философы репрезентизма или идеологии замещения, представления одного предмета через другой. Быть, с точки зрения феноменологии, означает различать. Репрезентизм не всматривается в сущее, а созидает картину мира, используя принятую символическую систему; помещает сущее как наличное, выводит бытие на сцену [11]. Кино, самое репрезентативное искусство, становится в феноменологической интерпретации описанием жизненного мира с его смыслополаганиями.

Анна-Тереза Тименецки создаёт методологию, объясняющую восприятие бытия в мире как кинестетического потока. Тело в конститутивной феноменологии оказывается пространственным связующим пунктом двигательных систем в сознании воспринимающего субъекта [12]. Феноменологическая машина тела означает, что мы живём, как если бы мы были-в-мире-кино; а кино, соответственно, – это максимально репрезентативное воспроизводство течения жизни с её контингентностью, иллюзорностью, генеративностью.

Тименецки развивает идею Мерло-Понти, что феноменология – это особый вид описания, где сущности возвращаются к существованию. Стремление описать следует отличать от попытки объяснить или проанализировать, когда наряду с качественно-количественной инвентаризацией сущего устанавливаются ещё и причинно-следственные связи. Феноменология не претендует на расчленение сущего на части, на всестороннее схватывание. Методологическая скромность феноменологии уравнивается установкой дать восприятие и понимание мира и бытия в мире.

Изоморфизм «жизнь – кино – жизнь» заключается в соотношении опыта и опосредованного телесного восприятия в единстве и дифференциации. Логос, пропущенный через кинематографическую машину, разворачивает новые формы динамической целостности: структуры времени, ценностно-смысловые горизонты, сюжеты, тексты. Человек и камера находятся в такой же фрактальной корреляции узнавания и совместного переживания.

Цивилизация образа уходит от рациональной формы выражения к метаязыковым формам. Экранизация представляет альтернативу знаково-семиотической модели. В репрезентативном мышлении кинематографа монтаж линий различия происходит как в феноменологической машине тела: жизненный мир актуализирует точки релевантности и конституирует новые визуальные образы. Связка «киноэкран – глаз» коррелирует с феноменологической сборкой «интенция – образ», что делает кино немиметическим и ненарративным. Не случайно Мерло Понти, в отличие от Бергсона, приравнивает естественность жизненного мира естественности драмы кино, продолжающего работу сознания по конституированию мира [13]. Иллюзорность кинематографа обозначается только в рамках редукции естественной установки. В конфигурации жизненного мира иллюзия – это такая же данность, как и онтический слой, т. е.

она определяет жизнь сознания: интенции, ценности, смыслы.

Мифотворчество, творческое воображение, иллюзорные основания необходимы для придания устойчивости жизни, ибо субъект переходит в своём жизненном путешествии от одних надежд к другим, генерируя визуальные образы счастья. Образ становится двигателем чувственного различения, а индивидуация – принципом механики образа. Ноэтическое мышление – литература – кино – всё это способы трансцендирования очевидного и переноса неопределённости всеобщего в определённую внутреннюю. На всех этапах функционирует феноменология сознания как самоопределение внутреннего. Мифопоэтика, отнопоэзис, автопоэзис, нарративизация, кинематографический образ мышления – таков синонимический ряд машины бессознательного. Кинематографический режим перцепции отличает человека как генератора искусства от анималистического существа [14].

Ещё один модус кино как феноменологической машины заключается в создании чувства реальности субъектом. В этой сложной работе сознания мы одновременно выступаем воспринимающими и критикующими и решаем, какие перцепции принять в наш модус релевантности, почти забывая, что находимся в иллюзии кино, при этом не забываем этого совсем [15].

Кино привлекательно, ибо разрывает шаблоны перцепции нашей феноменологической машины и усаживает нас в иллюзион двигательной механики, где мы получаем иные ощущения. Ярким продолжением этого эстетико-феноменологического эксперимента является виртуальная машина – технический комплекс средств, погружающий субъекта в смоделированный мир с помощью специальных VR устройств (очки, шлем, перчатки, контроллеры и другие сенсорные инструменты). VR машина добавляет квалиа, которые в кинорежиме присутствуют как объекты созерцания. В виртуальной системе можно быть динозавром, вояджером, сталкером, дайвером, трансформером. От подвижной монтируемой целостности мы переходим к пластичной эстетико-феноменологической модели, где сенсорная субстанция – это не сумма изображений, а живой процесс впечатлений.

Трансцендентальная феноменология, феноменология жизненного мира, кинофеноменология, VR феноменология – всё это разные выходы на авансцену релевантности, эволюция феноменологического присутствия и репрезентации. Описывая модусы бытия, феноменология напоминает нам, что иллюзия условно реальна для субъекта определённой релевантности, а реальность отторгается как иллюзорная, если не коррелирует с жизненным миром. Даже постановочный псевдодокументальный фильм становится супер реалистичным, если он коррелирует с актуальным жизненным миром зрителя [16, с. 168].

Ключевым механизмом сборки реальности выступает конституитивность – феноменологический смысловой и предметный генератор. Процессуальность, подвижность жизни раскрываются в механике кино как самого кинестетического (идеомоторного) искусства. Из разных атрибутов конституитивности (темпоральность, схематичность, потоковость, гибкость, когерентность, эмерджентность, генеративность) Тименецки выделяет креативность (*Imaginatio Creatrix*) как принципиально онтическое свойство онтопоэзиса. Если для её философского наставника Ингардена важно было показать пустотность, незаполненность стратегий развития и их конкретизацию в пространстве и времени, то Анна-Тереза

заинтересовалась субъективной включённостью в создание проективных линий судьбы.

Тименецки рассматривает потоковость жизни, открывая её как во внешней геодинамике, так и в текучести внутреннего мира с его встречами с Другим и трансцендированием ситуаций. Её исследование духовного опыта не является следованием богословской традиции. Анна-Тереза идёт вслед за Гуссерлем, расширяя для души сферу трансцендентного в эмпирических и экзистенциальных зонах. Вместе с тем Гуссерль для неё слишком техничен и не охватывает темы метафизики жизни и конституирования смыслов. Он пошёл дальше Декарта, но ограничился агностицизмом Канта [17, с. 632].

Тименецки идёт вперёд и пересекает гуссерлианский контур, формируя собственную феноменологию конститутивности, создавая вокабуляр транзитивности, процессуальности и кинестетики. Даже субстантивы играют у неё роль фиксаторов момента и организаторов движения: матрица (*matrix*), узел (*knot*), поток жизни (*the flux of life*), течение (*stream*), становление (*becoming*), движения души (*the movements of the soul*), импульс (*impulse*), вихрь (*vortex*). Одновременно процессуальность уравнивается универалистскими конструкциями: единство всего живого (*unity of everything-there-is-alive*), полнота логоса (*the fullness of the logos*), творческая оркестровка модальностей бытия (*the creative orchestration of the modalities of beingness*), совместное проживание (*sharing-in-life*).

Отдельно нужно отметить вербальные категории, передающие динамику духа: творческое воображение изобретает сюжет жизни (*to fabulate*), экзистенциальные силы конституируют (*to constitute*), процесс жизни дифференцирует и самоиндивидуализирует (*to differentiate, to self-individualize*). Отдельный «адъективный» смысл добавляют эмерджентные прилагательные: позиционный (*positional*), генеративный (*generative*), поворотный (*turning*), осевой (*pivotal*), пульсирующий (*pulsating*).

Особое место в творчестве Анны-Терезы занимают античные концепты, которые действуют как импульс историчности. Достаточно открыть её любую позднюю книгу, чтобы увидеть, как плотно там присутствует диалог с античностью в виде энергийных концептов: космос, арете, телос, логос, биос, эрос, энтелехия, хронос, кайрос, стазис, дайнамос, теорезис, поэзис, праксис, метексис и т. д. [18]. Эти смысловые универсалии позволяют ей представить жизнь как динамическую целостность, где отношения субъективности и объективности генерируются через систему референций.

Феноменология Тименецки открывает неожиданные перспективы: античная эстафета памяти и диалог традиций, новый гуманизм и согласие с природой, переживание общей судьбы и эстетика двигательного потока жизни. В работах Тименецки феноменология получает ещё большее космическое и всеохватное наполнение. Классические феноменологические категории, такие как сознание, индивидуация, конститутивность, Анна-Тереза дополняет набором самых неожиданных концептов, которые она выхватывает из античного философского потока, как из реки быстро меняющегося времени.

Жизнь Анны-Терезы была также похожа на иллюзион сменяющихся событий: мировые войны, смена технологического уклада, политический и экономический

кризис в Польше, эмиграция во Францию и США. При этом глобальные трансформации она прошла лишь по кромке, преодолевая препятствия, которые создавались политическими режимами того времени. Кинематографичность феноменологии Тименецки заключается в её потоковости, которую она воспринимала как естественный процесс.

Феноменология как термин приобрела за последнее столетие множество коннотаций, выходящих за рамки тех значений, которые уже были введены в обращение Ламбертом и Гегелем. Сегодня множество теорий, концепций, идей носят название феноменологии, и те, кто их продвигает, все заявляют, что они в той или иной форме являются приверженцами философии Эдмунда Гуссерля. Безусловно, философские школы, вдохновлённые Гуссерлем, оказали сильное влияние на образование и культуру двадцатого века [19, с. 1–8].

Тименецки своим творчеством создала оригинальное феноменологическое учение, которое можно назвать «феноменология жизни», т. к. life становится для Анны-Терезы концептуальной, поворотной категорией. Жизнь представляет собой не только беспрестанный поток феноменов, но и творческое состояние личности, общества, природы. Это означает, что сама феноменология – это целая Вселенная идей, учений, направлений, акторов.

Иллюстрацией потоковости феноменологии, её генеративности являются книги выдающегося российского историка феноменологии Н. В. Мотрошиловой о становлении феноменологических идей: «Принципы и противоречия феноменологической философии» (1968), «Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма» (1984), «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию» (2003); «Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт» (2007), «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие – время – любовь» (2013), «Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901)» (2018). Это оригинальная форма феноменологии – разворачивание плана философской субъективности во времени; каким образом новый научный контекст и герменевтика классических работ формируют феноменологические штудии. Н. В. Мотрошилову можно считать создателем исторической феноменологии как дисциплины об историко-философском генезисе течения.

Особенно демонстративна в этом смысле книга Н. В. Мотрошиловой о раннем Гуссерле в Галле. Тот период, который считается сухим, скучным и неплодотворным, оказывается богатым на объёмные пласты идей, сложные, многоуровневые концептуализации. Развитие феноменологии складывается из неприметных перспектив, неясных проблем, субъективных предпосылок, а приходит к программе культурного обновления Европы. Н. В. Мотрошилова, описывая атмосферу смены веков в университете Галле, где работал Э. Гуссерль, доказывает, что создатель феноменологического движения на переломе эпох искал способ обновления философии, создания новаторского языка и метода, соединяющих математику, психологию и философию [20].

Аналогично можно высказаться и о А.-Т. Тименецки, которая в условиях драматических социальных транзаций стремилась актуализировать философию, учитывая, с одной стороны, эволюционную динамику времени, а с другой – духовную опустошённость и разорванность сознания переломной эпохи. Идеи

Гуссерля формировались на стыке бурного развития математики и концептуального осмысления самих основ этого загадочного предмета – число, множество, единица, ноль и других идеальных, всеобщих и абстрактных сущностей этого рода. Познание числовой сферы дало импульс трансцендентальной феноменологии Гуссерля, а созерцание всеобщности творческого генезиса жизни создало эволюционную феноменологию Тименецки. Не случайно Р. Ингарден в одном из писем указал ученице на то, что у неё развилась собственная философская система; ни он, ни Гуссерль никогда не допускали «метексиса» – участия идеальных сущностей в вещах [21, с. 1]. Она не продолжила разрабатывать дилемму Ингардена «реальное и воображаемое».

Её интерес был расположен не в области социального конструирования – на что мы смотрим, на краски или на конструируемые смыслы? Где существует воображаемый объект? Круг её интересов вышел за пределы собственно аналитического гуссерлианства. Она перечитала Сартра, Мерло-Понти, увлекалась Пиаже, Бисвангером, общалась с Расселом, Марселем, Лавеллем, Рикёром. Вслед за Декартом, Лейбницем и Гуссерлем Анна-Тереза поставила цель представить философию как универсальную науку, и спустя почти 100 лет с даты её рождения можно констатировать, что этот проект не был безуспешен. Лейбницевская идея конфигурации возможных миров, горизонтов возможностей воплощается у Тименецки в теме движения души к трансцендентности в великом плане жизни [21].

Феноменология Тименецки – это всеобъемлющая широта и кинематографическая динамика. Она наводит концептуальные мосты феноменологии с античностью, исламом, экологией, китайской философией; стремится придать феноменологии мировое значение через объединение континентальных и атлантических феноменологов. Эти лидерские, организационные аспекты Тименецки коррелируют с её видением феноменологии как творческой самореализации. Своей активностью она во многом содействовала тому, что феноменология сохранила позиции философии нашего времени [23].

Феноменологическое учение развивалось постепенно, следуя внутренней логике и темпу развития, вбирая разные элементы из идеализма и субъективизма, философии науки и позитивизма. Тименецки сделала из феноменологического проекта истолкование логоса самой жизни. Её феноменологическое вдохновение не знает культурных барьеров, проникая и укрепляя реалистическую феноменологию, придавая ей движение жизни [24].

Это другой тип философии, другой тип философского мышления, где человеческая жизнь – это лишь одна из ступеней онтологического разворачивания воображения, логоса, креативности. Тименецки концептуализирует это как «онтопоэзис», где «онтос» передаёт бытийно-экзистенциальный смысл, а «поэзис» указывает на способ осуществления бытия через самоиндивидуацию, творчество, вдохновение [25]. Человек – сам творец своего проекта жизни и даже Вселенная, если переходить на макромасштаб, – это результат творческой эволюции. Тименецки явно не является религиозным философом, но, по сути, создаёт феноменологию священной Вселенной и усугубляет и без того сложную конфигурацию феноменологического движения.

Тименецки представляют как последователя Гуссерля и Ингардена, однако она не в меньшей степени испытала на себе влияние А. Бергсона. Узловые концепты Тименецки – жизнь, творчество, эволюция, космос, поток – в большей степени делают её мировоззрение бергсонианством. Стиль письма Тименецки не похож на тщательную аналитику Гуссерля, Ингардена или Шюца. Она осуществляет необычный синтез феноменологической тематики и досократического языка. Сохраняя трансцендентальную установку феноменологии, Тименецки наполняет повестку философии объектами подобно Б. Латуру. Однако в центре её внимания – тайна процесса, как разворачивается жизнь в её креативности, потенциальности. *Mathesis universalis* становится *Ontopoesis universalis*, динамическим раскрытием энергичности мира, когда энтелехия вещей определяет человеческое состояние. Язык Тименецки порой очень гераклитовский, т. к. она стремится зафиксировать изменчивость бытия. Креативность, воображение, память, проективность – всё это категории, которые помогают Тименецки указать на потоковость смыслов, интенций, установок, оценок.

А. В. Лаврухин, экстрагируя культурологические идеи Гуссерля, формулирует этос перманентного обновления феноменологии в изучении культуры: «Так мы приходим к более отчётливому и дискурсивному пониманию идеи обновления, основывающемуся на разъяснении взаимосвязи между этосом и редукцией. Обновление теперь означает перманентную самокритику, корректуру и, если угодно, наладку систем интенциональностей (и, соответственно, всех присущих им смысловых горизонтов), позволяющую избегать губительного окостенения, догматизации и выхолащивания культурного созидания и творчества. Именно поэтому обновление понимается Гуссерлем как перманентная задача, как способ индивидуального и коллективного (культурного) существования. Этос обновления – этос феноменальной культуры и феноменологической науки одновременно, это своеобразный симбиоз профессиональной и профанной саморефлексии и самокритики» [26, с. 324]. Когито замещается творческим актом, что даёт новую интерпретацию познавательных способностей. Вместо узнавания мира или даже консенсуса о мире мы созидаем наше знание о нём как индивидуально, так и коллективно. Феноменология Тименецки вполне укладывается в конструкционистскую парадигму XX века. Постгуссерлианский поворот к объектам становится разворотом к космосу. При этом логос жизни Тименецки настолько трансцендентен, что там нет ничего дурного, злого, уродливого, негативного.

Тименецки сохраняет с феноменологией родовую, коммуникативную и институциональную связь, а категория конститутивности становится её путеводной звездой в феноменологию процесса. В остальном же в этой гибридации жанров уже трудно бывает даже уловить феноменологический настрой *die strenge Wissenschaft*. Вместо методического анализа структур сознания, таких как оценки, восприятия, суждения, мы получаем философию творческого синтеза.

Построив свой феноменологический проект на категориях конститутивности и контингентности, Анна-Тереза получает доминанту процесса над вещью, что придаёт её феноменологии некоторую эстетичность и кинематографичность (потоковость, процессуальность). Тименецки сравнивает конститутивность со свободной нарративной, художественным повествованием, используя термин «fabulating,

fabulation» (фабулизация), означающий в литературоведении слияние повседневности с мифическим, магическим и фантастическим, стирание границ между трагическим и комическим, ужасным и смешным, серьёзным и тривиальным. Анна-Тереза определяет фабулизацию как функцию образного мышления по интенциональному проектированию и преображению базовых фактов жизненного мира в соответствии с наклонностями, видением и иными факторами человеческого состояния. В результате генерируются прототипы человеческого характера, поведения, социальной организации, образы будущего; устанавливаются идеалы культуры [27].

Онтопозис жизни, креативность, состояние человека, воображение, память, свобода; феноменология Тименецки – это не только творческое продолжение гуссерлианства. Это также глубоко субъективный проект, в котором она поддерживала философов из бывшего восточного блока и женщин-феноменологов [28]. Быть интеллектуальным лидером, быть независимой, задавать тренд – вот кредо Анны-Терезы [29].

Она приветствовала бурное техническое переоснащение XX века, стала свидетелем процессов медиатизации общественного интеллекта, становления сетевых коммуникаций. В феноменологической Вселенной Тименецки нет зла. И у неё точно отсутствуют осознание Гуссерля кризиса западной цивилизации или опасения Хайдеггера о наступлении техноса.

Сравнивая её со старшими коллегами по цеху, возникает вопрос: так феноменолог ли она? Анна-Тереза, конечно же, остаётся феноменологом, несмотря на её постгуссерлианскую позицию. Во-первых, организационно вся её жизнь была посвящена феноменологии, формированию связей между Европой как колыбелью феноменологии и всем миром. Она создала много областей применения феноменологии и обогатила феноменологическую методологию. Во-вторых, её философия напитана феноменологической конститутивностью и контингентностью, она развивает аспект саморазвития локальных и глобальных сообществ со своим жизненным миром. В-третьих, она выпустила сотни томов феноменологических работ, энциклопедий, сборников; чего стоит только многотомная «Аналекта Гуссерлиана: Ежегодник феноменологических исследований».

И, автореферентно, Тименецки сама является воплощением феноменологического проекта – это её самоиндивидуация, становление себя в философии. В этом смысле она собирает и превосходит предыдущие уровни феноменологической самореализации. Гуссерль осуществляет концептуальный сдвиг в области строгого описания сознания, Ингарден фокусируется на опыте реципиента и объекта культуры, Тименецки вносит смыслы в природу. Это смыслы, которых не было раньше в феноменологии. От феноменологии сознания к феноменологии культуры и до феноменологии жизни и космоса.

Многогранная творческая личность, женщина, жена, мать, мультилингва, свободный философ, acting person, она не хотела быть ангажированным философом, поэтому дистанцировалась от религиозных, государственных и иных официальных институтов. К. Твардовский, А. Бергсон, Ю. Бохеньский, Р. Ингарден – Анну-Терезу нельзя считать последователем одного мыслителя. Она ведёт внутренний диалог с Расселом и Пиаже, Рикёром и Гуссерлем. Вбирая в себя концепты самых разных мыслителей, она создаёт свою феноменологию, считая, что смысл философии

заключается в самом процессе философствования, а не в создании некоторой конечной системы. Тименецки оперирует категориями естественных наук (биос, жизнь, синтез, биофизика) в самом широком философском смысле. Она расширяет узус, накачивает концепты новыми смыслами. В её творчестве имеет место смешение сюжетов, концептов, языков. Рациональные проблемы дополняются интуитивными образами, поэтическими сюжетами и метафорами. Экземплификацией кинестетической феноменологии Тименецки может служить философское кино, где имеют место многоуровневое кодирование и генерация смыслов.

Киноискусство – особая область феноменологических исследований, которая делает зримыми идеи, концепции, теории. Визуализация сущностей в кино осуществляется через комбинирование всех приёмов искусства, однако квинтэссенция кино как феноменологической машины достигается через динамическую смену оптических образов и оттачивается через режиссуру, игру, ракурсы, кинематографические метафоры, внутренние монологи, монтаж, световые решения, закадровое звучание, перспективы. Если в своей естественной установке мы погружены в миф нашего собственного жизненного мира, то в случае с фильмом (театром) благодаря игре актёров, проживающих чужие мифы на сцене, мы погружаемся в иллюзион незнакомых жизненных миров.

Далее кинестетическая (идеомоторная) феноменология Тименецки иллюстрируется на примере современного искусства кино, которое представляет в статье испанский научно-фантастический триллер «Эль-Ойо» (El hoyo, «Дыра»), снятый Гальдером Гастелу-Уррутиа. Художественный фильм 2019 г., запущенный в прокат компанией Netflix под названием «Платформа», добился огромного успеха у международной аудитории, ассоциировавшей проблемы вертикального контроля фильма с ситуацией пандемии. Фильм шокирует своей хлесткой эстетикой, жестокими эпизодами, граничащими с жанром хоррор, – это антиутопия, которая погружает нас в размышления о нашей социальной реальности. «Платформа» одновременно великолепна и тревожна, у неё неожиданный финал, и она оставляет открытыми множество вопросов.

El hoyo – образец brutalной феноменологии, изощрённого социального дарвинизма. Это зрелищное кино бьёт по чувствам демонстрацией голода, каннибализма, насилия, жестокости, физиологических актов. Паноптикум человеческой драмы и принудительная механика созерцания помещают зрелище в парадигму кафкианского абсурда и кошмара [30]. В фильме телесность функционирует в нелинейной генеалогии времени и интенсивной событийности. Подобная эмерджентность создаёт эффекты конститутивности и эфемерности происходящего.

Драматург фильма Дэвид Десола – представитель барселонской кинематографической школы, которая считается технологически продвинутой. Именно там произошёл эстетический выход к зрителю с фабрики нового авангардистского искусства [31]. Техника раскрытия потаённости человеческой души заключается в жанровых «подвижках», смешивающих ужасы, триллер, социальную драму и техноутопию. Визуализация достаёт потаённые страхи, желания, мечты, и объект раскрывает себя во множестве субъективных образов, ускользающих от прямого соприкосновения со зрителем, что также добавляет фильму феноменологической эстетики.

В антиутопии обитатели некоего социального центра, который похож на тюрьму с сотнями этажей, ждут, пока ежедневная платформа с яствами спустится через центральную шахту на свой уровень и остановится на две минуты, за которые они должны успеть поесть. При этом администрация контролирует, чтобы они не смогли запастись едой. Однако это не помогает, т. к. до нижних этажей еда всё равно не доходит. По ходу сюжета выясняется, что вся система – это социальный эксперимент, который проводится как внутри платформы, так и за её пределами. Это самое важное отличие *El hoia* от других произведений «политической» научной фантастики: платформа работает как террариум, куда помещаются отдельные персонажи за получением социальных бонусов или для досрочного погашения условной судимости. Ноэзо-ноэматическая специфика такого кино заключается в достраивании невидимого и проведении аналогии с современной ситуацией социального контроля. Символизм, репрезентизм, конструктивизм – всё это феноменологические стратегии перцепции художественных объектов кино. *El hoia* доводит до крайности репрезентизм или эффект творческого присутствия зрителя.

Сценарист Дэвид Десола разыгрывает непростые социальные драмы, воплощающие весь экзистенциальный заряд, который автор получил от своих кумиров – Виктора Гюго, Томаса Манна, Франца Кафки и Самюэля Беккета. В «Фельдшере» (*El practicante*, 2020) его герой мстит своей бывшей девушке и сам становится её жертвой. В «Спутниках Марса» (*Lunas de Marte*, 2020) матери разыскивают своих детей, попавших в аварию на вершине горы. Постановка «На хранении» (*Almacenados*, 2015) – комедия абсурда о щепетильном складском работнике пустого помещения. «Последний глоток» (*En el último trago*, 2014) – повествование о пенсионерах, ищущих ответа на вопрос: есть ли жизнь после восьмидесяти? «Напольная плитка» (*Baldosas*, 2002) – пьеса с элементами фарса, остро критикующая дегуманизацию и социально-экономические конфликты. *El hoia* (2019) написана в соавторстве с Педро Ривера и представляет собой кулинарную антиутопию, некоторую реакцию на цивилизационное несварение. Антиутопия предупреждает о неблагоприятных сценариях общественного развития и имеет схожие линии развития, как в подобных произведениях «Скотный двор», «Южный парк», «Сквозь снег» и т. п. Интенсификация присутствия референта достигается через социальный драматизм, семиотическую обнажённость, аналогизирующее сравнение современного общества с утопической моделью.

Часто антиутопия имеет тенденцию изображать реальность субъективно-фантастически, создавая сценарии настолько далёкие от повседневности, что они становятся полотном для рисования альтернативных реальностей, в которых можно спроецировать ниспровержение идей из реального мира. Либо рисуемые альтернативные реальности проецируются на социальные аспекты современных или более архетипических философско-экономических теорий. Например, британская постановка Дж. Оруэлла «1984» напоминает историческое фашистское общество, усиленное футуристическим тоном. В то время как «Сквозь снег» (*Snowpiercer*, 2013) являет пример постмарксистской антиутопии южнокорейского режиссёра Пон Джун Хо. Активист студенческого движения и член рабочей партии вскрывает социальные антиномии в этом и других фильмах («Вторжение динозавра», «Окча», «Паразиты»), где метафора борьбы достигается столкновением жанров – фантастика,

триллер, комедия, драма. Парадоксальность происходящего снимает отчуждение между зрителем и утопией.

El hoуа не представляет пример переоценки капиталистической логики, это скорее апелляция к культуре бактерий, которые растут экспоненциально, пока их ресурсы не закончатся, и они не погибнут. В «Платформе» нет динамики классовой борьбы, как в *Snowpiercer*, за занятие более высокого места в пищевой цепочке сегрегированного общества. Сознательный, чрезвычайно умный ход сценария, который можно назвать «феноменологическая самсара», состоит в том, что в «Дыре» Вы однажды находитесь на третьем этаже со столом полным еды, а в другой день – на 230 этаже, и Вам нужно убить, чтобы поесть. Это не фильм «против» высшего класса и тех немногих, кто эксплуатирует подавляющее большинство. Невесёлая карусель достаёт из лабиринтов души человека пещерные архетипы, раскрывает для героев феноменологию.

В социальной антиутопии Десоле продолжает традиции философского искусства в формах как классической прозы, так и современных фильмов со смыслом. «Платформа» – это настоящий многослойный феноменологический объект, где находят отсылки к Библии, произведениям Данте Алигьери, Фёдора Достоевского, зашифрованное послание от Борхеса, Унамуно и Сальвадора Дали. Горенг, единственный из узников, кто выбрал книгу, человек с добрым сердцем, похожий внешне на Дон Кихота. Сценарист акцентирует внимание на том, что он читает главу Сервантеса «О чем обмолвился Дон Кихот со своей племянницей» – часть, в которой прописан образ благородного кавалера-романтика, бескомпромиссного в своей вере в рыцарство, «выпрямляющего всю кривду» света о добродетели странствующего идадьго. Горенг следует за рыцарем-нонконформистом, но не находит своего Санчо – Тимигасу становится предателем, следуя уже логике постмодерна. Феноменологическая очевидность сталкивает нас с реальностью через внешне утопический сюжет.

Феноменология ямы или экзистенциальная преисподняя ранее была развёрнута в «Матрице», «Облачном атласе», «Сквозь снег». Однако большинство критиков к источникам вдохновения Гастелу-Уррутии относят научно-фантастический триллер «Куб» (1997 г.) канадского режиссёра Винченцо Натали и «Этажом выше», снятый соотечественником Натали по имени Дени Вильнёв. El hoуа сравнивают с постановкой «Куб» по методу проведения эксперимента, где герои носят имена тюрем и приходят к максиме жизни «Не ищи причину. Ищи путь наружу». В «Дыре» более детализированы назначение тюрьмы и социальный тезаурус возможностей сидельцев. Учитывая большую системность платформы, можно понять, почему так мало героев выбрались оттуда.

El hoуа изображает пациентов реабилитационного центра, который оказывается изошрённым концентрационным лагерем с случайным распределением сокамерников. Пациент Имогири отработала на внешнем уровне управления центром 25 лет, и она уверена, что в системе 200 этажей. Однако их оказывается 333, что показательно для огромных систем, которые сами себя не могут осознать. Работники – это лишь винтики, которые не знают скрытые цели и способы функционирования системы. Имогири верит в гуманность системы, её способность решать сложные социальные проблемы, но сама становится её жертвой. Она также убеждена, что в системе нет несовершеннолетних, и это ещё одна её ошибка.

Как и работы Тименецки, концептуальное кино *El hoaya* находится на базовом крипторелигиозном уровне, поднимая вопросы справедливости, устойчивости, сознания. Сюжет сосредоточен на ужасных условиях социальной обусловленности, превращающей людей в жадных, алчных, жестоких, безумных, бесчеловечных. Крипторелигиозность *El hoaya* присутствует в тантрических образах плотоядства, сексуальности, агрессии и дефекации. Два главных героя – Горенг и Бахарат – становятся мучениками для того, чтобы передать послание, но не для администрации, которая, по полученным ими откровениям от Гуру, не имеет сознания, а для простых работников на нулевом уровне.

Драматургия подводит нас к печальному выводу – XX век стал эпохой разочарования в политических движениях за борьбу прав, однако XXI век опасен тем, что в нём почти не осталось утопий, кроме технократических. Ценности устойчивого развития планеты, которые становятся ориентирами фильма, – это эмпатия, солидарность, баланс. Два сценариста показываются в мизансцене играющими в детском бассейне в одной из камер, что напоминает образ зона (вечности) у Гераклита, которая сравнивается с играющим ребёнком. Созидание и разрушение – подобное легкомыслие, ребячливость космоса драматургии и есть парадокс *El hoaya*. Феноменологически, эта работа есть фильм-луковица, фильм-улитка – многослойное, многогранное произведение.

На протяжении фильма фигурируют знаки присутствия сложности – Платформу невозможно понять, она превосходит рациональные оценки, в ней много противоречий между ожиданиями и реальностью. Каждый этаж таит непредсказуемое, и самый низший этаж становится трамплином наверх. Образ улитки, который внедрён по ходу драмы несколько раз, – символ лабиринта, запутанности, сложности, а также смирения, спокойствия и спокойного принятия судьбы. Т. е. «улиточность» – это аллюзия к многослойным уровням кодирования: эзотерический символ цикличности жизни и смерти, средневековый христианский знак лени, протестантский образ скромности, самодостаточности, неторопливости и наслаждения моментом. Тот же процесс редукции проявляется в характере Горенга. Постепенное отделение поверхностных слоёв человеческого опыта, смена приоритетов: от выживания к преобразованию мира вокруг него, от личного интереса к роли защитника чего-то большего, чем он сам, того, что, если бы оно было переделано с успехом, помогло бы изменить то, как мы живём и относимся друг к другу.

El hoaya – массовый художественный агент феноменологии, осуществляющий дескрипцию слоёв человеческого существования в технократической среде социального распределения. Кинофеноменология формирует мировоззрение масс, обладая всеми признаками тотализирующего иллюзиона, – многослойное кодирование, множественная аудитория, обращение к творческому воображению.

Заключение. Феноменология воспринимается как интеллектуальная философия и этим привлекает к себе самых разных авторов; некоторые из них похожи на мистификаторов, которые стремятся в мутных феноменологических водах ловить рыбу. Достаточно написать «с позиций феноменологии», «феноменологический», чтобы придать работе некий нимб суперфилософии. В действительности её ценность совсем не в том, чтобы создать флёр таинственности и убедительности. Феноменология даёт определённую неопределённость в неопределённом мире. Пока философия присут-

ствия создаёт симулякры действительности в виде различных «измов», феноменология делает ставку на повседневность, мифы, иллюзии, проекции, утопии жизненного мира и радикальное различие, эпохе. В этом своём обращении к субъективности она похожа на этноконфессиональное сознание, ищущее определённости в архаичных мифологических структурах. Разница в том, что феноменология научна в своём обращении к жизненному миру и сохраняет чистоту, несмотря на пребывание в негумбольтовских зонах обмена. Репрезентация безупречна, пока она воспроизводит отсылки к предметам, вернее, к следам их предметности. Каркас репрезентизма рассыпается, и ему на смену приходят экземплификация, эстетика референции, а также описание, подрывающее логику воспроизводства.

Феноменология продуктивна в разных областях: онтологии, гносеологии, эстетике, социальной философии. Статья помещает аналитический инструментарий феноменологии в контекст киноэстетики. Я считаю, что это очень продуктивная встреча. Самая эйдетическая философия встречается с самым концептуальным искусством, которое из «балагана» неожиданно превратилось в символ всех видов искусств в их экзистенциальности и динамике. Трансформации в кино хорошо отражают тенденции в жизни, а также формулируют новый язык философии как искусство движения. Феноменология, как и кино, стремится преподнести реальность в движении. Процесс становится метаматерией, которая перекодирует символический язык, а феноменология, как и киноэстетика, выторговывает новые процессуальные смыслы.

За рамками статьи осталось множество вопросов, связанных с А.-Т. Тименецки. Как связаны феноменологический опыт и эстетический? Что в Тименецки от Гуссерля, Бергсона и Ингардена? Можно ли поставить её феноменологический проект на одном уровне с Хайдеггером, Ингарденом, Сартром, Мерло-Понти? Однозначно, что она уловила процессуальные общественные сдвиги и тематизировала философию движения в феноменологии. Задача статьи – пригласить к диалогу накануне столетнего юбилея Анны-Терезы Тименецки и связать её конститутивную феноменологию с кинестетической модальностью кинематографа.

Список литературы

1. Kogge W. Die Grenzen des Verstehens. Kultur – Differenz – Diskretion. Velbrueck, 2002. 380 s.
2. Nehring A. On the Communication of Sacred Texts: Intercultural Comparison or Intercultural Encounter. Interreligious Hermeneutics in Pluralistic Europe. Currents of Encounter. Brill, 2011. Vol. 40. Pp. 379–396.
3. Marcum J. A. Biomechanical and phenomenological models of the body, the meaning of illness and quality of care // Medicine, Health Care and Philosophy. 2005. Vol. 7. Pp. 311–320.
4. Тимошук Е. А. Инструментальный реализм и социокультурная феноменология в современном образовании // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 1. С. 114–118.
5. Давыдова О. С. Фотогения Л. Деллюка: опыт феноменологического прочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 4. С. 106–110.
6. Симонян С. В. Киносемантика или монтажная схема «впечатлений» // Успехи современного естествознания. 2007. № 10. С. 123–124.
7. Тимошук Е. А. Онтопозис жизни: А.-Т. Тименецки // Полигнозис. 2015. № 1 (48). С. 61–69.

8. Baracco A. Phenomenology of Film // *Hermeneutics of the Film World*. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 37–63.
9. Бычков В. В. Эстетическая сущность искусства // *Ориентиры*. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2003. С. 27–64. С. 30.
10. Курдин А. Г. Художественное произведение и эстетическое событие // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. 2008. С. 175–180. С. 175–176.
11. Микешина Л. А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // *Эпистемология & философия науки*. 2007. Т. XI. № 1. С. 5–17.
12. Прехтль П. Восприятие и кинестетическое сознание // *Введение в феноменологию Гуссерля*. Томск: Водолей, 1999. С. 29–31.
13. Журавлева Ю. В. К возможной онтологии кино: феноменология тела М. Мерлю-Понти // *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право*. 2018. № 4. С. 85–94.
14. Сованьярг А. Экология образов и машины искусства // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 48–62.
15. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.
16. Поселягин Н. Кинонарратология и кинофеноменология Лотмана // *Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti / Matteo Bertelé, Angela Bianco, Alessia Cavallaro*. 2013. No. 3 (169). Pp. 161–173. P. 168.
17. Verducci D. The «Sacred River» Toward God: Anna-Teresa Tymieniecka's Phenomenology of Religious Experience // *Open Theology*. 2018. No. 4. P. 632.
18. Tymieniecka A.-T. Impetus and Equipose in the Life-Strategies of Reason: Logos and Life Book 4 (*Analecta Husserliana*, 70). Springer, 2000. 721 p.
19. Tymieniecka A.-T. Introduction: Phenomenology as the inspirational force of our times // *Phenomenology World-Wide*. Springer, 2002. Pp. 1–8.
20. Мотрошилова Н. В. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901). Прогресс-Традиция, 2018. 624 с.
21. Rainova I. Interview with Anna-Teresa Tymieniecka in Moscow 1993 // *The World Phenomenology Institute – World Institute for Advance Phenomenology*, 1999.
22. Bello A. A. L'armonia della vita. In memoria di Anna Teresa Tymieniecka // *Rivista sperimentale di freniatria*. 2014. XXIV. Pp. 307–312.
23. Тимошук Е. А. Межкультурная коммуникация А.-Т. Тименецки // *Вопросы тюркологии и востоковедения в полиэтническом пространстве*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 330–339.
24. Тимошук Е. А. Феноменология культуры А.-Т. Тименецки // *Вестник Омского университета*. 2015. № 4 (78). С. 85–88.
25. Тимошук Е. А. Онтопоззис жизни: А.-Т. Тименецки // *Полигнозис*. 2015. № 1 (48). С. 61–69.
26. Лаврухин А. В. Предпосылки, проблемы и перспективы гуссерлевского проекта обновления европейского культурного человечества // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 4 (28). С. 318–329.
27. Тимошук Е. А. Фабулизация как феноменологический порядок функционирования социальной памяти и образования // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*. 2016. Т. 31. № 1. С. 96–101.
28. Тимошук Е. А. Анна-Тереза Тименецки и русский центр феноменологии // *Русский логос: горизонты осмысления: материалы Международной философской конференции (25–28 сентября 2017 г.)*. СПб: СПбГТУ, 2017. URL: <http://philhist.spbu.ru/index.php/sobytiya/484-me>
29. Raynova Y. In Memoriam Anna-Teresa Tymieniecka (1923–2014) // *Labyrinth*. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 74–83.
30. Шульц С. А. Феноменологии визуальности в кино // *Человек*. 2016. № 4. С. 86–99.
31. Рейзен О. К. Мадрид, Провинция, Барселона. География как объект феноменологии кино // *Вестник ВГИК*. 2012. № 12-13. С. 204–219.

Авторская справка

ТИМОЩУК Елена Андреевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, РАНХиГС, Владимир, Россия.

E-mail: timoshchuk-ea@ranepa.ru

UDC 130.2.

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.43

CONSTITUTIVE PHENOMENOLOGY
BY A.-T. TYMIENIECKI

E. A. Tymoshchuk

RANEPA, Vladimir (Russia)

Introduction. Constitutive phenomenology is a philosophical response to the generativity and emergence of sociocultural being. The dynamic integrity of being forces us to turn to isomorphic forms of representation of reality, such as cinema, built on creative imagination and constructivist semiosis.

Methods. The article examines the features of constitutive phenomenology presented in the works of Anna-Teresa Tymieniecki. Its phenomenological model takes into account the emergence, the processual of the ontic order of the world. Anna-Teresa's ideas are demonstrated by the example of works of art, especially cinema, as the most dynamic, semantically loaded and intertextual work. The aesthetic experience of the collective theatre comes from the strengthening of the eventfulness of life. The cinematic shock of culture pushes the young Polish phenomenologist, who emigrated to the West, to modernize classical Husserlianism. Anna-Teresa acted in an unprecedented role as a phenomenologist of life, bringing into phenomenology the themes of development, creativity, onto-poiesis, impulse and balance of the logos of life. The life world is interpreted as a human universe, and science and art act as engines of personal formation.

Results. Tymieniecki's phenomenology makes it possible to feel involved in the dynamics of history; her philosophy develops in response to the challenges of socio-cultural problems. Synergetics, post-modernism, hermeneutics, analytical philosophy, pragmatism – each modern direction offers its own solution for the conceptualization of complexity. Tymieniecki gives a procedural impulse to phenomenology by introducing dynamic categories in response to the impulses of life. The synthesis of Ingarden's teaching and philosophy of life creates a dense phenomenological description and becomes an argument in favour of the value of phenomenology, both in the study of cinema and aesthetics in general.

Conclusion. In 2023, Anna-Teresa Tymieniecki turns 100 years old (1923–2014). In this case, cinema is an ideal conceptual environment where symbolic orders, cognitive norms, unconscious images, existential narratives are formed. This contrasts with Husserl's transcendental phenomenology as a representative apperception of the Other. Tymieniecki acts as a medium in the mobile semiosis of semi-stable structures of being. The metaphor of being as a phenomenology of cinema is pure kinaesthetics outside of anthropological predicates. Cinema fills the phenomenological narrative with processality, and the panopticon of movement is ontologized as a flow.

Keywords: constitutive phenomenology; phenomenology; A.-T. Tymieniecki; phenomenology of cinema; cinematography.

References

1. Kogge W. *Die Grenzen des Verstehens. Kultur – Differenz – Diskretion*. Velbrueck, 2002. 380 p.
2. Nehring A. On the Communication of Sacred Texts: Intercultural Comparison or Intercultural Encounter. *Interreligious Hermeneutics in Pluralistic Europe. Currents of Encounter*. Brill, 2011. Vol. 40. Pp. 379–396.
3. Marcum J. A. Biomechanical and phenomenological models of the body, the meaning of illness and quality of care. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2005. Vol. 7. Pp. 311–320.
4. Timoshchuk E. A. Instrumental'nyy realizm i sotsiokul'turnaya fenomenologiya v sovremennom obrazovanii [Instrumental realism and socio-cultural phenomenology in modern education]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova*. 2016. No. 1. Pp. 114–118. (In Russ.).
5. Davydova O. P. «Fotogeniya» L. Dellyuka: opyt fenomenologicheskogo prochteniya ["Photogeny" by L. Delluk: an experience of phenomenological reading]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*. 2015. No. 4. Pp. 106–110. (In Russ.).
6. Simonyan P. V. Kinosemantika ili montazhnaya skhema «vpechatleniy» [Cinematic semantics or montage scheme of "impressions"]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya*. 2007. No. 10. Pp. 123–124. (In Russ.).
7. Timoshchuk E. A. Ontopoezis zhizni: A.-T. Timenetski [Ontopoesis of life: A.-T. Tymieniecka] *Polignozis*. 2015. No. 1 (48). Pp. 61–69. (In Russ.).
8. Baracco A. Phenomenology of Film. *Hermeneutics of the Film World*. London, Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 37–63.
9. Bychkov V. V. Esteticheskaya sushchnost' iskusstva [Aesthetic essence of art]. *Oriyentiry*. Vyp. 2. Moscow, IFRAN, 2003. Pp. 27–64. (In Russ.).
10. Kurdin A. G. Khudozhestvennoye proizvedeniye i esteticheskoye sobytiye [A work of art and an aesthetic event]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii*. 2008. Pp. 175–180. (In Russ.).
11. Mikesheva L. A. Reprezentatsiya: chastnyy metod ili fundamental'naya operatsiya poznaniya? [Representation: a particular method or a fundamental operation of cognition]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 2007. Vol. XI. No. 1. Pp. 5–17. (In Russ.).
12. Precht P. Vospriyatiye i kinesteticheskoye soznaniye [Perception and kinesthetic consciousness]. Precht P. *Vvedeniye v fenomenologiyu Gusserlya* [Introduction to Husserl's phenomenology]. Tomsk: Izdatel'stvo Vodoley, 1999. Pp. 29–31. (In Russ.).
13. Zhuravleva Yu. V. K vozmozhnoy ontologii kino: fenomenologiya tela M. Merlo-Ponti [On the possible ontology of cinema: the phenomenology of the body by M. Merleau-Ponty]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2018. No. 4. Pp. 85–94. (In Russ.).
14. Sovan'yarg A. Ekologiya obrazov i mashiny iskusstva [Ecology of images and machines of art]. *Filosofskiy zhurnal*. 2016. Vol. 9. No. 4. Pp. 48–62. (In Russ.).
15. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallin: Eesti Raamat, 1973. 135 p. (In Russ.).
16. Poselyagin N. *Kinonarratologiya i kinofenomenologiya Lotmana* [Cinemanarratology and cinemaphenomenology of Lotman]. Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti. Matteo Bertele, Angela Bianco, Alessia Cavallaro. 2013. No. 3 (169). Pp. 161–173.
17. Verducci D. The «Sacred River» Toward God: Anna-Teresa Tymieniecka's Phenomenology of Religious Experience. *Open Theology*. 2018. No. 4. P. 632.
18. Tymieniecka A.-T. Impetus and Equipose in the Life-Strategies of Reason: Logos and Life Book 4 (Analecta Husserliana, 70) Springer, 2000. 721 p.

19. Tymieniecka A. T. Introduction: Phenomenology as the inspirational force of our times. *Phenomenology World-Wide*. Springer, 2002. Pp. 1–8.
20. Motroshilova N. V. *Rannyya filosofiya Edmunda Gusserlya (Galle, 1887–1901)* [The Early Philosophy of Edmund Husserl (Halle, 1887–1901)]. Progress-Traditsiya, 2018. 624 p. (In Russ.).
21. Rainova I. *Interview with Anna-Teresa Tymieniecka in Moscow 1993*. The World Phenomenology Institute – World Institute for Advance Phenomenology, 1999. P. 1.
22. Bello A. A. *L'armonia della vita. In memoria di Anna Teresa Tymieniecka*. Rivista sperimentale di freniatria. 2014. XXIV. Pp. 307–312.
23. Timoshchuk Ye. A. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya A.-T. Timenetski [Intercultural communication A.-T. Tymieniecka]. *Voprosy tyurkologii i vostokovedeniya v polietnicheskom prostranstve*. Ufa, RITS BashGU, 2019. Pp. 330–339. (In Russ.).
24. Timoshchuk Ye. A. Fenomenologiya kul'tury A.-T. Timenetski [Phenomenology of culture A.-T. Tymieniecka]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2015. No. 4 (78). Pp. 85–88. (In Russ.).
25. Timoshchuk E. A. Ontopoezis zhizni: A.-T. Timenecki [Ontopoesis of life: A.-T. Tymenecki]. *Polignozis*. 2015. No. 1 (48). Pp. 61–69. (In Russ.).
26. Lavrukhin A. V. Predposylki, problemy i perspektivy gusserlevskogo proyekta obnovleniya yevropeyskogo kul'turnogo chelovechestva [Background, problems and prospects of Husserl's project of renewal of European cultural humanity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2014. No. 4 (28). Pp. 318–329. (In Russ.).
27. Timoshchuk E. A. Fabulizatsiya kak fenomenologicheskii poryadok funktsionirovaniya sotsial'noy pamyati i obrazovaniya [Fabulization as a phenomenological order of the functioning of social memory and education]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*. 2016. Vol. 31. No. 1. Pp. 96–101. (In Russ.).
28. Timoshchuk E. A. Anna-Tereza Timenetski i russkiy tsentr fenomenologii [Anna-Teresa Timenetsky and the Russian Center for Phenomenology]. *Mezhdunarodnaya filosofskaya konferentsiya russkiy logos: gorizonty osmysleniya (25–28 sentyabrya 2017 g.)*. Saint Petersburg, SPbGTU, 2017. (In Russ.).
29. Raynova Y. *In Memoriam Anna-Teresa Tymieniecka (1923–2014)*. Labyrinth. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 74–83.
30. Shults S. A. Fenomenologii vizual'nosti v kino [Phenomenology of visuality in cinema]. *Chelovek*. 2016. No. 4. Pp. 86–99. (In Russ.).
31. Reizen O. K. Madrid, Provintsiya, Barselona. Geografiya kak ob"yekt fenomenologii kino [Madrid, Province, Barcelona. Geography as an object of cinema phenomenology]. *Vestnik VGIK*. 2012. No. 12-13. Pp. 204–219. (In Russ.).

Author's Bio

TIMOSCHUK Elena Andreevna – candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the humanities department, RANEPa, Vladimir, Russia.
E-mail: timoshchuk-ea@ranepa.ru

Библиографическая ссылка

Тимошук Е. А. Конститутивная феноменология А.-Т. Тименецки // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 43–62. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.43

УДК 304.2; 304.9; 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.63

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ)

В. В. Хренков*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. Статья с социально-философской критической позиции раскрывает идеологические основы современного потребительского, технологически высокоразвитого общества всеобщего отчуждения. Актуальность и значимость рассмотренного вопроса объясняются, наряду с прочим, тем, что исследование проблемы состояния современных общества и человека востребовано в качестве социально, гуманистически и экзистенциально значимого – значимого в контексте того, что с ними происходит с точки зрения критериев, идеалов и принципов разумности человечества, подлинных прогресса и свободы, социального и духовно-психологического здоровья.

Методы. В целях исследования проблемы нашли применение: диалектический подход, а также, в частности, категориальный аппарат дискурса неомарксистской, постмодернистской, гуманистической социально-критической мысли XX-XXI вв.; теоретический анализ философской и социально-гуманитарной литературы по поставленной проблеме; синтез; метод обобщения; принцип детерминизма; философия отчуждения. Как методологический инструментарий, среди всего прочего оказалось значимым понимание представителями «критической теории общества» идеологии как апологии правильности, неизбежности и естественности наличествующего социального обществцивилизационного вектора.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье даётся общетеоретическая картина сути, смысла, специфики современной идеологии (идеологии позднекапиталистического технологически высокоразвитого потребительского общества). Делается акцент на том, что идеология воспроизводит псевдореальную и (или) ложную социальную реальность, но апологизирует её, тотально убеждая в её правильности, неизбежности и естественности. То есть идеология уверяет, что всё, порождённое в сложившейся социальной реальности, является общезначимым и обладающим для всех безусловной ценностью. И это призвано увековечить существующий в мире порядок и служит укреплению и разрастанию власти меньшинства, стремящегося к прибыли и к удержанию социальной власти в мире.

Важным аспектом статьи стало подчёркивание того, что тенденциями в обществе потребления являются: неосознаваемое человеком его закабаление господствующей системой (потребительская эксплуатация / манипуляция массами); установление всеобщей социальной солидарности посредством интеграции всех в социальное целое и атомизации на основе идеологии потребления; подчинение логике капитала, товара и потребления всех проявлений общества. Отмечается также, что идеология общества потребления основана на безостановочном производстве всё новых, по преимуществу искусственных, желаний и потребностей; она направляет жизненную энергию масс в русло потребительского, чрезмерно гедонистически-эгоистического, односторонне-неполноценного способа существования.

Заключение. Одним из итогов исследования стало фиксирование того, что путём вовлечения масс в потребительскую активность решаются задачи по достижению экономического роста, управлению массами, обретению состояния целостности и социальной сплочённости, нивелированию опасных для системы противоречий за счёт интеграции всех в социальное целое на основе идеологии потребления, которая вместе с тем содействует всеобщему разобщению.

Господствующая идеология обуславливает механизмы отчуждения и объективации человека в современной социокультурной ситуации. В качестве одних из ключевых такой идеологии выявляются аспекты, связанные с детерминированностью человеческих существ идеологией и ценностями крайне материалистической, односторонней телесно- и эго-ориентированной, потребительской и бездуховной направленности.

Ключевые слова: идеология; капиталистическая цивилизация; общество потребления; социальная деструкция; современный человек.

Введение. Современная социальная система, охватывающая всё большее мировое пространство, может быть интерпретирована как потребительское, технологически высокоразвитое, на этапе перехода в цифровую стадию, репрессивное¹ общество – формально свободное (финансово-кредитное позднекапиталистическое) общество всеобщего отчуждения (см. подробнее анализ / теорию этого общества [1; 4; 8; 14–18]). И критический анализ идеологии такого общества востребован как социально, гуманистически и экзистенциально значимый. Философско-критическая позиция по отношению к такому обществу, его идеологии жизненно необходима в системе координат, выстроенных на идеалах / принципах бытия в состоянии подлинных разумности и свободы, раскрытия сущностных потребностей человека (мыслительная, преобразовательная, т. п. активность); социального, а также духовно-психологического индивидуального здоровья.

В настоящей статье даётся общетеоретическая картина сути, смысла, специфики современной идеологии – идеологии позднекапиталистического технологически высокоразвитого потребительского общества. Наглядной же и плодотворной иллюстрацией для анализа – демонстрации вопросов, связанных с идеологическими основами современного общества, послужит в следующей нашей планируемой статье коммерческая реклама, поскольку именно в рекламе особенно выпукло отражаются, проявляются, а также воспроизводятся характерные для такого социума общественные отношения, ценности, нормы и стереотипы.

Прежде всего значимо подчеркнуть, что в контексте проводимого в данной статье анализа понятие «идеология» трактуется на основе способа осмысления и объяснения осваиваемой этим понятием действительности представителями², условно говоря, (нео-)марксистского (*а если точнее – «гуманистически-центрированного»*

¹ Такой тип репрессивной системы является всепронизывающим, скрытым, «мягким» (поскольку в качестве репрессии в данном обществе предстаёт то, что действует на уровне подчинения сознания индивидов и генерирования множества разнообразных, зачастую ложных и извращённых, потребностей), но, некоторым образом, также и более прогрессивным вариантом репрессивного общества (прогрессивным – с точки зрения потребностей самой позднекапиталистической системы, в том числе по осуществляемому ею социальному контролю; но не для человека – если брать в расчёт то, что называется его глубинными, сущностными потребностями, например, в плане возможности осуществлять устремлённость к познавательной и духовной самоактуализации; в плане реализации критической и преобразовательной активности: преодоление себя, самостоятельная критическая мыслительная активность, развитие сознания и т. п.).

² В первую очередь ими. Но не только.

спектра из числа (нео-)марксистских теоретических подходов) дискурса [1; 8; 13; 14; 16; 17; 18].

При таком понимании идеология – это то, что воплощает собой всё порождённое и санкционированное развивавшейся доньше (и функционирующей теперь на стадии технологически высокоразвитого и потребительского) капиталистической социальной системой. Это совокупность представлений о мире, искажённых и (или) ложных ценностей, целей и практик человека в этом обществе. Идеология воспроизводит псевдореальную и (или) ложную социальную реальность, но тотально убеждает, что эта реальность естественна и неизбежна, как единственно необходимый, предназначенный для вечного продолжения во времени тип социальной реальности, разворачивающийся сообразно неким естественным, т. е. рыночным (и / или маскирующимся под рыночные, моно- и олигополистическим), основанным на частной собственности и потребностях капитала и т. п., законам, которые и должны управлять ею.

Под влиянием идеологии человек, претерпевая те или иные виды более или менее мягкого формата обусловливания и программирования, утрачивает возможность и способность воспринимать мир объективно. Он смотрит на этот мир, на его проявления через «очки» культуры (на текущем этапе – по преимуществу массовой потребительской технизированной информационно- и манипуляционно-виртуальной), созданной и генерируемой, навязываемой в рамках удерживаемого социального порядка. Идеология, говоря иначе, есть ложное сознание масс.

Методы. В качестве теоретико-методологической основы работы послужил диалектический подход. Для анализа проблемы востребованными стали также, в частности, следующие методы: категориальный аппарат дискурса, схематично говоря, неомарксистской / постмодернистской / гуманистической социально-критической мысли XX–XXI вв.; теоретический анализ философской и социально-гуманитарной литературы по исследованной проблематике; синтез; метод обобщения; принцип детерминизма; философия отчуждения.

Применение подхода К. Маркса и неомарксистской «критической социологической теории общества» Э. Фромма, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе [1; 8; 13; 14; 16; 17; 18] способствует раскрытию предмета статьи сквозь призму, в частности, следующих социально-философских идей, тем и подходов: подавление сущностных сил человека, его автоматизация, пассивизация, деинтеллектуализация и т. п.; эксплуатация человека капиталистической социальной системой; отчуждение; ложное сознание; современные институты общества, поставленные на службу буржуазной идеологии / идеологии потребления с целью управления индивидами, «производства сознания» и потребностей и приводящие к усилению механизмов отчуждения, деградации и духовного закабаления в обществе; критическое отношение к капиталистической действительности; др.

Как методологический инструментарий для проводимого анализа, важны, в частности, идеи неомарксистов в русле разработанной ими «критической теории общества», которая не рассматривает факты в качестве последней, наиболее верной реальности, не оценивает наличествующий социальный общецивилизационный вектор развития как должный и правильный (*а постулирование – абсолютизирование – обоснование и санкционирование правильности, необходимости и естественности такого вектора и есть, собственно, идеология*).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Говоря об идеологии, важно иметь в виду, что она есть то, что, декларируя о тех или иных идеях, нормах, ценностях, практиках, как об имеющих всеобщую ценность и необходимость, в действительности служит особым, узкогрупповым интересам. Это идеи тех, кто господствует, но утверждаемые вместе с тем, как идеи всеобщие, общезначимые, обладающие безусловной ценностью для всех участников общества. Идеи эти призваны защищать, оправдывать и побуждать к сохранению тот мировой социальный порядок, который сформировался и удерживается – «развивается», прежде всего, в интересах определённых сил – хозяев капитала (наднационального и крупнейшего), финансов / ресурсов, материальных богатств; субъектов средств производства и власти / контроля.

Идеология получает своё выражение в том, что из исторических, имеющихся социальных и политических фактов делаются вечные законы, и эти законы провозглашаются как естественные и неизменные. Идеология тем самым есть узаконивание статус-кво, апология существующего. То есть идеология – всё то, порождённое и санкционированное в имеющейся социальной реальности, что призвано увековечить существующий в мире порядок и служит укреплению и разрастанию власти меньшинства, владеющего финансовыми средствами и средствами производства, стремящегося к прибыли и к удержанию социальной власти в мире.

Текущую же стадию капиталистического высокоразвитого технологического общества уместно интерпретировать (упрощённо и обобщённо) как общество потребления. Понятие «общество потребления» целесообразно трактовать на основе описания и толкования его авторами «критической социологической теории» (Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе) [16; 17; 18; 14], а также Г.-Э. Дебором и Ж. Бодрийяром [8; 4; 5]. Общество потребления являет собой современный этап развития капитализма, обретшего посредством вступления в фазу высоко-го научно-технического развития устойчивость и жизнеспособность на основе идеологии потребления, выразителями и зачинателями которой на «низовом», явном уровне были Э. Дихтер, В. Лебов, Э. Бернейс, др., и пропаганды потребления, как управляющей обществом детерминанты (безостановочного производства всё новых, во многом фиктивных и вздорных / извращённых, желаний и потребностей) посредством механизмов рекламы, маркетинга, массовой культуры, моды, СМИ (включая

новые медиа, социальные сети и проч.), системы кредитования, информационно-коммуникационных технологий (ИТ) и т. п.

Это общество на основе вовлечения масс в потребительскую, низкоматериалистическую, а также порой сверхинтенсивную трудовую активность решает задачи по достижению устойчивого экономического развития, состояния целостности и социальной сплочённости и нивелированию опасных для него противоречий с помощью интеграции в социальный порядок членов общества (на базе единых и приоритетных для всех потребительских целей и ценностей) и при этом дифференциации индивидов, всеобщей атомизации (путём поощрения среди них потребительского индивидуализма и конкуренции по уровню потребления, престижу, степени включённости в считающиеся статусными группы). Такая интеграция (всех в единую общественную систему), сопровождаемая одновременной дифференциацией, реализуется путём прибегания к стратегии пестования в людях недовольства имеющимся у них уровнем потребления, взращивания в них безмерных потребительских установок, насаждения образца человека только лишь телесно- и материалистически-ориентированного, извлечения выгоды из активного обращения к их подсознанию, стимулирования мнимого устаревания вещей и других механизмов.

Причём идеология в современном обществе стала всепроникающей и при этом незаметной, направленной не только на порождение у потребителей необходимости в предлагаемых благах и услугах, но и на воспроизводство этими потребителями содержащихся в них (благах и услугах) тех или иных социальных качеств (будь то, например, престиж, самодемонстрация, классовая либо групповая принадлежность или же определённые ценности), что свидетельствует о том, что вместе с товаром покупаются социальные символы, по которым идентифицируются социальное положение и даже взгляды человека [14].

С первой половины XX века важным фактором развития бума потребления и насаждения потребительских ориентаций в социальном пространстве всего мира стала заинтересованность в этом многочисленных сильнейших групп влияния, сосредоточивающих в своих руках социальную, политическую, идеологическую власть, финансы, средства производства. Их цель – утвердить в индивидах именно те привычки и тип мышления, которые ориентированы на потребление. Люди, ведущие себя в соответствии с такими привычками и мышлением, становятся податливыми на идеологию капиталистического потребительского общества и цели поддерживающих его господствующих групп и приобщёнными к этим нормам и целям.

Так, согласно Ж. Эллюлю, с помощью средств массовой коммуникации, включая коммерческую рекламу, осуществляется не что иное, как ухищрённое пропагандирование конформистского, адекватного-угодного буржуазному обществу, мышления [11, с. 100-101]. По мысли Р. Курца, моделирование сознания, желаний и даже чувств реализуется средствами рекламы; и это моделирование, и «покушение на бессознательное» более всего «раскрывают тоталитарный характер капитализма и в

то же время делают тоталитаризм невидимым, если покушение удаётся» [7]. Современный человек уже в детском возрасте подвергается обращению в «религию», основанную на коммерческих и потребительских ценностях. Эта проблема в подробностях анализируется, например, М. Говардом [6, с. 108–111].

Немаловажно заострить внимание на том, какие предпосылки и причины определили установление и разрастание в глобальных масштабах общества потребления, его идеологии. Обусловливание западного человека действовавшей до двадцатого столетия протестантской традицией определяло всеобщность мнения о недопустимости несоблюдения скромности в потребностях. Для капиталистической экономики такая ситуация означала угрозу серьёзных кризисных состояний прежде всего из-за нереализации невостребованной товарной массы. Чтобы приспособиться к новым условиям и избежать убытка, представители наиболее крупного капитала решили отказаться от имевшего до того распространение ориентирования в преподнесении товаров на фактор рациональности покупки, на доводы практичности и функциональности. Поэтому олигархические группы, обладатели самого крупного капитала, и стали прибегать к распространению идеологического принципа, нацеленного на подстрекательство индивидов к чувству недовольства и усиленному потреблению, с использованием воздействия как на сознание, так и на подсознание.

В связи с этим, наряду со множеством других приёмов жёсткого и мягкого воздействия на массы, для режимов Запада с середины 1950-х годов стали характерными рекламные кампании, пропагандировавшие идею скорого мнимого, планируемого «устаревания» предметов потребления; ведь для реализации всего с переизбытком производимого индустрией требовалось взрастить в индивидах устойчивость взглядов на то, что исключительно беспрестанное приобретение новых вещей и символов / симулякров позволяет испытывать не иначе как саму радость, само счастье жизни. Говоря другими словами, гедонистическо-эгоистические (в крайнем, деструктивном их выражении) ориентации «сбросили с пьедестала» и заменили собой прежнюю разновидность подавления – пуританскую мораль, а возможным это стало по причине налаживания массового производства товаров и пропаганды указанных ориентаций через механизмы маркетинга, рекламы, моды, СМИ, системы кредитования, массовой культуры.

Такая потребительская эксплуатация / манипуляция массами объяснялась глущатаями общества потребления (Э. Дихтером, например) той её необходимостью и колоссальной значимостью, что она содействовала росту всей экономики, а также упрочению демократии [3]. Как жизненно необходимое для экономики проповедовалось этими идеологами потребление – потребление подлежащих быстрому изнашиванию, забвению, выбрасыванию товаров. Для осуществления этих задач товары стали преподноситься (идея, выраженная В. Лебовом и другими) таким образом, что они увязывались с желанным и естественным образом жизни, с получением удовле-

творения от товаров и привязанным к ним знакам / символам, положительных настроения и эмоций от их потребления [15, с. 72].

Не иначе как создание и укрепление психологии потребительства было предложено средствам рекламы. Равно как на них же возлагалось укрепление сложившегося в общественном сознании отношения к телу как к фетишу, требующему пристальной заботы по причине его использования как знака социального отличия и престижа [4, с. 167–193]. Э. Бернейс, ставший в 1920-е годы при президенте США Г. Гувере одним из разработчиков идеологии современной капиталистической системы, утверждал, что «сознательное и научное манипулирование привычками и мнениями широких масс» есть значимая составляющая демократического общества, и учил тому, что рекламные послания должны сообщать товарам символическое значение и обращаться не к разуму людей, а к их эмоциям, что позволит воспроизводить «типичного потребителя», проявляющего посредством потребления своё «глубиннейшее самовыражение» [6, с. 97; 7].

Таким способом режимам стран Запада, оказавшимся форпостом капиталистической системы, удалось свести на нет потенциальную угрозу со стороны населения, превращаемого отныне в своём большинстве в устремлённых к потребительству, по преимуществу «усыпленных» обывательско-потребительско-мелочными целями и образом жизни, индивидов.

Как итог – податливость индивидов на идеологию капитализма и цели поддерживающих его правящих, олигархических групп и приобщённость к этим нормам и целям обеспечивается, в том числе за счёт утверждения в индивидах привычек и типа мышления, ориентированных на потребление. Конформизм в современную эпоху находит выражение в том, что люди сегодня могут выбрать, как они будут отличаться от других, но, несмотря на такой выбор, отличаться они будут в основном только в поверхностном, потребительско-телесном плане – так, как это задано и / или умело взято на вооружение социальной системой потребительского общества, которая мало заинтересована в поощрении сущностно-подлинных (в том числе духовно значимых) различий между членами общества и их качественном (субъектном) своеобразии, создавая, по сути, односторонне развитых и необременённых культурно-интеллектуальными качествами индивидов.

Примечательно, что и сам авангард работников, также разделяющих часть ответственности за такое положение дел, чья деятельность связана со сферой распределения / услуг / сбыта, берёт на вооружение самое что ни есть идеологическое обоснование своей значимости для сложившейся социальной структуры. Так, маркетолог Дж. Майерс заявлял: «Мы, как представители индустрии рекламы, должны понимать, что наступление на рекламный бизнес – это угроза капитализму, свободе слова, привычным формам нашего досуга и будущему наших детей» [10].

Согласно позиции авторов «критической теории общества» [18; 14], позднекапиталистическое общество насквозь пронизано пропагандой буржуазно-

капиталистических ценностей. И индивид уподоблен главенствующим в нём моделям, является «одномерной» псевдоиндивидуальностью, поскольку им благополучно усвоены общесоциальные, стандартизирующе-атомизирующие, по мерке потребностей наличествующей системы, требования. *Нормы и правила капиталистического общества потребления воспринимаются живущим в нём массовым человеком не как враждебные его человеческой природе, не как её деформация, а как характерные для обычного, нормального поведения и желанные.* Массам предоставляется всё больше материальных благ, всё больший уровень потребления и потребительской (не-)свободы, в связи с чем возрастает степень их (ими неосознаваемой) управляемости в существующей системе.

СМИ, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, девайсы, мессенджеры, социальные сети, массовая культура, реклама в такой интерпретации – это эффективнейшие способы управления (а также разобщения–программирования) массами людей, их сознанием, побуждениями, влечениями; это то, что всё более тотально, вездесуще и эффективно справляется с ролью угнетателя творческой активности, независимости мышления масс. Поэтому неслучайно «культурная индустрия» (индустрия массового искусства, масс-медиа, рекламы, т. п.) отождествляется авторами «критической теории» с непосредственно идеологией, утверждающей те цели, которые согласуются с логикой общественной системы [18; 14]. Современное общество и культура лишили человека «второго» измерения (на всех уровнях его личности, даже на уровне самих витальных влечений), позволяющего ему действовать иначе или хотя бы мыслить иным образом и желать выхода за пределы «одномерного», потребительского общества. Человек угодил в замкнутый круг ложного сознания.

Сфера потребления в условиях современного общества – это, в представленной трактовке, ключевое средство всеобщего закабаления его участников интересам и идеологии установленного общественного порядка. Происходит усиление степени зависимости индивида от социальной системы, его подавление через потребление, через возрастание многочисленных потребностей, генерируемых средствами масс-медиа, Интернета, информационно-коммуникационных технологий, маркетинга, рекламы и т. п. И одним из следствий этого процесса является отношение современных людей к товарам, характеризующее, по замечанию Г.-Э. Дебора, как сопровождающееся экстатическим состоянием и, сродни религиозному, товарным фетишизмом. Указанное обстоятельство показывает, что «здесь потребляется только подчинение» [8].

Вопрос идеологии современной социальной реальности и идеологических функций таких современных социальных институтов, как реклама, основательно исследован Ж. Бодрийяром. Интерпретация им данного вопроса в самых общих чертах может быть представлена следующим образом (см. [4; 5]). Идеологией сегодня

стало потребление, осуществляющее интеграцию общества. Причём современные технические способы позволяют поддерживать всеобщую социальную солидарность без прямого, явного подавления, а посредством того, что потребители самими своими актами потребления интегрируются в социальное целое.

В наши дни процесс потребления, средства массовой коммуникации, реклама, информационно-коммуникационные технологии стоят на службе интеграции всего общества за счёт усиления внутри него конкуренции и дифференциации и за счёт вовлечения масс в мир псевдореальности, заменяющей собой действительность и обладающей собственными целями и функциями. Тем самым по стилям потребления и уровню социального и материального положения мы имеем дело с налаженным процессом управления посредством всеобщей дифференциации индивидов, служащей вместе с тем их эффективной интеграции в общество потребления³.

В контексте этих идей уместно подчеркнуть, что система позднекапиталистического общества потребления с целью своего благополучия поставила себе на службу потребление, изобилие, культуру, коммуникацию и информацию. Логика капитала, техники, коммерции, потребления и товара организует всеобщий «спектакль», в котором всё обуславливается и упорядочивается согласно (вос-)производимым образам, знакам, симулякрам, усваиваемым моделям. Создан и непрестанно усовершенствуется поистине фальсифицированный мир, «жертвой» и «узником» которого оказался современный массовый человек – потребитель, мнящий о себе, впрочем, как о свободном и будто бы обладающем субъектностью существе.

Заключение. Следствием указанных процессов, определяющих существование современного общества, становится положение человека, характеризующее и осмысливаемое нами в контексте следующих проблем и определений:

1) сведение человека к роли объекта принуждения и средства для позднекапиталистической социально-экономической системы, например: канализирование жизненной энергии в потребительское русло; привязка понимания (низведение) свободы к свободе выбора (между товарами и услугами и т. п.); реализация в отношении человека репрессивных механизмов – по подавлению и способствованию утрате творческого, духовного и субъектного начал; пассивизация человека, деинтеллектуализация, инфантилизация, упрощение и т. д.;

2) пребывание лишь в плоскости примитивно-материалистического, физическо-го и эмоционального плана, автоматизированных реакций, устремлений (ориентация на потребление, владение, пользование; чрезмерно гедонистически-эгоистический способ существования; выражение себя через многообразные (псевдоличностные) внешние и вещные атрибуты и т. д.);

³ Акцент на подчёркивании этого утвердившегося способа управления присутствует в «постмодернистском», условно говоря, направлении философской мысли (см. работы Р. Барта, Г.-Э. Дебора, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, В. А. Емелина, др. [2; 8; 4; 5; 12; 9]).

3) утаскивание в мир достижения и решения иллюзорных, мелочных и ничтожных проблем;

4) забвение экзистенциально, духовно-нравственно и трансцендентно ориентированных мотивов.

Предположительно, в этих процессах участвуют субъекты, представленные мощными мировыми финансовыми и промышленными группами (хозяевами крупного, крупнейшего и транснационального капитала, субъектами средств производства и власти / контроля), солидаризирующимися с ними правящими элементами, бизнесом, специалистами маркетингово-рекламной индустрии и иже с ними, IT, массмедийной отрасли и также множеством современных людей, в первую очередь западных, своими действиями поддерживающими устойчивость сложившейся / созданной структуры капиталистического потребительского общества.

Доминирующей тенденцией в социальном пространстве стало закабаление человека (им не осознаваемое) господствующей системой высокоразвитого технологического общества («спектаклем», по Г.-Э. Дебору), установление всеобщей социальной солидарности посредством интеграции всех в социальное целое на основе идеологии потребления (вовлечения масс в потребительскую активность), подчинение многочисленных проявлений общества логике капитала, техники, товара и потребления. Современная тотальная идеология являет себя посредством утверждения социального порядка в виде технологически высокоразвитого рыночного / моно-, олигополистического общества, общества потребления как естественного, правильного и необходимого, а также посредством содействия обладателям средств власти, контроля, производства в достижении прибылей и в поддержании власти над участниками общества.

Тотальное господство (реализуемое путём потребительской эксплуатации / манипуляции массами; безостановочного производства всё новых, по преимуществу искусственных, желаний и потребностей; всеобщей атомизации – через поощрение потребительских индивидуализма и конкуренции) над индивидами технического аппарата и руководящего им социального меньшинства обеспечивает полную подконтрольность масс при одновременном улучшении их материального положения, с сопутствующим духовно-интеллектуальным обеднением этих масс. Сознание и поведение массового человека погружается в рамки потребительского существования, которое с колоссальной успешностью и содействует удерживанию развития в пределах существующего социального порядка. Сама же социальная система таким образом решает задачи по достижению неуклонного экономического роста, социальному контролю, обретению состояния целостности и социальной сплочённости (на основе узконаправленных ориентаций – потребительских, культурно- и духовно-неполноценных, телесно-, эго-зацикленных) членов общества, а также нивелированию опасных для неё противоречий, потенциально способных её заменить качест-

венно иным социальным миром, – одним словом, обретает и упрочивает свою гомеостатично-порочную устойчивость.

Список литературы

1. Адорно Т. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр.; вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
3. Беннетт Д. Маркетинг бессознательного и капитализация анализа // Популярная психология. 01.03.2010. № 3. URL: https://popsy.ru/marketing_bessoznatelnogo_i_kapitalizatsiya_analiza/ (дата обращения: 10.04.2022).
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр.; послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
6. Говард М. Мы знаем, что вам нужно. Как они влияют на ваше сознание / пер. с англ. М. Финогонова. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007. 192 с.
7. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний. URL: <http://www.aitrus.info/node/643> (дата обращения: 10.04.2022).
8. Дебор Г.-Э. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновского. М.: Опустошитель, 2011. 179 с. URL: http://modernlib.ru/books/debor_gi/obschestvo_spektaklya/read/ (дата обращения: 10.04.2022).
9. Емелин В. А. Реклама как симулякр. URL: <http://emeline.narod.ru/advertising.htm> (дата обращения: 10.04.2022).
10. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов / пер. с англ. М.: Добрая книга, 2005. 275 с.
11. Кукаркин А. В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. 2-е изд., доработ. и доп. М.: Политиздат, 1985. 399 с.
12. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 690 с.
14. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование по идеологии индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
15. Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 264 с.
16. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 571 с.
17. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
18. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

Авторская справка

ХРЕНКОВ Вадим Владимирович – кандидат философских наук, магистр, доцент кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия).
E-Mail: vad042@yandex.ru

UDC 304.2; 304.9; 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.63

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF PRESENT SOCIETY (CONSUMER SOCIETY)

V. V. Khrenkov

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article from a socio-philosophical critical position reveals the ideological foundations of the modern consumer, technologically highly developed society of universal alienation. The relevance and significance of the considered issue is explained by the fact that the study of the problem of the state of modern society and man is in demand as socially significant, humanistic significant and existentially significant — significant in the context of what is happening to them in terms of criteria, ideals and principles of the reasonableness of mankind, genuine progress and freedom, social and spiritual-psychological health.

Methods. In order to study the problem, a dialectical approach was used, as well as, in particular, the categorical apparatus of discourse of neo-Marxist, postmodern, humanistic socio-critical thought of the XX-XXI centuries; theoretical analysis of philosophical and social and humanitarian literature on the problem; synthesis; generalization method; the principle of determinism; philosophy of alienation. As a methodological toolkit, among other things, it turned out to be significant for representatives of the “critical theory of society” to understand ideology as an apology for the correctness, inevitability and naturalness of the existing social civilization vector.

Results. The article gives a general theoretical picture of the essence, meaning, specifics of modern ideology (the ideology of a late capitalist technologically highly developed consumer society). The emphasis is placed on the fact that ideology reproduces pseudo-real and (or) false social reality, but apologizes for it, totally convincing it of its correctness, inevitability and naturalness. That is, ideology assures that everything generated in the established social reality is universally significant and possessing unconditional value for everyone. And this is intended to perpetuate the order in the world and serves to strengthen and grow the power of a minority seeking profit and to maintain social power in the world.

An important aspect of the article was the emphasis on the fact that the trends in the consumption society are the unconscious by a person his neglect of the dominant system (consumer exploitation/manipulation of the masses); establishing universal social solidarity through the integration of all into the social whole based on the ideology of consumption; subordination to the logic of capital, goods and consumption of all manifestations of society. It is also noted that the ideology of the consumer society is based on the non-stop production of more and more, mainly artificial, desires and needs; directs the vital energy of the masses into the channel of the consumer, overly hedonistic-selfish, philistine-insignificant way of existence.

Conclusion. One of the results of the study was to record that by involving the masses in consumer activity, tasks are being solved to achieve steady economic growth; mass management; gaining a state of integrity and social cohesion; levelling contradictions dangerous for the system – by integrating everyone into the social whole based on the ideology of consumption (which, at the same time, contributes to universal atomization).

As a source of the specified manifestations are mechanisms of alienation and a objectification of the person in a modern sociocultural situation, the fundamental reasons of these mechanisms are specified. As one of the key aspects connected with conditionality of human beings by the extreme materialistic, the corporal and ego oriented, consumer and spiritless values, by system of production consumption.

Keywords: ideology; capitalist civilization; consumer society; social destruction; present human.

References

1. Adorno T. *Negative dialectics*. Russ. ed.: *Negativnaja dialektika*; per. s nem. E. L. Petrenko. Moscow, Nauchnyj mir [The Scientific World], 2003. 374 p. (In Russ.).
2. Bart R. *System of Fashion. Articles on semiotics of culture*. Russ. ed.: *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury*; per. s fr.; vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh [Sabashnikov Publishing House], 2003. 512 p. (In Russ.).

3. Bennett D. *Unconscious Marketing and Analysis Capitalization*. Russ. ed.: *Marketing bessoznatel'nogo i kapitalizacija analiza*. Populjarnaja psihologija [Popular psychologists]. 01.03.2010. No. 3. Available at: https://popsy.ru/marketing_bessoznatelnogo_i_kapitalizatsiya_analiza/ (accessed: 10.04.2022). (In Russ.).
4. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Russ. ed.: *Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury*; per. s fr.; poslesl. i primech. E. A. Samarskoj. Moscow, Respublika; Kul'turnaja revoljucija [Republic; Cultural Revolution], 2006. 269 p. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *The System of Objects*, 1968. Russ. ed.: *Sistema veshhej*; per. s fr. S. Zenkina. Moscow, Rudomino [Rudomino], 1999. 224 p. (In Russ.).
6. Govard M. *We Know What You Want: How They Change Your Mind*. Russ. ed.: *My znaem, chto vam nuzhno. Kak oni vliyayut na vashe soznanie*; per. s angl. M. Finogenova. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura Publ. [Ultra. Culture], 2007. 192 p. (In Russ.).
7. Gorc A. Russ. ed.: *Znanie, stoimost' i kapital. K kritike jekonomiki znanij* [Electronic resource]. Available at: <http://www.aitrus.info/node/643> (accessed: 10.04.2022). (In Russ.).
8. Debor G.-Je. *Performance Society*. Russ. ed.: *Obshhestvo spektaklja* [Electronic resource]; per. s fr. A. Urinovskogo. Moscow, Opustoshitel' [Opustoshitel'], 2011. 179 p. Available at: http://modernlib.ru/books/debor_gi/obshchestvo_spektaklja/read/ (accessed: 10.04.2022). (In Russ.).
9. Emelin V. A. *Advertising as simulacrum*. Russ. ed.: *Reklama kak simuljakk*. Available at: <http://emeline.narod.ru/advertising.htm> (accessed: 10.04.2022). (In Russ.).
10. Klajjn N. *People vs. Brands*. Russ. ed.: No Logo. *Ljudi protiv brjendov*; per. s angl. Moscow, Dobraja kniga [The Good Book], 2005. 275 p. (In Russ.).
11. Kukarkin A. V. *Burzhuaznaja massovaja kul'tura: Teorii. Idei. Raznovidnosti. Obrazcy. Tehnika. Biznes* [Bourgeois mass culture: Theories. Ideas. Versions. Samples. Equipment. Business]. 2-e izd., dorabot. i dop. Moscow, Politizdat [Politizdat], 1985. 399 p. (In Russ.).
12. Lipovecki Zh. *The Age of Emptiness. An Essay on Modern Individualism*. Russ. ed.: *Jera pustoty. Jesse o sovremennom individualizme*; per. s fr. V. V. Kuznecova. Saint Petersburg, Vladimir Dal' [Publishing house "Vladimir Dal'"], 2001. 336 p. (In Russ.).
13. Marks K., Jengel's F. *From Early Works*. Russ. ed.: *Iz rannih proizvedenij*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [State Political Literature Publishing House], 1956. 690 p. (In Russ.).
14. Markuze G. *One-dimensional person. A Study on the Ideology of Industrial Society*. Russ. ed.: *Odnomernyj chelovek. Issledovanie po ideologii industrial'nogo obshhestva*; per. s angl. A. Judina. Moscow, REFL-book [REFL-book], 1994. 368 p. (In Russ.).
15. Feofanov O. A. *SSH: reklama i obshhestvo* [USA: advertising and society]. Moscow, Mysl' [Thought], 1974. 264 p. (In Russ.).
16. Fromm E. *Healthy society. Doctrine about Christ*. Russ. ed.: *Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Hriste*; per. s nem. Moscow, AST; Tranzitkniga [AST; Tranzitkniga], 2005. 571 p. (In Russ.).
17. Fromm E. *The Revolution of Hope, toward a humanized technology*. Russ. ed.: *Revoljucija nadezhdy. Izbavlenie ot illjuzij*; per. s angl. Moscow, Ajris-press [Iris press], 2005. 352 p. (In Russ.).
18. Horkhajmer M., Adorno T. V. *Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments*. Russ. ed.: *Dialektika prosveshhenija. Filosofskie fragmenty*; per. s nem. M. Kuznecova. Moscow-Saint Petersburg, Medium, Juventa [Medium, Yuventa], 1997. 312 p. (In Russ.).

Author's Bio

KHRENKOV Vadim Vladimirovich – Candidate of Philosophy, Master, Associate Professor of of Social Sciences and Technology Department, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia).
E-Mail: vad042@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Хренков В. В. Идеологические основы современного общества (общества потребления) // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 63–75. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.63

УДК 338.484.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.76

СПРОС НА ТУРИСТСКИЕ УСЛУГИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Н. А. Зюляев

Поволжский государственный технологический университет,

Йошкар-Ола (Россия)

Введение. В статье отмечается, что одной из потребностей современного человека является потребность путешествовать, которая постоянно растёт и превращается из роскоши в первую потребность. Спрос на туристско-рекреационные услуги определяется множеством экзогенных и эндогенных факторов, в числе которых и санитарно-эпидемиологическая обстановка. Используя официальные статистические данные Росстата и Банка России за 2019–2021 гг., автор показал, какое негативное влияние оказала коронавирусная инфекция на спрос россиян на внутренний и выездной туризм, на спрос иностранцев на поездки в Россию и, соответственно, на экспорт и импорт туристских услуг.

Методы. В исследовании использовались следующие методы: общелогические (анализ и синтез, абстрагирование); эмпирические (наблюдения, описание, сравнения, измерения); статистические (группировка, индексы). Общелогические методы позволили раскрыть влияние COVID-19 как на спрос туристских услуг в целом, так и на отдельные виды этих услуг. Эмпирические методы позволили рассмотреть реальные процессы в туризме в условиях распространения коронавирусной инфекции, а статистические – количественно измерить и обобщить её влияние. Информационной базой послужили официальные статистические данные Росстата, Банка России, UNWTO за 2019–2021 годы, насчитывающие 150 наблюдений.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Введение в России карантинных мер, связанных с коронавирусной инфекцией COVID-19, негативно отразилось на индустрии туризма и гостеприимства, хотя и в меньшей степени, чем на международный туризм. За два года пандемии внутренний туризм сократился на 17,6 %, выездной – на 29,1 %, а выездной – на 42,4 %.

В статье отмечается, что драйвером восстановления туризма в стране был внутренний туризм. Спрос россиян на туристские услуги внутреннего туризма в условиях пандемии определялся, во-первых, закрытием границ и отменой авиасообщений с популярными направлениями выездного туризма, а во-вторых, программой кэшбека, позволившей снизить стоимость путешествия и открытия россиянам множества новых мест для путешествий. Традиционно наибольшим спросом у соотечественников пользовались наиболее привлекательные и комфортные по инфраструктуре туристские регионы России. Отмечается сокращение спроса на гостиничные и санаторно-курортные услуги.

В условиях пандемии сократился спрос иностранных граждан на поездки в Россию и объём экспорта оказанных им туристских услуг с 11 млрд долл. в 2019 году до 2,9 млрд долл. в 2020 году и 3,2 млрд долл. в 2021 году. Приводятся данные о сокращении количества туристов из стран, традиционно посещающих нашу страну.

Показана поквартальная динамика снижения спроса россиян на выездной туризм и называются причины этого снижения. Приводятся данные из топ-10 стран, пользующихся наибольшим спросом у россиян в период пандемии.

Заключение. В период пандемии туристическая отрасль в России продолжала функционировать и понесла меньшие потери по сравнению с другими странами.

Основной спрос россияне предъявляли на путешествия по родной стране – внутренний туризм стал драйвером восстановления отрасли.

В условиях пандемии наиболее пострадал въездной туризм, что отразилось на уменьшении количества иностранных туристов и объёма экспорта туристских услуг.

Постепенно восстанавливается пострадавший в пандемию выездной туризм. В настоящее время (на момент написания статьи) для выезда за границу россиянам доступна 101 страна. Однако массовый выездной туризм будет осуществим только в дружественные страны, а в недружественные – россияне смогут совершать только самостоятельные поездки.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; пандемия; спрос на туристские услуги; внутренний туризм; выездной туризм; въездной туризм; экспорт и импорт туристских услуг.

Введение. Одной из потребностей современного человека является потребность в путешествиях, позволяющая индивидууму не только восстанавливать свою физическую и умственную энергию, необходимую для жизнедеятельности, но и получать новые впечатления об окружающем его мире, что способствует дальнейшему развитию личности. Эта потребность формирует спрос на туристско-рекреационные услуги. Увеличение в XXI веке количества международных туристских прибытий с 680 млн чел. в 2001 году до 1460 млн чел. в 2019 году соответствует действию всеобщего закона возвышения потребностей и свидетельствует о превращении потребности в путешествиях из роскоши в первую потребность [1].

Спрос на туристские услуги определяется множеством экзогенных и эндогенных факторов, в числе которых и санитарно-эпидемиологическая ситуация. За свою многовековую историю человеческое общество нередко сталкивалось с инфекционными заболеваниями, иногда перераставшими в эпидемии и пандемии [2]. Так случилось в декабре 2019 года, когда в китайском городе Ухань была зарегистрирована коронавирусная инфекция COVID-19, которая стала стремительно развиваться по всему миру, и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 года объявила пандемию. Столкнувшись с пандемией коронавируса, затронувшей все сферы жизни общества, мир замкнулся в своих «ячейках». Правительства большинства стран мира одновременно закрыли границы, ввели локдауны и ограничения на свободное передвижение людей, что создало условия, препятствующие удовлетворению потребности человека в путешествиях, и вызвало катастрофическое падение международных туристических прибытий до 381 млн чел. В 2021 году после некоторых смягчений пандемийных ограничений произошло увеличение количества международных туристских прибытий до 415 млн чел. или на 4 % [3].

По мнению учёных американского Университета Джонса Хопкинса, экспертов Европейского центра профилактики и контроля заболеваний (ECDC), Международного совета аэропортов (ACI EUROPE) и Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), все пандемийные ограничения были неэффективными, поскольку оказывались запоздалыми, не противодействовали появлению и

распространению новых штаммов и вызывали массовые протесты населения [4]. Всемирная организация здравоохранения и Всемирная туристская организация договорились о сотрудничестве в восстановлении туристического сектора и призывают к отмене всех ограничений на поездки, которые продолжают способствовать негативным социально-экономическим процессам [5].

Цель данной статьи – показать влияние пандемии на спрос на туристские услуги в России.

Методы. В исследовании использовались следующие методы: общелогические (анализ и синтез, абстрагирование); эмпирические (наблюдения, описание, сравнения, измерения); статистические (группировка, индексы). Общелогические методы позволили раскрыть влияние COVID-19 как на спрос туристских услуг в целом, так и на отдельные виды этих услуг. Эмпирические методы позволили рассмотреть реальные процессы в сфере туризма в условиях пандемии, а статистические – количественно измерить и обобщить её влияние.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Всемирной туристской организации при ООН (UNWTO), Федеральной службы государственной статистики России (Росстата), Банка России, аналитические материалы Ассоциации туроператоров России (АТОР), Российского союза туриндустрии (РСТ), научные статьи зарубежных и российских учёных. Массив статистических данных составил около 150 наблюдений за период 2019–2021 годов, обеспечивший статистическую достоверность.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Введение карантинных ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией COVID-19, негативно отразилось на российской индустрии туризма и гостеприимства, хотя и в меньшей степени, чем на международный туризм. За два года пандемии внутренний туризм сократился на 12 млн чел. (на 17,6 %), въездной – на 17,3 млн чел. (на 29,1 %), а выездной – на 26,1 млн чел. (на 42,4 %) (рис. 1) [6].

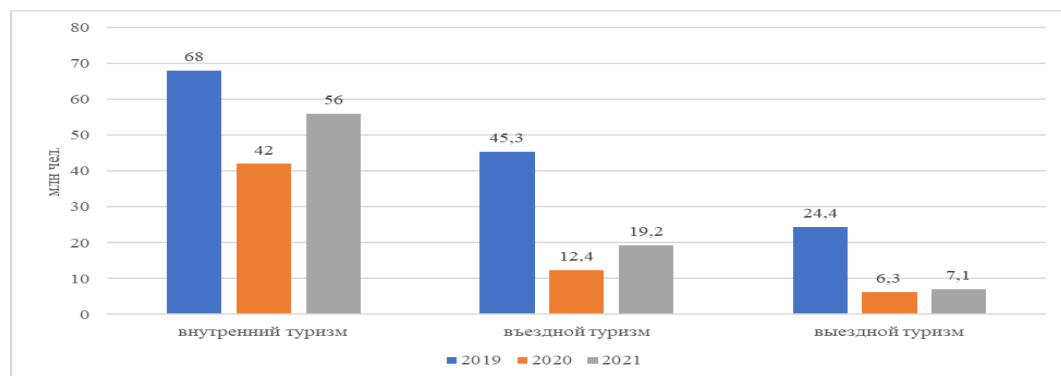

Рис. 1. Динамика туристических потоков

Уменьшение числа туристов и количества реализованных турпакетов, дополнительные расходы по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности со-

трудников и клиентов туриндустрии привели к отрицательному сальдированному результату и поставили эту отрасль в состояние выживания (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели деятельности туриндустрии

Показатели	2019 г.	2020 г.	Изменения, %
Количество организаций туриндустрии, тыс.	111,9	113,8	+ 1,7
Количество турфирм	12 690	12 463	- 1,8
Количество занятых, млн чел.	2,5	2,3	- 4,2
Валовая добавленная стоимость, млрд руб.	2 789,8	2 349,1	- 15,8
Сальдированный результат (прибыль минус убыток) млрд руб.	+ 173,5	- 216,8	- 24,5
Число реализованных населению турпакетов по территории России, тыс.	2 111	2 094	- 0,8
Число реализованных населению турпакетов по зарубежным странам, тыс.	2 911	1 013	- 65,2
Средняя стоимость турпакета по территории России, тыс. руб.	33,0	33,9	+ 2,8
Средняя стоимость турпакета по зарубежным странам, тыс. руб.	103,5	96,7	- 6,5

Источник: данные Росстата.

Пандемия показала устойчивость модели организованного туризма и возросшую ценность туроператоров, осуществивших во время начала пандемии оперативный и организованный вывоз из-за рубежа всех своих клиентов, а в настоящее время проблемами являются усложнение логистики путешествия самостоятельных туристов и ограничение использования платёжных карт за рубежом.

В нашей стране приоритетными считаются внутренний и въездной туризм [7]. В условиях пандемии в лучшей ситуации оказался внутренний туризм, ставший драйвером восстановления отрасли. Спрос россиян на услуги внутреннего туризма в условиях пандемии определялся прежде всего закрытием границ и отменой авиасообщений со многими популярными у них странами. Так, количество доступных россиянам направлений выездного туризма с 81-го в 2019 году сократилось до 21-го в 2020 году и 32-х в 2022 году. Даже открытые для россиян летом 2020 года возможности совершать поездки в такие популярные страны, как Турция, Хорватия и Черногория, не изменили их предпочтения. По оценке АТОР, произошло некоторое «импортозамещение», поскольку 8–10 % россиян, обычно отдыхавших за рубежом, предпочли отдых внутри своей страны.

Стимулировала увеличение спроса на услуги внутреннего туризма и программа туристического кэшбэка, позволившая снизить стоимость около 300 тысяч туристических услуг и открыть россиянам новые туристские направления (Алтай, Тюмень с Тобольском, Камчатка). Итоги этой программы представлены в *таблице 2*.

Таблица 2

Основные показатели программы туристского кэшбэка

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество проданных туров, млн	0,3	1,6	2,4
Стоимость проданных туров, млрд руб.	6,5	34	44
Сумма возврата денег на карту «Мир», млрд руб.	1,2	6,7	8,4

Сдерживали спрос на услуги внутреннего туризма некоторая неопределённость с карантинными ограничениями (ПРЦ-тесты, QR-коды), устанавливаемыми региональными властями, и высокие цены на проживание в коллективных местах размещения.

Традиционно наибольшим спросом у россиян пользовались наиболее привлекательные и комфортные по инфраструктуре туристские регионы России, в некоторых из них (Республика Крым, Краснодарский край, Алтай) уже произошло восстановление количества туристов до уровня 2019 года (рис. 2).

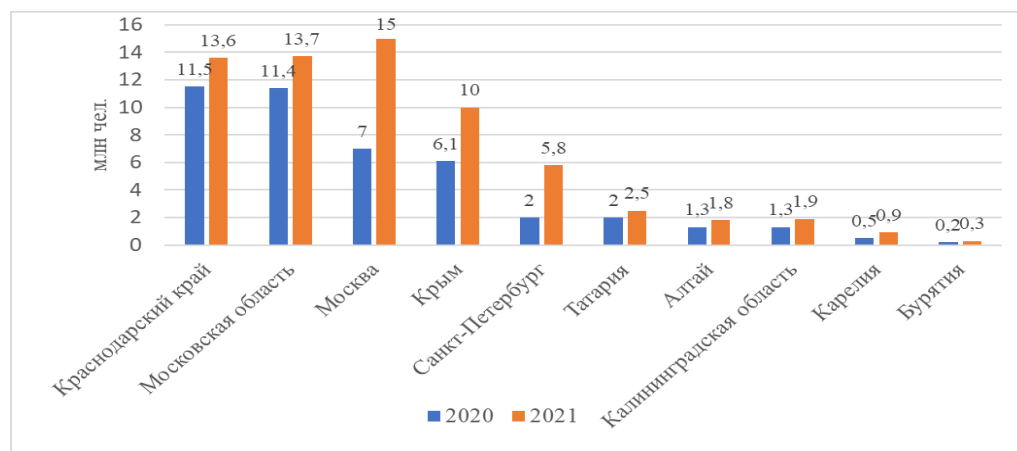

Рис. 2. Наиболее посещаемые россиянами регионы

Рост спроса на популярные туристские направления при дефиците качественных мест размещения повысил цену отдыха (в Крыму стоимость выросла на 20–50 %) и показал необходимость развития курортов, гостиниц и улучшения сервиса. На их развитие направлен нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства».

В условиях пандемии у россиян увеличился спрос на различный туристический и походный инвентарь для активных видов туризма (рыбалка, сплав по рекам, дайвинг и т. п.), на покупку которых в первой половине мая 2022 года средний чек в СберМегаМаркете составлял от 2,2 тыс. до 6,4 тыс. руб.

Исследования внутреннего туризма, проведённые в НИУ «Высшая школа экономики», показали, что 84 % респондентов были практически удовлетворены путешествиями по России [8] (рис. 3).

Локдауны и ограничения мобильности россиян отразились на их спросе гостиничных услуг. Так, численность размещённых лиц в гостиницах и иных коллектив-

ных средствах размещения в 2020 году по сравнению с 2019 годом уменьшилась на 37,6 %, в 2021 году – на 12,5 %, а количество ночёвок, соответственно, на 32,5 % и 2,7 % [6] (табл. 3).

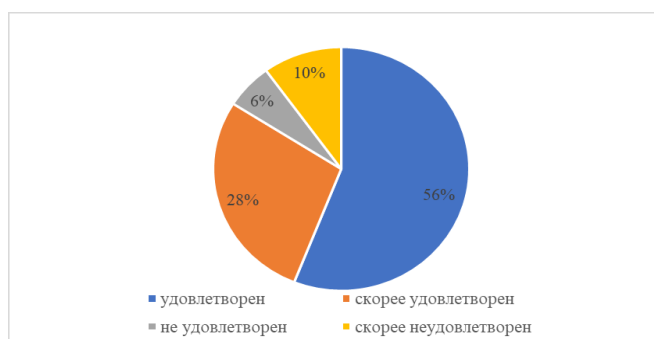

Рис. 3. Удовлетворённость путешествиями по России

Таблица 3

Показатели деятельности гостиниц и иных коллективных средств размещения

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение, %	
				2020 / 2019	2021 / 2019
Число коллективных средств размещения	28 079	27 328	28 302	- 2,7	+ 0,8
Число мест, тыс.	2 406	2 473	2 634	- 1,6	+ 9,5
Численность размещённых лиц, млн чел.	76,0	47,4	66,5	- 37,6	- 12,5
Число ночёвок, млн.	283,2	191,2	275,6	- 32,5	- 2,7

Источник: данные Росстата, расчёты автора.

В условиях пандемии у россиян сократился спрос на услуги санаторно-курортных организаций: в 2020 году – на 39,7 %, а в 2021 году – на 10,6 %, несмотря на то, что эти организации стали предоставлять услуги по реабилитации переболевших коронавирусной инфекцией [6]. Однако, по оценке АТОР, пока не сложилось массового спроса на услуги по реабилитации.

Таблица 4

Санаторно-курортные организации

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение, %	
				2020 / 2019	2021 / 2019
Число санаторно-курортных организаций	1 777	1 752	1 768	- 1,4	- 5,1
Численность обслуженных лиц, тыс. чел.	6 704,4	4 044,4	5 992,3	- 39,7	- 10,6

Источник: данные Росстата.

Российская Федерация, обладающая разнообразными природными и антропогенными туристскими объектами, богатой и бурной историей, всегда интересна за-

рубежным туристам. Мониторинг въездного турпотока показал значительное снижение спроса иностранных граждан на поездки в Россию в 2020 и 2021 гг. Так, до введения локдауна в первом квартале 2020 года в нашу страну въехали 3,8 млн иностранных граждан, что на 11,6 % меньше по сравнению с аналогичным предшествующим периодом. Во II-ом квартале при локдауне прибытий практически не было (66 тыс. чел.). Некоторые признаки оживления въездного туризма начали проявляться с III-го квартала, когда прибыли 1,3 млн иностранных туристов (на 84,3 % меньше аналогичного периода предшествующего года), а в IV-ом – 1,2 млн чел. (на 77,4 % меньше).

В 2021 году Россию посетили 7,1 млн иностранных туристов, что на 12,7 % больше, чем в 2020 году, но это ниже допандемийного уровня. Так, в I-ом квартале 2021 года иностранных туристов было на 72,1 % меньше аналогичного периода 2019 года, соответственно, во II-ом – на 75 %, в III-ем – на 72,6 %, а в IV-ом – на 62,3 % [6] (рис. 4).

Рис. 4. Поквартальная динамика въездного туристского потока, млн чел.

В таблице 4 представлены страны с наибольшим сокращением туристских поездок в Россию.

Таблица 4

Топ-10 стран с наибольшим сокращением туристских прибытий в Россию

Страна	Количество прибытий, тыс. чел			Изменение, %	
	2019	2020	2021	2020 / 2019	2021 / 2019
Китай	1 883	81,9	18,2	- 95,6	- 99,0
Финляндия	896	165,3	27,0	- 81,5	- 97,0
Германия	690	52,9	91,8	- 92,7	- 87,6
Польша	641	112	12,1	- 82,5	- 98,1
Эстония	525	93,9	17,9	- 53,0	- 96,6
Республика Корея	431	34,4	9,5	- 92,0	- 97,8
Латвия	300	56,9	14,8	- 81,1	- 95,1

Окончание таблицы 4

Топ-10 стран с наибольшим сокращением туристских прибытий в Россию

Страна	Количество прибытий, тыс. чел			Изменение, %	
	2019	2020	2021	2020 / 2019	2021 / 2019
США	290	16,8	24,3	- 94,2	- 91,6
Италия	232	21,9	22	- 90,6	- 90,5
Франция	223	31,7	22	- 85,8	- 97,0

Источник: данные Росстата.

Уменьшение количества иностранных туристов, естественно, отразилось на сокращении экспорта туристских услуг, оказанных им в нашей стране. По данным платёжного баланса Банка России, в I-ом квартале 2020 года объём экспорта туристских услуг составил 1 987 млн долл., что на 4,8 % выше уровня аналогичного периода 2019 года (1 896 млн долл.). В последующие три квартала экспорт туристских услуг – лишь 70–85 % от уровня 2019 года.

В 2021 году экспорт туристских услуг постоянно увеличивался и со II-го квартала превышал их уровень предшествующего года, но по-прежнему отставал от уровня 2019 года: в I-ом квартале – на 60,5 % (соответственно 748 и 1 896 млн долл.); во II-ом квартале – на 64,4 % (1 025 и 2 879 млн долл.); в III-ем квартале – на 72,2 % (1 065 и 3 835 млн долл.); в IV-ом квартале – на 50,5 % (1 164 и 2 351 млн долл.) [9].

Средний чек одного иностранного туриста в России в 2019 году был 450 долл., в 2020 году – 550 долл., а в 2021 году вырос до 580 долл., что обусловлено увеличением удельного веса деловых туристов с 43,3 % в 2019 году до 68,8 % в 2021 году и уменьшением числа прибытий иностранных граждан из стран Ближнего зарубежья, не являющихся традиционными туристами (рис. 5).

Рис. 5. Динамика экспорта туристских услуг (млн долл., левая шкала), средний чек иностранного туриста (долл., правая шкала)

Спрос иностранных граждан на поездки в Россию может вернуться к докризисным показателям при условии взаимного признания сертификатов вакцинирования, снижением геополитической напряжённости, открытости границ и доступности авиасообщений.

Россияне любят зарубежные путешествия. В условиях пандемии их спрос на выездной туризм сдерживается непризнанием российских вакцин ВОЗом, обязательным карантином, ограничениями на въезд в отдельные страны и полным запретом на въезд в страны ЕС. Мониторинг выездного туризма показал, что при отсутствии локдауна в I-ом квартале 2020 года россияне совершили 7 млн зарубежных поездок (на 12,3 % меньше аналогичного периода предыдущего года). Во II-ом квартале из-за локдауна россияне практически не выезжали за рубеж. Постепенное снятие некоторых ограничений и возобновление авиасообщений с отдельными странами оживило выездной туризм. Так, в III-ем квартале 2020 года россияне совершили 2,8 млн поездок (на 18,3 % меньше аналогичного периода предшествующего года), а в IV-ом квартале – 2,5 млн (на 24,7 % меньше аналогичного периода предыдущего года), причём в ограниченное количество направлений.

В I-ом квартале 2021 года россиянами было совершено 2,2 млн зарубежных поездок (на 48,8 % меньше аналогичного периода 2019 года и на 42,1 % меньше аналогичного периода предшествующего года); во II-ом квартале – 3,6 млн. (на 35,7 % меньше аналогичного периода 2019 года, но в 36 раз больше аналогичного периода предшествующего года); в III-ем квартале – 7,9 млн (на 4,8 % меньше аналогичного периода 2019 года, но в 6 раз больше аналогичного периода предшествующего года); в IV-ом квартале – 5,5 млн (на 5,2 % меньше аналогичного периода 2019 года, но в 4,6 раза больше аналогичного периода предшествующего года) (рис. 6).

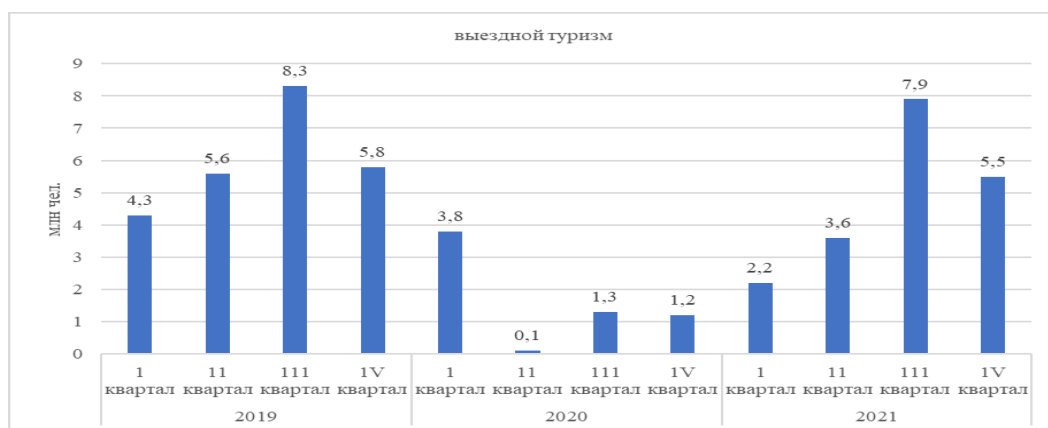

Рис. 6. Поквартальная динамика выездного туристского потока, млн чел.

Российская Федерация в международном туризме является нетто-импортёром туристских услуг, поскольку импорт туристских услуг в 4-5 раз превышает их экспорт [10, с. 90; 11, с. 43]. По данным платёжного баланса Банка России, в I-ом квартале 2020 года российским туристам за рубежом было оказано туристских услуг на 5 519 млн долл., (на 15,2 % ниже уровня аналогичного периода предшествующего года); во II-ом квартале – 1 043 млн долл. (на 89 % ниже уровня соответствующего периода предшествующего года); в III-ем квартале – 1 201 млн долл. (на 89 % ниже уровня аналогичного периода предшествующего года); в IV-ом квартале – 9 140 млн долл. (на 84,5 % ниже уровня аналогичного периода предшествующего года).

В 2021 году, начиная со II-го квартала, импорт туристских услуг превышал значения предшествующего года, но отставал от уровня 2019 года на 15–45 % [9].

Среднестатистический российский турист тратил за границей в 2019 году в среднем около 800 долл., в 2020 году – 610 долл., а в 2021 году – 590 долл. Увеличение среднего чека в 2021 году связано с повышением стоимости трансфера и проживания (рис. 7).

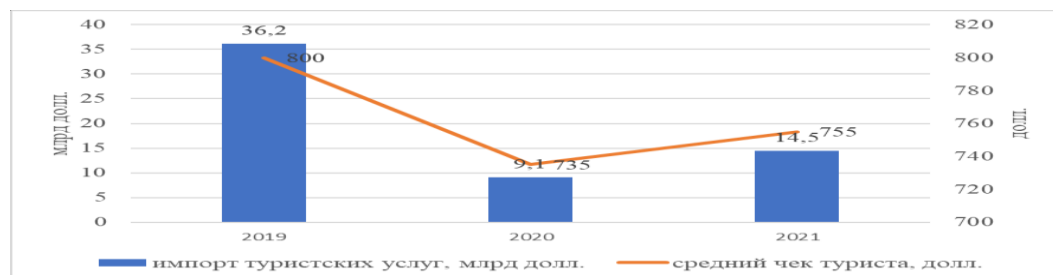

Рис. 7. Динамика импорта туристских услуг (млрд долл., левая шкала), средний чек российских туристов за рубежом (долл., правая шкала)

Наибольшим спросом у россиян в выездном туризме пользуются пляжные туры в Абхазию (26,8 % от всего выездного турпотока), Турцию (24,6 % от всего выездного турпотока), Египет (4,8 % от всего выездного турпотока (рис. 8).

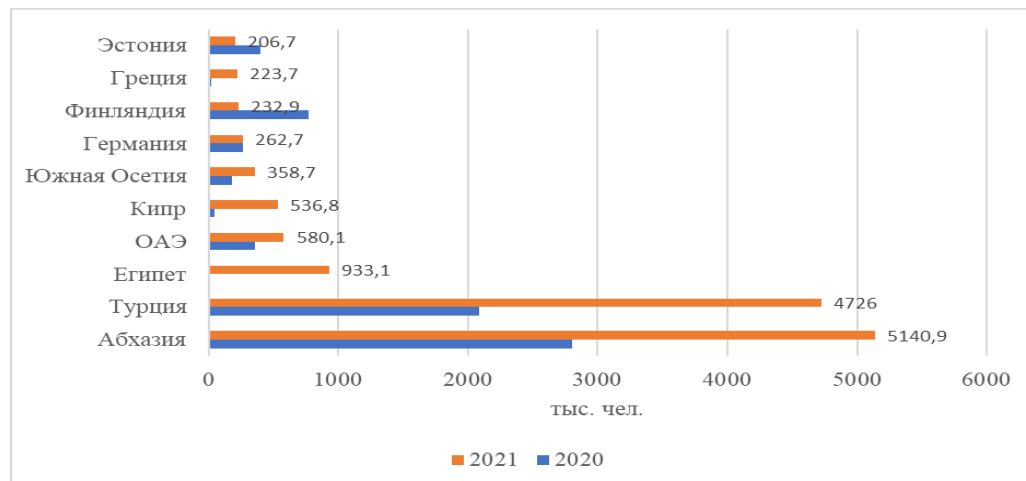

Рис. 8. Топ-10 стран по количеству зарубежных выездов россиян

В текущем году и в ближайшие годы массовый выездной туризм будет возможен только в дружественные России страны. Как и прежде, наибольшим спросом у россиян будет пользоваться Турция, предлагающая туристам широкую полётную программу и использование для расчётов карты российской платёжной системы «Мир».

Россияне хотели бы иметь прямые авиарейсы в такие популярные и открытые для них страны, как Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, в которые сегодня они могут добраться только с пересадкой.

Возобновили выдачу туристических виз россиянам некоторые европейские страны (Дания, Швеция, Испания, Греция (на момент написания статьи)), однако из-за отсутствия прямых авиарейсов в эти страны и прекращения туроператорами и турагентами продажи туров в недружественные страны в них не будет массового организованного туризма, возможны только отдельные самостоятельные поездки россиян через третьи страны. В исследовании Европейской комиссии по путешествиям (ETC) отмечается, что спрос россиян на туристские поездки в Европу достиг самого низкого уровня вследствие усиления русофобских настроений, отсутствия прямого авиасообщения и санкционных финансовых ограничений [12].

АТОР рекомендует россиянам, желающим совершить поездки в недружественные страны, использовать аэропорты Стамбула, Еревана, Баку и Нур-Султана.

Заключение. Резюмируя сказанное, следует отметить, что, несмотря на все сложности, вызванные коронавирусной инфекцией, туристическая отрасль в России продолжала функционировать и понесла меньшие потери по сравнению с другими странами.

В период пандемии основной спрос россияне предъявляли на путешествия по родной стране, в которой открыли для себя много новых направлений. В целом внутренний туризм стал драйвером восстановления отрасли.

Наиболее пострадал въездной туризм. Уменьшение количества иностранных туристов привело к значительному сокращению дохода от экспорта туристских услуг. В сложной геополитической обстановке предстоит провести огромную работу по привлечению иностранных туристов в нашу страну, чтобы обеспечить запланированный в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2030 году объём экспорта туристских услуг в 22 млрд долл.

Постепенно восстанавливается пострадавший в пандемию выездной туризм. В настоящее время (на момент написания статьи) для выезда россиянам доступна 101 страна. Однако массовый выездной туризм будет возможен только в дружественные страны (Турция, Египет, ОАЭ, Абхазия). Спрос россиян на такие популярные страны, как Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, будет ограничиваться отсутствием прямых авиасообщений. С недружественными странами массового организованного туризма не будет.

Список литературы

1. Travel & Tourism Economic Impact 2020 Word. URL: <https://wttc.org/Research/Economic-Impact#:~:> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Зюляев Н. А. Влияние инфекционных заболеваний на туризм // Вестник национальной академии туризма. 2021. № 2. С. 12–15.
3. UNWTO World Tourism Barometer and Statistical Annex, January 2022. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/wtobarometereng.2022.20.1.1> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Тесты, локдауны и карантин оказались неэффективными в борьбе с ковидом. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58601.html> (дата обращения: 10.04.2022).
5. UNWTO & WHO Call on Lifting of Travel Restrictions, Claim They're Proven to Be Ineffective. URL: <https://www.schengenvisa.info.com/news/unwto-who-call-on-lifting-of-travel-restrictions-claim-theyre-proven-to-be-ineffective> (дата обращения: 15.05.2022).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_in_tur.htm (дата обращения: 21.04.2022).
7. Зюляев Н. А. Внутренний туризм: состояние, проблемы и перспективы // SocioTime / Социальное время. 2017. № 2 (10). С 57–65.
8. Внутренний туризм // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/433402486.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).
9. Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#highlight= (дата обращения: 21.04.2022).
10. Зюляев Н. А. Туризм и экономическая безопасность // SocioTime / Социальное время. 2015. № 4 С. 89–91.
11. Зюляев Н. А. Российская Федерация в международном туризме // Вестник национальной академии туризма. 2020. № 1. С. 40–44.
12. Интерес российских туристов к Европе упал в два раза. URL: <https://www.atorus.ru/node/48112> (дата обращения: 30.05.2022).

Авторская справка

ЗЮЛЯЕВ Николай Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: zyulyaevna@volgatech.net

UDC 338.484.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.76

DEMAND FOR TOURISM SERVICES DURING THE PANDEMIC

N. A. Zyulyaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article notes that a person's need for travel is constantly growing and is turning from luxury into the first need. Demand for tourist and recreational services is determined by many exogenous and endogenous factors, including the sanitary and epidemiological situation. Based on the statistical data of Rosstat and the Bank of Russia for 2019–2021, the author showed the negative impact of coronavirus infection on domestic, inbound and outbound tourism and, accordingly, on the export and import of tourism services.

Methods. The study used general logical (analysis and synthesis, abstraction), empirical (observations, description, comparisons, measurements), statistical (grouping, indices) methods. General logical methods

made it possible to reveal the impact of COVID-19 both on the demand for tourism services in general and on certain types of these services. Empirical methods made it possible to consider real processes in tourism in the context of the spread of coronavirus infection, while statistical methods allowed us to quantify and summarize its impact. The information base was the official statistical data of Rosstat, the Bank of Russia, UNWTO for 2019–2021, numbering 150 observations.

Results. The introduction of quarantine measures in Russia related to the COVID-19 coronavirus infection had a negative impact on the tourism and hospitality industry, although to a lesser extent than on the international one. Over the two years of the pandemic, domestic tourism decreased by 17.6 %, inbound tourism by 29,1 %, and outbound tourism by 42,4 %.

The article notes that the driver of tourism recovery in the country was domestic tourism. The demand of Russians for domestic tourism services in the context of the pandemic was determined, firstly, by the closure of borders and the cancellation of flights to popular outbound tourism destinations, and secondly, by the cashback program, which made it possible to reduce the cost of travel and open up many new places for Russians to travel. Traditionally, the most attractive and comfortable in terms of infrastructure tourist regions of Russia were in the greatest demand among Russians.

In the context of the pandemic, the demand of foreign citizens for trips to Russia and the volume of exports of tourist services provided to them decreased from \$11 billion in 2019 to \$2,9 billion in 2020 and \$3,2 billion in 2021. Data are given on the reduction in the number of tourists from countries traditionally visiting our country.

The quarterly dynamics of the decrease in the demand of Russians for outbound tourism is shown and the reasons for this decrease are named. Data are provided for the Top 10 countries most in demand among Russians during the pandemic.

Conclusion. During the pandemic, the tourism industry in Russia continued to function and suffered less losses compared to other countries.

Russians showed the main demand for travel around their native country, and domestic tourism became the driver of the industry's recovery.

In the context of the pandemic, inbound tourism suffered the most, which affected a decrease in the number of foreign tourists and the volume of exports of tourist services.

Outbound tourism, affected by the pandemic, is gradually recovering. Currently, 101 countries are available for Russians to travel. However, mass outbound tourism will only go to friendly countries, and Russians will only be able to travel to unfriendly countries on their own.

Keywords: coronavirus infection; pathology; demand for tourism services; domestic tourism; outbound tourism; inbound tourism; export and import of tourism services.

References

1. Travel & Tourism Economic Impact 2020 Word. Available at: [https://wtcc.org/Research/Economic-Impact#:~:text=\(accessed: 10.04.2022\)](https://wtcc.org/Research/Economic-Impact#:~:text=(accessed: 10.04.2022)).
2. Zyulyaev N. A. Influence of infectious diseases on tourism. Bulletin of the National Academy of Tourism. 2021. No. 2. Pp. 12–15. (In Russ.).
3. UNWTO World Tourism Barometer and Statistical Annex, January 2022. Available at: <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/wtobarometereng.2022.20.1.1> (accessed: 10.04.2022).
4. Tests, lockdowns and quarantine proved ineffective in the fight against covid. Available at: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58601.html> (accessed: 10.05.2022).

5. UNWTO & WHO Call on Lifting of Travel Restrictions, Claim They're Proven to Be Ineffective. Available at: <https://www.schengenvisainfo.com/news/unwto-who-call-on-lifting-of-travel-restrictions-claim-theyre-proven-to-be-ineffective> (accessed: 10.04.2022).
6. Official site of the Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab_in_tur.htm (accessed: 21.04.2022).
7. Zyulyaev N. A. Vnutrennij turizm: sostoyanie, problemy i perspektivy [Vnutrennij turizm: sostoyanie, problemy i perspektivy]. SocioTime / Social'noe vremya. 2017. No. 2 (10). Pp. 57–65. (In Russ.).
8. Domestic tourism. National Research University «Higher School of Economics». Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/433402486.pdf> (accessed: 20.04.2022).
9. Official website of the Bank of Russia. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#highlight= (accessed: 21.04.2022).
10. Zyulyaev N. A. Tourism and economic security. SocioTime / Social'noe vremya. 2015. No. 4. Pp. 89–91. (In Russ.).
11. Zyulyaev N. A. The Russian Federation in international tourism. Bulletin of the National Academy of Tourism. 2020. No. 1. Pp. 40–44. (In Russ.).
12. The interest of Russian tourists to Europe fell by half. Available at: <https://www.atorus.ru/node/48112> (accessed: 30.05.2022).

Author's Bio

ZYULYAEV Nikolay Aleksandrovich – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: zyulyaevna@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Зюляев Н. А. Спрос на туристические услуги в условиях пандемии // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 76–89. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.76

УДК 316.422.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.90

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ

З. Н. Санджиев

Московский городской педагогический университет, Москва (Россия)

Введение. Цель представленной научной статьи – классификация подходов к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи и определение оптимальной системы критериев и показателей, которые позволят принимать управленческие решения. Актуальность исследования в том, что в настоящее время нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней имеют целью развитие сельских территорий. Согласно Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, развитие сельских территорий направлено на создание и повышение качества жизни сельского населения для выполнения общенациональных функций, но на данный момент уровень жизни на селе существенно отстаёт от городского. Проблема исследования – в решении вопроса, какова оптимальная система критериев и показателей, позволяющих принимать эффективные управленческие решения?

Методы. Методами исследования явились анализ научной литературы, нормативно-правовых источников и статистических данных, метод дедукции и индукции.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Эффективные управленческие решения для развития трудовых и демографических ресурсов могут приниматься только на основе системы критериев и показателей, отражающих состояние трудового потенциала данного контингента. Методы оценки трудового потенциала, применяющиеся на практике, можно разделить на административные, экономические и социально-психологические. Оценка трудового потенциала происходит на основе количественных и качественных составляющих. К оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи оптимально применять комплексный подход и оценивать данные статистики и социологических опросов молодёжи по проблеме трудового потенциала. Развёрнутая система показателей позволит точнее определять актуальное состояние трудового потенциала сельской молодёжи и разрабатывать адекватные управленческие решения.

Заключение. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов заключается в дополнении теоретических положений, результаты могут применяться для обучения студентов. Актуальным для последующего изучения остаётся вопрос улучшения состояния трудового потенциала сельской молодёжи, а также решение проблем внедрения современных научных достижений в их повседневную жизнь.

Ключевые слова: молодёжь; трудовой потенциал; сельская территория; оценка состояния трудового потенциала.

Введение

Цель данной статьи состоит в том, чтобы классифицировать подходы к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи и определить оптимальную систему критериев и показателей, которые позволят на их основе принимать эффективные управленческие решения.

Задачи исследования: 1. Обобщить взгляды учёных по проблеме подходов к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи; 2. Определить оптимальную систему критериев и показателей, которые позволят на их основе принимать эффективные управленческие решения.

Актуальность исследования. В настоящее время нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней имеют целью развитие сельских территорий. Согласно Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, развитие сельских территорий направлено на создание и повышение качества жизни сельского населения для выполнения общенациональных функций. На данный момент уровень жизни на селе существенно отстаёт от уровня жизни в городе. В связи с этим важным является развитие трудового потенциала молодёжи и создание условий для её самоопределения, что в настоящее время является одним из приоритетных направлений молодёжной политики РФ до 2025 г. [1, 2, 3].

На сельских территориях проблема формирования и развития трудового потенциала молодёжи наиболее остро выражена. Об этом свидетельствует высокий процент безработицы среди молодёжи и её отток с сельских территорий, что может привести к их вымиранию в России. Эффективные управленческие решения для развития трудовых и демографических ресурсов могут приниматься только на основе системы критериев и показателей, которые отражают актуальное состояние трудового потенциала данного контингента.

Молодёжь активна и мобильна в отношении выбора форм занятости, быстро адаптируется к изменениям и является основным резервом трудового потенциала. При этом молодёжь обладает ценностными установками, отличными от ценностных установок лиц зрелого и пожилого возраста. Молодёжь имеет запросы на достойные рабочие места и требует социального диалога для выявления её запросов. Неэффективное управление трудовым потенциалом и занятостью молодёжи в течение длительного времени приведёт к кризису экономики, общества и политики.

Объектом исследования является трудовой потенциал сельской молодёжи, предметом исследования – подходы к оценке состояния трудового потенциала молодёжи сельских территорий.

Теоретико-методологическая основа исследования – научные труды Р. З. Саитовой, Д. Ю. Силиванова, А. Р. Кулова, Т. Б. Джгоевой, О. В. Нечипоренко, Л. В. Намруевой, А. С. Миндрина и др.

Методы. Анализ научной литературы, нормативно-правовых источников и статистических данных.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Эффективные управленческие решения для развития трудовых и демографических ресурсов могут приниматься только на основе системы критериев и показателей,

которые отражают актуальное состояние трудового потенциала данного контингента.

В научной литературе не представлена единая методика для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи. Это можно объяснить сложностью данной процедуры и задачами, для которых оценка производится. Авторы оценивают те или иные аспекты трудового потенциала сельской молодёжи, а также по-разному определяют данное понятие и его структуру.

Методы оценки трудового потенциала, которые широко применяются на практике, можно разделить на административные, экономические и социально-психологические. Оценка трудового потенциала происходит на основе его количественных и качественных составляющих. К количественным относятся: численность трудоспособного населения, размер оплаты труда, соотношение занятых / безработных, рождаемости и смертности, миграционного роста и убыли населения, продолжительности жизни, сбалансированности рабочих мест и работающих и др. К качественным относятся: здоровье населения, нравственность, творчество и активность, организованность, образование и профессионализм и др.

В научных трудах А. Р. Кулова, Т. Б. Джгоевой, Р. З. Саитовой, А. В. Медведева для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи предложено использовать комплексный подход, который включает в себя экономический, психофизиологический, демографический, квалификационный и инновационный компоненты [4, 5, 6]. По мнению учёных, это позволит оценивать трудовой потенциал во взаимосвязи между компонентами.

В научных исследованиях Н. В. Намруевой выделены следующие подходы к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи: объективный, субъективный и комплексный. Объективный подход основан на анализе данных статистики, например, динамики прироста населения, экологических и миграционных показателей, показателей здоровья и др. Субъективный подход предполагает оценку на основе данных социологических опросов. Комплексный подход соединяет в себе объективные и субъективные показатели, в этом случае анализируются и данные статистики, и результаты социологического опроса [7, 8].

Б. П. Панков, Е. А. Роднаева, А. Р. Кулов, Т. Б. Джгоева полагали, что оценка состояния трудового потенциала сельской молодёжи должна включать в себя мотивационно-адаптационный компонент и инновационно-предпринимательский потенциал. Проблемы трудового потенциала могут быть оценены на основе статистических показателей динамики экономически активного населения, динамики численности занятого населения, уровня безработицы, структуры занятости и уровня образования населения. При оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи важно уделять внимание восприимчивости к инновациям, наличию высококвалифицированных специалистов, эффективности

использования трудового потенциала, наличие механизма формирования трудового потенциала и наличие государственной поддержки предприятий и отдельных территорий [9, 10, 11].

По мнению Р. З. Саитовой, существует несколько показателей для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи, такие как: демографический, социальный, производственный, профессионально-квалификационный, мотивационный, креативный и миграционный. Автор предложил оценивать не только как формируется, но и как используется трудовой потенциал [12].

Д. Ю. Силиванов, О. Б. Дорджиева полагают, что основой трудового потенциала является численность населения, в частности, по возрастным группам. Динамика численности населения и его возрастная структура влияют на трудовой потенциал. Но важно учитывать, что лица моложе трудоспособного возраста и лица старше трудоспособного возраста тоже заняты в экономике. Поэтому численность трудовых ресурсов не равна численности населения трудоспособного возраста. По мнению исследователей Д. Ю. Силиванова, Б. И. Шайтана, Ч. Ю. Акимбековой, для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи нужно рассматривать имеющиеся меры социально-экономической поддержки, наличие рабочих мест и обеспеченность кадрами, в том числе высококвалифицированными [13].

А. С. Миндрин, В. А. Богдоновский, И. В. Гальянов, Т. И. Гуляева для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи предложили использовать показатели уровня и качества жизни, уровня оплаты труда, темпов строительства жилья, процента безработицы, уровня развития инфраструктуры (дорожно-транспортной, социально-бытовой, инженерной, телекоммуникационной), возможностей личностного, профессионального и образовательного развития [14] (табл. 1).

По мнению А. В. Медведева, основой трудового потенциала является численность трудоспособного населения и населения, занятого в экономике [5, 15].

Таблица 1

Подходы к оценке состояния трудового потенциала

Представители	Краткая характеристика подходов к оценке состояния трудового потенциала
Р. З. Саитова	Предложила комплексный подход, который включает в себя экономический, психофизиологический, демографический, квалификационный и инновационный компоненты
Д. Ю. Силиванов	Выделил следующие подходы к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи: объективный, субъективный и комплексный

Подходы к оценке состояния трудового потенциала

Представители	Краткая характеристика подходов к оценке состояния трудового потенциала
А. Р. Кулов Т. Б. Джгоева	Оценка состояния трудового потенциала сельской молодёжи должна включать в себя мотивационно-адаптационный компонент и инновационно-предпринимательский потенциал
Л. В. Намруева А. Н. Третьяк	Выделили несколько показателей для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи, такие как: демографический, социальный, производственный, профессионально-квалификационный, мотивационный, креативный и миграционный
О. Б. Дорджиева	Основой трудового потенциала является численность населения, в частности, по возрастным группам
А. С. Миндрин В. А. Богдоновский И. В. Гальянов Т. И. Гуляева	Предложили использовать показатели уровня и качества жизни, уровня оплаты труда, темпов строительства жилья, процента безработицы, уровня развития инфраструктуры (дорожно-транспортной, социально-бытовой, инженерной, телекоммуникационной), возможностей личностного, профессионального и образовательного развития
А. В. Медведев	Основой трудового потенциала является численность трудоспособного населения и населения, занятого в экономике

Для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи на практике применяются методы балльной оценки, кластерного анализа, индексный и интегральный.

Методические подходы к анализу и оценке трудового потенциала сельской молодёжи можно разделить на аксиологический, синергетический и системный. С точки зрения системного подхода, нужно изучать трудовой потенциал сельской молодёжи, выделив его структуру и элементы. С точки зрения аксиологического подхода, необходимо изучать ценности молодёжи и систему мотивов. С точки зрения синергетического подхода, важно учитывать, что молодёжь стремится к самоопределению, самоорганизации и саморазвитию.

Анализ научных публикаций показал, что исследование трудового потенциала должно включать прошлое (при этом трудовой потенциал понимается как ресурс), настоящее (трудовой потенциал понимается как резерв) и будущее (трудовой потенциал понимается как возможность для развития в будущем).

Для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи важно оценивать показатели технологических нововведений, затраты предприятий на инновации, научно-исследовательскую деятельность. Внедрение инноваций потребует на-

личия высококвалифицированных работников, поэтому необходимо оценивать количество инвестиций в повышение квалификации и переквалификацию кадров. Также важно оценивать количество молодых предпринимателей в сельской местности и уровень государственной поддержки и субсидий для них. Если оценивать трудовой потенциал молодёжи, занятой в сельском хозяйстве, то нужно учитывать количество и качество рынков сбыта для произведённой продукции. В сельских районах возможности в значительной степени определяются степенью доступа к рынкам сбыта (сельскохозяйственная продукция, вводимые ресурсы, рабочая сила, финансы и другие рынки), что, в свою очередь, определяет потенциал коммерциализации района и характер природно-ресурсной базы, которая, соответственно, определяет потенциальную сельскохозяйственную производительность района.

Важным показателем для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи является процент трудоустроенных молодых специалистов, а также соотношение рабочих мест для молодёжи к их численности. При формировании рабочих мест важно учитывать запросы молодёжи для соответствия рабочих мест данным запросам.

В настоящее время рабочие места для сельской молодёжи есть, но данные виды работы и размер оплаты труда молодых людей не устраивают. Недостаточная занятость молодёжи обоснована требованиями к обязательному стажу работы, но при этом рабочие места чаще всего не имеют системы наставничества, взаимодействия с учебными заведениями. Молодёжь в сельской местности не имеет возможности проходить производственную практику во время обучения: практика часто носит формальный характер и связана, например, с оформлением документов.

Важно учитывать наличие сельских молодёжных сообществ, так как одной из важных задач для молодёжи является межличностное взаимодействие со сверстниками. Сельские молодёжные сообщества, выступая в качестве субъекта, преобразовывающего социальную реальность с помощью определённых стратегий поведения, могут способствовать достижению целей и принципов устойчивого развития сельских территорий.

Кроме того, при оценке численности молодёжи на исследуемой территории, нужно учитывать процентное соотношение юношей и девушек, их миграционную убыль, процент безработицы, динамику оплаты труда, динамику строительства (жилищного, дорожно-транспортного и др.), динамику качества образования, торгового, культурного и медицинского обслуживания.

При оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи нужно проводить социологические опросы для выявления трудовых установок сельской молодёжи на исследуемой территории. Особенно актуально это в условиях цифровизации всех видов деятельности [14, 15].

В заключение отметим, что в настоящее время существует много подходов к оценке состояния трудового потенциала. Отдельные авторы изучали те или иные

аспекты их применения. Проблема оценки состояния и управления трудовым потенциалом сельской молодёжи в условиях цифровизации недостаточно разработана. Методы оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи, используемые в зарубежных странах, не могут быть применены в отечественной практике без корректировок и адаптации. Таким образом, оптимальным является применение комплексного подхода к оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи, а также анализ данных статистики и данных социологических опросов молодёжи по проблеме трудового потенциала. Развёрнутая система показателей позволит точнее определять актуальное состояние трудового потенциала сельской молодёжи и разрабатывать адекватные управленческие решения. Трудовой потенциал сельской молодёжи является важным для развития общества, от него зависят стабильность и эффективность отдельных регионов и страны в целом.

Заключение. В результате исследования сделан вывод о том, что на данный момент система критериев и показателей для оценки состояния трудового потенциала сельской молодёжи требует совершенствования, так как не в полной мере отражает его актуальное состояние, и это приводит к не вполне адекватным управленческим решениям.

Методические подходы к анализу и оценке трудового потенциала сельской молодёжи можно разделить на аксиологический, синергетический и системный. С точки зрения системного подхода, нужно изучать трудовой потенциал сельской молодёжи, выделив его структуру и элементы. С точки зрения аксиологического подхода, необходимо изучать ценности молодёжи и систему мотивов. С точки зрения синергетического подхода, важно учитывать, что молодёжь стремится к самоопределению, самоорганизации и саморазвитию.

К оценке состояния трудового потенциала сельской молодёжи оптимально применять комплексный подход и оценивать данные статистики и данные социологических опросов молодёжи по проблеме трудового потенциала. Развёрнутая система показателей позволит точнее определять актуальное состояние трудового потенциала сельской молодёжи и разрабатывать адекватные управленческие решения. Трудовой потенциал сельской молодёжи является важным для развития общества, от него зависят стабильность и эффективность отдельных регионов и страны в целом.

Список литературы

1. Закон Республики Калмыкия от 14 мая 2015 г. № 113-V-3 «О стратегическом планировании в Республике Калмыкия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/428545418>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 05.06.2020).

2. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 22 декабря 2015 г. № 469 «О Порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля исполнения Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/432834883>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 05.06.2020).
3. Дорджиева О. Б. Устойчивое развитие сельских территорий как системная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 117–120.
4. Кулов А. Р., Джгоева Т. Б. Региональные особенности государственной поддержки сельского хозяйства // Вестник кадровой политики, образования и инноваций. 2017. № 2. С. 87–93.
5. Медведев А. В., Шайтан Б. И. Проблемы формирования кадрового потенциала устойчивого развития сельских территорий // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. 2018. № 6. С. 8–13.
6. Миндрин А. С., Богдоновский В. А. Семейное хозяйство: от трудового крестьянского к капиталистическому // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2013. № 3 (16). С. 2–8.
7. Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации в России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 131–135.
8. Намруева Л. В. Кадровый потенциал агропромышленного комплекса (на примере Республики Калмыкия) // Интеллигенция: естественнонаучные, социальные и гуманитарные знания на пути интеграции: материалы XV Междунар. теоретико-методолог. конф. (1 апреля 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. 453 с.
9. Панков Б. П. Рынок труда на селе и его регулирование. М.: Агро Пресс, 2007. 153 с.
10. Роднаева Е. А. Сельская интеллигенция на современном этапе развития российского общества (на материалах республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2012. 25 с.
11. Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Калмыкиятат. Элиста, 2018. 323 с.
12. Саитова Р. З. Проблемы регулирования мотивации молодых специалистов к труду на селе: дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2016. 160 с.
13. Силиванов Д. Ю. Особенности профессиональной адаптации выпускников аграрных вузов. URL: <http://agro-ru.livejournal.com/233426.html> (дата обращения: 06.07.2020).
14. В школах Калмыкии растет популярность агроклассов. URL: <http://vesti-kalmykia.ru/society/11878>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 07.07.2020).
15. Единая Россия заботится о молодых специалистах. URL: <http://kalmyk.er.ru/news/2013/6/20/>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 05.07.2020).

Авторская справка

САНДЖИЕВ Зунгу Николаевич – аспирант, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

E-mail: spitsynpa@ya.ru

UDC 316.422.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.90

ANALYSIS OF APPROACHES TO ASSESSING THE STATE OF THE LABOR POTENTIAL OF RURAL YOUTH

Z. N. Sandzhiev

Moscow City Pedagogical University, Moscow (Russia)

Introduction. The purpose is to classify approaches to assessing the state of the labor potential of rural youth and to determine the optimal system of criteria and indicators that will make it possible to make managerial decisions. Relevance of the study - currently, regulatory legal acts of the federal and regional levels are aimed at the development of rural areas. According to the Strategy of Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the period up to 2030, the development of rural territories is aimed at creating and improving the quality of life of the rural population to perform national functions, but at the moment the standard of living in rural areas significantly lags behind urban. The problem of the study is what is the optimal system of criteria and indicators that make it possible to make effective management decisions.

Methods. The research methods were the analysis of scientific literature, regulatory sources and statistical data, the method of deduction and induction.

Results. Effective management decisions for the development of labor and demographic resources can be made only on the basis of a system of criteria and indicators reflecting the state of the labor potential of this contingent. The methods of assessing labor potential used in practice can be divided into administrative, economic and socio-psychological. The assessment of labor potential is based on quantitative and qualitative components. To assess the state of the labor potential of rural youth, it is optimal to apply an integrated approach and evaluate statistical data and data from sociological surveys of young people on the problem of labor potential. The developed system of indicators will allow to more accurately determine the current state of the labor potential of rural youth and develop adequate management solutions.

Conclusion. The theoretical and practical significance of the results obtained is to supplement the theoretical provisions, the results can be used for teaching students. The issue of improving the labor potential of rural youth and solving the problems of introducing modern scientific achievements into their daily lives remains relevant for further study.

Keywords: youth; labor potential; rural area; assessment of the state of labor potential.

References

1. *Zakon Respubliki Kalmykija ot 14 maja 2015g. no. 113-V-3 «O strategicheskom planirovanii v Respublike Kalmykija»* [Law of the Republic of Kalmykia dated may 14, 2015. No. 113-V-3 "on strategic planning in the Republic of Kalmykia"]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/428545418>. (In Russ.).
2. *Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykija ot 22 dekabrya 2015 g. no. 469 «O Porjadke razrabotki, korrektirovki, osushhestvlenija monitoringa i kontrolja ispolnenija Plana meroprijatij po realizacii strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Kalmykija»* [Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia dated December 22, 2015. No. 469 «On the Procedure for developing, adjusting, monitoring and controlling the implementation of the action Plan for the implementation of the strategy for socio-

economic development of the Republic of Kalmykia»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/432834883>. (In Russ.).

3. Dordzhieva O. B. *Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij kak sistemnaja problema* [Sustainable rural development as a systemic problem]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN. 2013. No. 1. Pp. 117–120. (In Russ.).

4. Kulov A. R., Dzgoeva T. B. *Regional'nye osobennosti gosudarstvennoj podderzhki sel'skogo hozjajstva* [Regional features of state support for agriculture]. Vestnik kadrovoj politiki, obrazovanija i innovacij. 2017. No. 2. Pp. 87–93. (In Russ.).

5. Medvedev A. B. *Problemy formirovanija kadrovogo potenciala ustojchivogo razvitija sel'skih territorij* [Problems of developing human resources for sustainable rural development]. Vestnik kadrovoj politiki, agrarnogo obrazovanija i innovacij. 2018. No. 6. Pp. 8–13. (In Russ.).

6. Mindrin A. C., Bogdonovskij V. A. *Semejnoe hozjajstvo: ot trudovogo krest'janskogo k kapitalisticheskomu* [Family farm: from the labour of the peasant to the capitalist]. Jekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozjajstve. 2013. No. 3 (16). Pp. 2–8. (in Russ.).

7. Namrueva L. V. *Sociokul'turnoe izmerenie modernizacii v Rossii* [Socio-cultural dimension of modernization in Russia]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN. 2013. No. 1. Pp. 131–135. (in Russ.).

8. Namrueva L. V. *Kadrovyy potencial agropromyshlennogo kompleksa (na primere Respubliki Kalmykija)* [Personnel potential of the agro-industrial complex (on the example of the Republic of Kalmykia)]. Intelligencija: estestvennonauchnye, social'nye i gumanitarnye znanija na puti integracii. Mat-ly XV Mezhdunar. teoretiko-metodolog. konf-cii (1 aprlja 2014 g.). Moscow, RGGU, 2014. 453 p. (in Russ.).

9. Pankov B. P. *Rynok truda na sele i ego regulirovanie* [Rural labour market and its regulation]. Moscow, Agpo Press, 2007. 153 p. (in Russ.).

10. Rodnaeva E. A. *Sel'skaja intelligencija na sovremennom etape razvitija rossijskogo obshhestva (na materialah respubliki Burjatija): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Rural intelligentsia at the present stage of development of Russian society (based on the materials of the Republic of Buryatia): autoref. dis. ... Cand. Social. Sciences.]. Ulan-Udje, 2012. 25 p.

11. *Respublika Kalmykija. Statisticheskij ezhegodnik* [Republic of kalmykia. Statistical yearbook]. 2018: Stat. sb. Kalmykija stat. Jelista, 2018. 323 p. (in Russ.).

12. Saitova R. Z. *Problemy regulirovanija motivacii molodyh specialistov k trudu na sele: Dis. ... kand. sociol. nauk* [Problems of regulating the motivation of young specialists to work in rural areas]. Ufa, 2016. 160 p. (in Russ.).

13. Silivanov D. Ju. *Osobennosti professional'noj adaptacii vypusnikov agrarnykh vuzov* [Features of professional adaptation of graduates of agricultural universities]. Available at: <http://agro-ru.livejournal.com/233426.html> (accessed: 06.07.2020).

14. *V shkolah Kalmykii rastet populjarnost' agroklassov* [The popularity of agricultural classes is growing in schools in Kalmykia]. Available at: <http://vesti-kalmykia.ru/society/11878> (accessed: 07.07.2020).

15. *Edinaja Rossija zabotitsja o molodyh specialistah* [United Russia takes care of young specialists]. Available at: <http://kalmyk.er.ru/news/2013/6/20/> (accessed: 05.07.2020).

Author's Bio

SANJIEV Zungru Nikolaevich – post-graduate student, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.
E-mail: spitsynpa@ya.ru

Библиографическая ссылка

Санджиев З. Н. Анализ подходов к оценке состояния трудового потенциала сельской молодежи // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 90–99. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.90

УДК 338.48–6:2

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.100

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА АЛТАЙСКОГО КРАЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТУРИЗМА

М. Н. Игнатенко, Н. Г. Прудникова, А. А. Куликова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Введение. В статье рассмотрено использование памятников религии, истории и культуры Алтайского края в развитии религиозного туризма. В современных условиях люди начинают более активно интересоваться религией и духовными ценностями. Историко-культурные экскурсии с религиозной направленностью совершают с целью найти смысл жизни, отвлечься от повседневных трудностей, побыть наедине со своими мыслями, познать свою душу, а также поклониться святым местам.

Методы. Исходными теоретическими позициями исследования выступают работы А. Ю. Александровой, А. В. Бабкина, М. Б. Биржакова, Т. Т. Христова, М. С. Оборина, В. Н. Якунина, так как в их трудах более комплексно рассмотрено развитие религиозного туризма в регионах. В ходе исследования были проанализированы документы государственного перечня памятников религии, истории и культуры Алтайского края, рассмотрены архивные источники религиозных культовых достопримечательностей в истории региона.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Изучением развития религиозного туризма в Алтайском крае занимались В. Н. Ильин, С. И. Иванов, С. Ю. Житенев и другие. По данным авторов, перспективы развития такого вида туризма в регионе очевидны: наличие храмов и святых мест, устойчивый рост интереса к религиозным памятникам, появление новых объектов, расширение географии предложений для паломников и туристов, разработка новых маршрутов, координация деятельности с другими паломническими организациями.

Заключение. Нами предложен историко-культурный религиозный тур в Первомайский и Заринский районы Алтайского края, где расположены интереснейшие паломнические места. В ходе разработки тура по маршруту «Алтайский историко-религиозный путь» была создана технологическая карта туристского путешествия. Выбор тура религиозной тематики объясняется тем, что это один из интереснейших и перспективных видов туризма, учитывая, что в крае множество храмов, святынь и культурно-исторических объектов.

Ключевые слова: историко-культурный потенциал; религиозный туризм; Алтайский край; культурно-историческое наследие; памятники религиозной культуры.

Введение. Значимость исследования определена концентрацией в крае ценных культурно-исторических ресурсов религиозной направленности, что позволяет данному региону стать частью формирования и продвижения общероссийской религиозной культуры путешествий. Для популяризации религиозного туризма экскурсионной культурно-исторической направленности можно определить следующие **задачи**: мотивация развития технической и информационной базы; стимулирование и сохранение памятников культовой архитектуры; повышение внимания к культурным и религиозным ценностям разнообразных верований; профессиональное повышение квалификации кадров для ведения экскурсий в сфере религиозного туризма; обоснование нормативно-правовой базы данного вида туризма; привлечение инвестиций.

Методы. Исходными теоретическими позициями исследования выступают работы А. Ю. Александровой, А. В. Бабкина, М. Б. Биржакова, Т. Т. Христова, М. С. Оборина, В. Н. Якунина, так как в их трудах более комплексно рассмотрена тема развития религиозного туризма. Также в ходе исследования были проанализированы документы государственного перечня памятников религии, истории и культуры Алтайского края, рассмотрены архивные источники, содержащие сведения о религиозных культовых достопримечательностях в истории региона.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Религиозный туризм включает в себя экскурсионный туризм религиозной тематики и паломнический (духовный) туризм [1]. Интересен научный туризм с целью исследования и анализа религиозного наследия – предметов культа, рукописных артефактов. При проведении данного вида туризма необходимо действовать согласно законодательным актам с учётом местных нормативных актов субъектов, регулирующих деятельность в сфере религиозного туризма. В 2019 году были приняты изменения к Федеральному Закону № 132 «Об основах туристской деятельности», благодаря которым храмы, монастыри, религиозные структуры могут самостоятельно организовывать поездки с религиозными целями, а также подписывать соглашения с туристскими фирмами для грамотной организации данного вида туризма.

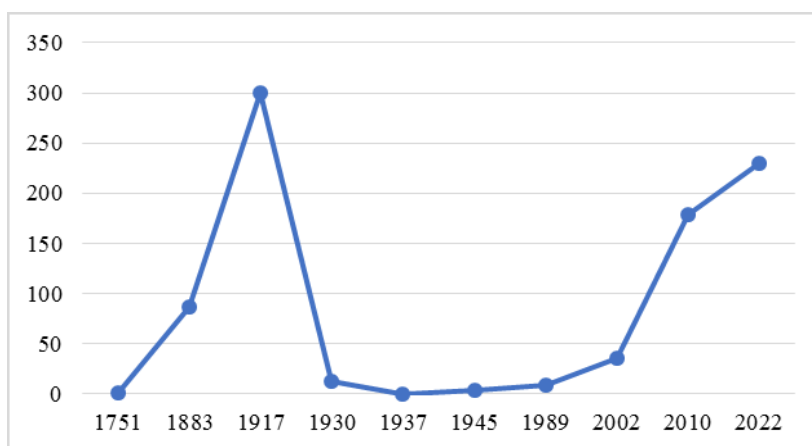
Предложенный историко-культурный религиозный тур «Алтайский историко-религиозный путь» в Первомайский и Заринский районы Алтайского края, где расположены интереснейшие паломнические места, будут сопровождать экскурсоводы, которые расскажут об истории посещаемых мест – монастырей, храмов, святынь или святых источников. На 2022 год в Барнауле находится 40 храмов, в Бийске – 25, Первомайском районе – 17, Заринском районе – 6. На обратном пути в автобусе организуется просмотр фильмов душеполезного содержания. Паломникам следует заранее подготовить записки с именами тех, о ком они хотят помолиться. Видео и фотосъёмка в храмах производится по благословению священника. Используя объекты историко-религиозного наследия как туристский ресурс, сотрудники турбизнеса обязаны соблюдать требования по недопущению возникновения инцидентов с верующими при посещении местных храмов, монастырей. Духовное обогащение, приобретение новых знаний в культурно-церковной сфере – всё это даёт туристу посещение святых мест [2].

Для продвижения религиозной туристской деятельности в регионе необходимо координировать связь между храмами, государственными и туристскими организа-

циями, повысить информационную составляющую о святых местах и религиозных турах, готовить узкоспециализированных гидов-экскурсоводов, привлекать благотворительные сообщества и организации бизнеса для поддержки и помощи в подготовке религиозных экскурсий социально незащищённых слоёв населения (с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров).

Образовательная и духовная части тура являются основным ознакомительным элементом создания программы с включением архитектурных, исторических, художественных, культурных составляющих экскурсии [3]. Предлагаемые туры бывают как однодневные, так и на несколько дней. Стоимость поездки в среднем колеблется от 2 250 до 14 000 рублей. В стоимость чаще всего входят размещение в монастырях или гостиницах (желательно недорогие варианты), питание – важнейший практический момент (следует уделять большое внимание соблюдению поста, среде и пятнице, а также организации литургии), экскурсионное обслуживание (важна логичность и полнота маршрута), транспортное обслуживание (авиационный, железнодорожный, автомобильный транспорт). Координаторам историко-религиозного тура необходимо предусмотреть специфику богослужения, комбинируя её с экскурсиями и учитывая различные цели и интересы гостей [4].

Указ о создании Алтайской духовной миссии был выпущен в 1828 году. Миссионером назначили Макария, центром стал город Бийск. Данная Миссия считалась наилучшей и эталонной среди всех действующих тогда в Российской империи [5]. Регион располагает религиозно-историческим наследием, здесь расположены 224 храма и 6 монастырей [6] (до 1917 года было построено 300 церквей на средства купцов и прихожан) [7]. Сегодня вызывает заинтересованность и потребность у туристов религиозный туризм в Алтайском крае, включающий в себя посещение храмов и святых мест, поклонение чудотворным иконам, погружение в живительные ключи, возможность соприкоснуться с алтайской историей религий.

Динамика количества храмов в Алтайском крае

«Алтайский историко-религиозный путь» в Первомайский и Заринский районы начинается со столицы. Туристам предложено несколько вариантов посещения часовен, соборов, приходских храмов: Знаменский (1858) и Никольский (1906) храмы, Покровский кафедральный (1904) и Александро-Невский (1995) соборы, Иоанно-Предтеченский скит Знаменского женского монастыря с исцеляющим от болезней источником, куда идут паломники (известен до 1917) [8]. Архитектурные религиозные ресурсы края уникальны с духовно-эстетической точки зрения. При строительстве храмов на Алтае были использованы исторические стили архитектуры от русско-византийского до классицизма.

Одним из самых известных у паломников считается село Коробейниково с однопредстоятельным храмом (1906), куда совершается крестный ход для поклонения Казанской иконе Божией Матери (в настоящее время здесь расположен мужской монастырь). Уникальны подземные храмы в виде гротов на обрывистом склоне откоса в Заринском районе, обнаруженные в 1979 году, с колодцем Святого ключа [9]. Следующая святыня, включённая в тур, – это Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский женский скит с деревянным храмом, кельей и святым источником в селе Сорочий Лог Первомайского района.

Практически каждое село региона представлено своим уникальным и специфическим историко-культурным, духовным и религиозным местом, что может вызвать интерес и желание вернуться для посещения новых паломнических мест в связи с возрождением традиций русского народа, более 1 000 лет исповедующего христианство. Сегодня наблюдается повышенный интерес к туристическим поездкам религиозно-познавательной направленности – данное направление становится уникальной нишей в туристской индустрии.

Исторические, религиозные и культурные памятники дают своеобразную мотивацию к посещению региона, что также позволяет формировать историческую память нашей малой родины [10]. С увеличением внимания к историко-культурному религиозному туризму необходимо профессионально разрабатывать маршруты, составлять путеводители по историческим и святым местам для туристов. На формирование религий в Алтайском регионе оказали влияние этносы различных исторических эпох, а также старообрядцы, культура шаманизма, буддизма и другие.

При проведении тура важны не только посещения монастырей и памятников культовой истории, но и участие в качестве зрителя в обрядах, ритуалах, традиционных праздниках, экскурсии в музеи, на выставки при храмах с рассказами о ценности места для духовной культуры.

Иногда при организации программы религиозного тура необходимо получить разрешение на посещение монастыря: не все туристские компании готовы заниматься сотрудничеством с настоятелем церкви. Поэтому 17 лет назад Епископом Барнаульским и Алтайским был сформирован Паломнический центр культуры с це-

лью поддержания и воссоздания обычаев и традиций православной деятельности на Алтае.

Паломническим центром установлены прочные деловые связи с подобными организациями других епархий РПЦ, особенно с Новосибирским, Томским, Кемеровским Паломническими центрами и Паломнической службой «Александрия» в Новокузнецке. Это обеспечивает более широкий выбор предложений по паломническим поездкам по России и странам зарубежья и влияет на увеличение числа иногородних паломников, посещающих алтайские святыни.

Социальный состав паломников различный, но большая часть – это прихожане храмов города Барнаула и Алтайского края. Возрастная категория – от двухлетних детей до пенсионеров 70–80 лет. Основная масса паломников – женщины 30–45 лет, остальные паломники – мужчины 40–50 лет, а также люди пенсионного возраста 65–75 лет. Нередко в паломничество едут целыми семьями, со своими друзьями. В группу принимаются не только верующие, но и все желающие приобщиться к православию.

В целом видна положительная динамика деятельности Паломнического центра, что связано с расширением географии предложений для паломников, разработкой новых маршрутов, координации деятельности с другими паломническими организациями.

Но, сравнивая с познавательным, спортивным, лечебно-оздоровительным туризмом, где туристы исчисляются десятками тысяч за сезон, религиозный туризм на Алтае развит недостаточно. Существуют проблемы, которые затрудняют развитие этого вида туризма. Они связаны со слабо развитой инфраструктурой Алтая, невысокой платежеспособностью населения, отсутствием высококвалифицированного персонала в области религиозного туризма, непониманием людьми целей паломничества, что нередко приводит к конфликтным ситуациям, а также с тем, что основным сегментом религиозного туризма являются пенсионеры.

Заключение. Нами предложен историко-культурный религиозный тур в Первомайский и Заринский районы Алтайского края, где расположены интереснейшие культовые места христиан. В ходе разработки тура по маршруту «Алтайский историко-религиозный путь» была создана технологическая карта туристского путешествия. Выбор тура религиозной тематики объясняется тем, что он является одним из интереснейших в туризме, учитывая, что в крае множество храмов, святынь и культурно-исторических объектов.

Перспективы развития данного вида туризма в регионе – наличие монастырей и святых источников, устойчивый рост интереса к религиозным памятникам, появление новых объектов, расширение географии предложений для паломников и туристов, разработка новых маршрутов, координация деятельности с другими паломническими организациями, возможность проведения маршрутов в межсезонье.

Для устойчивого развития необходимы мероприятия по сохранению, оснащению религиозных памятников с учётом уважения местных традиций и соблюдения медико-санитарных условий. Для продвижения этого вида туризма возможно использовать инновации и сочетать варианты религиозного туризма с событийным или историко-культурным, повышать качество сервиса с соблюдением отраслевых стандартов. Предложенный тур будет удовлетворять потребности туристов, направляющихся к святым местам Алтайского края, и иметь познавательную, психологическую, социальную и духовную ценность.

Список литературы

1. Христов Т. Т. Религиозный туризм: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003. 288 с.
2. Аксенова Л. А., Плыско Я. А. Роль религиозного туризма в современном обществе // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 2. С. 126–129.
3. Оборин М. С. Религиозный туризм как особый вид социально-культурной деятельности // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 2. С. 147–156. DOI: 10.24411/1995-042X2020-10213.
4. Якунин В. Н. Религиозный туризм и паломничество: особенности организации, проблемы и перспективы развития // Культурное наследие России. 2017. № 1. С. 71–76.
5. Ильин В. Н. Перспективы развития религиозного туризма в Алтайском крае // NovaInfo, 2016. № 47. С. 338–347. URL: <https://novainfo.ru/article/6852> (дата обращения: 09.02.2022).
6. Целищева М. А. Петропавловский собор – один из первых православных храмов г. Барнаула // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. URL: <https://library.altspu.ru/redbook/> (дата обращения: 11.02.2022).
7. Степанская Т. М. Уникальность духовно-эстетических туристских ресурсов Алтая // МНКО. 2014. № 2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unikalnost-duhovno-esteticheskikh-turistskih-resursov-altaya> (дата обращения: 10.02.2022).
8. Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) Алтайского края // Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. URL: http://ukn22.ru/upload/medialibrary/e39/Spisok-_sayt_.pdf / (дата обращения: 10.02.2022).
9. Перечень объектов культурного наследия Алтайского края // Министерство культуры Алтайского края. URL: http://www.culture22.ru/culture_heritage/perechni_okn/ (дата обращения: 08.02.2022).
10. Широкалова Г. С. Малая / большая родина: как формируется историческая память // SocioTime / Социальное время. 2021. № 2 (26). С. 107–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107.

Авторская справка

ИГНАТЕНКО Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: anikina-mn@mail.ru

ПРУДНИКОВА Наталья Геннадьевна – кандидат географических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: belukha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2002-8919>

КУЛИКОВА Алена Александровна – преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: kulikova2039@gmail.com

UDC 338.48–6:2

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.100

USING THE HISTORICAL AND CULTURAL POTENTIAL OF THE ALTAI TERRITORY FOR THE DEVELOPMENT OF RELIGIOUS TOURISM

M. N. Ignatenko, N. G. Prudnikova, A. A. Kulikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

Introduction. The article considers the use of monuments of religion, history and culture of the Altai Territory in the development of religious tourism. In modern conditions, people are becoming more actively interested in religion and spiritual values. Historical and cultural excursions with a religious focus are made in order to find the meaning of life, escape from everyday difficulties, be alone with your thoughts, know your soul, and also bow to holy places.

rested in religion and spiritual values. Historical and cultural excursions with a religious focus are made in order to find the meaning of life, escape from everyday difficulties, be alone with your thoughts, know your soul, and also bow to holy places.

Methods. The initial theoretical positions of the study are the works of A. Yu. Alexandrova, A. V. Babkina, M. B. Birzhakova, T. T. Hristova, M. S. Oborin, V. N. Yakunin, as their works more comprehensively consider the development of religious tourism in the regions. In the course of the work, the documents of the state list of monuments of religion, history and culture of the Altai Territory were analyzed, archival sources of religious places of worship in the history of the region were investigated.

Results. The study of the development of religious tourism in the Altai Territory was carried out by V. N. Ilyin, S. I. Ivanov, S. Yu. Zhitenev and others. According to the authors, the prospects for the development of this type of tourism in the region are obvious: the presence of temples and holy places; steady growth of interest in religious monuments; the emergence of new objects; expanding the geography of offers for pilgrims and tourists, developing new routes, coordinating activities with other pilgrimage organizations.

Conclusion. We have proposed a historical and cultural religious tour to Pervomaisky and Zarinsky districts of the Altai Territory, where the most interesting pilgrimage sites are located. During the development of the tour along the route "Altai Historical and Religious Way", a technological map of the tourist trip was created. The choice of a religious tour is explained by the fact that this view is one of the most interesting and promising in tourism, given that there are many temples, shrines and cultural and historical sites in the region.

Keywords: historical and cultural potential; religious tourism; Altai Territory; cultural and historical heritage; monuments of religious culture.

References

1. Hristov T. T. *Religioznyy turizm: uchebnoe posobie dlya studentov vyssshih ucheb. Zavedenij*. Moscow, Akademiya, 2003. 288 p. (In Russ.).
2. Aksenova L. A., Plysko Ya. A. *Rol' religioznogo turizma v sovremennom obshchestve*. Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij. 2019. No. 2. Pp. 126–129. (In Russ.).
3. Oborin M. S. *Religioznyy turizm kak osobyj vid social'no-kul'turnoj deyatel'nosti*. Servis v Rossii i za rubezhom. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 147–156. DOI: 10.24411/1995-042X2020-10213. (In Russ.).
4. Yakunin V. N. *Religioznyy turizm i palomничество: osobennosti organizatsii, problemy i perspektivy razvitiya*. Kul'turnoe nasledie Rossii. 2017. No. 1. Pp. 71–76. (In Russ.).

5. Il'in V. N. *Perspektivy razvitiya religioznogo turizma v Altajskom krae*. NovalInfo, 2016. No. 47. Pp. 338–347. Available at: <https://novainfo.ru/article/6852> (accessed: 09.02.2022). (In Russ.).
6. Celishcheva M. A. *Petropavlovskij sobor – odin iz pervyh pravoslavnyh hramov g. Barnaula. Krasnaya kniga ob"ektov kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya, nahodyashchihsya pod ugrozoy ischeznoeniya*. Available at: <https://library.altspu.ru/redbook/> (accessed: 11.02.2022). (In Russ.).
7. Stepanskaya T. M. *Unikal'nost' duhovno-esteticheskikh turistskih resursov Altaya*. MNKO. 2014. No. 2 (45). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/unikalnost-duhovno-esteticheskikh-turistskih-resursov-altaya> (accessed: 10.02.2022). (In Russ.).
8. *Perechen' ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatniki istorii i kul'tury) Altajskogo kraya*. Upravlenie gosudarstvennoj ohrany ob"ektov kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya. Available at: http://ukn22.ru/upload/medialibrary/e39/Spisok-_sayt_.pdf/ (accessed: 10.02.2022). (In Russ.).
9. *Perechen' ob"ektov kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya*. Ministerstvo kul'tury Altajskogo kraya. Available at: http://www.culture22.ru/culture_heritage/perechni_okn// (accessed: 08.02.2022). (In Russ.).
10. Shirokalova G. S. Malaya / bol'shaya rodina: kak formiruetsya istoricheskaya pamyat'. *SocioTime / Social'noe vremya*. 2021. No. 2 (26). Pp. 107–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107 (In Russ.).

Author's Bio

IGNATENKO Maria Nikolaevna – Senior Lecturer of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: anikina-mn@mail.ru

PRUDNIKOVA Natalia Gennadievna – Candidate of Geographical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: belukha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2002-8919>

KULIKOVA Alyona Alexandrovna – Lecturer of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: kulikova2039@gmail.com

Библиографическая ссылка

Игнатенко М. Н., Прудникова Н. Г., Куликова А. А. Использование историко-культурного потенциала Алтайского края для развития религиозного туризма // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 2 (30). С. 100–107. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.100

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.108

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У СТУДЕНТОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Г. С. Широкалова¹, П. И. Куонков²

¹ПРИФ ФНИСЦ РАН, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

²ПРИФ ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород (Россия)

Введение. Смена идеологии в странах СНГ после разрушения Советского Союза оказала существенное влияние на мемориализацию всех событий XX века. Анализу роли семьи в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне посвящена данная статья.

Методы. Программа исследования студенческой молодежи стран СНГ основывалась на марксистской методологии с использованием исторического, сравнительного, системно-структурного и комплексного методов. Показатели и индикаторы исторической памяти фиксировались в масштабном эмпирическом исследовании.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Объект данного исследования – студенты российских вузов, имеющие российское и зарубежное гражданство, а также студенты, обучающиеся в странах СНГ. Предмет исследования – факторы формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне. В основу проекта была положена гипотеза, что память будущей интеллигенции сохраняет положительное отношение к Победе советского народа в 1945 году, которое формируется в основном через систему образования и семейные связи.

Заключение. С уходом из жизни старших поколений, неизбежно снижение эмоциональной составляющей исторической памяти, а следовательно, вытеснение давних событий более актуальными для новых поколений. Респондентами среди студентов-иностранцев, обучающихся в России, и иностранных студентов были те, кто в своей первичной социализации воспитывался на положительной оценке советского прошлого. Именно поэтому они приехали учиться в Россию или учатся в своих республиках у преподавателей, выразивших желание стать участниками международного исследования, организовав заполнение анкет среди своих студентов. И тех и других можно охарактеризовать как «мягкая сила» РФ в странах Средней Азии, которая обеспечивает устойчивость взаимоотношений между нашими странами.

Положительное отношение к прошлому формируется многими факторами, поэтому крайне важно на последовательная государственная внутренняя и внешняя политика.

Ключевые слова: семья; историческая память; идентичность; «мягкая сила»; студенты; Россия; Содружество Независимых Государств.

Введение. В 2020 г. Российским обществом социологов проведено масштабное исследование исторической памяти о Великой Отечественной войне среди студентов российских и зарубежных вузов [1]. В данной статье выберем для анализа один из его аспектов, а именно: место событий военных лет в повседневной жизни семьи. В ней трансляция идеологических ценностей осуществляется по разным каналам: 1 – актуализация памяти через беседы со свидетелями тех лет и их потомками; 2 – через сохранение памятных знаков эпохи, которыми являются награды, фотографии, письма военных лет; 3 – через символические действия (совместное возложение цветов к мемориалам и захоронениям и т. д.). Все три группы показателей были отражены в названном исследовании.

Методы. При разработке программы исследования студенческой молодежи авторы основывались на марксистской методологии с использованием сравнитель-

но-исторического, системно-структурного и комплексного методов. Показатели и индикаторы исторической памяти фиксировались в масштабном эмпирическом исследовании. Было опрошено 10 065 студентов (граждане России), 372 студента из стран СНГ, обучающихся в РФ (представители Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Азербайджана, Грузии, Беларуси и др.), 413 студентов вузов республик Средней Азии (в основном – Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Для анализа были выбраны три массива: студенты – граждане РФ, студенты из СНГ, обучающиеся в российских вузах, и студенты вузов среднеазиатских республик. Уточним, что в Россию на учёбу едут студенты из семей, имеющих положительное отношение к совместному прошлому в Советском Союзе, часто дети тех, кто учился в РСФСР. В иностранных вузах анкету заполняли студенты, обучающиеся у преподавателей, поддерживающих связи с Российским обществом социологов, позицию и тех и других можно охарактеризовать как «мягкая сила» России среди местного населения. Подтверждением такого вывода послужил тот факт, что доля мусульман среди студентов иностранных вузов составила 91,4 %.

Анализ начнём с рассмотрения актуализации памяти через различные образовательно-культурные каналы. Беседы со свидетелями тех лет и их потомками занимают третье-четвёртое места среди всех источников (*табл. 1*).

Таблица 1

**Источники информации о Великой Отечественной войне,
% от числа опрошенных**

Источники информации	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
Учителя	76,5	60,2	58,3
Школьные учебники	74,2	62,1	70,1
Советские художественные фильмы	65,8	52,4	47,3
Рассказы родных	64,6	55,9	43,2
Встречи с ветеранами	43,4	40,3	32,5
Советские документальные фильмы	43,2	37,9	29,6
Художественная литература	42,8	27,2	18,7
Современные художественные фильмы	34,5	26,6	15,0
Преподаватели вуза	27,9	28,0	26,9
Современные документальные фильмы	27,9	21,2	11,2
Форумы в интернете	18,5	21,0	8,3
Ток-шоу на ТВ	10,0	11,0	5,8
Научные исследования	9,7	9,7	6,3
Мемуары полководцев	8,6	8,6	5,6
Игры	0,1	0,0	0,0
ДРУГОЕ	1,3	2,2	0,7

По количеству данных ответов можно сделать вывод о том, что информационная база у российских студентов значительно больше, что и понятно: Средняя Азия не была оккупирована фашистскими войсками, следовательно, память о Великой Отечественной войне не имеет такой масштабной сакральной ценности и символики. Хотя из этих стран сотни тысяч были призваны в Красную Армию и получили фронтовые награды. Миграция из европейской части СССР в азиатские республики тоже насчитывала сотни тысяч специалистов эвакуированных предприятий, женщин, детей, часто сирот, что существенно изменило этнический состав тех мест, резко увеличив долю славян.

После распада СССР разрушались межнациональные браки, произошла массовая миграция уже из этих стран русскоязычного населения из-за межэтнических конфликтов [2, с. 178], что привело к деиндустриализации, значительной утрате материальных / вещественных / культурных носителей советской эпохи. Очень скоро в странах СНГ пришло осознание необходимости интеграции: память о жёсткости и болезненности исхода нетитульного населения дезавуировалась необходимостью экономического и военного сотрудничества, но оно не восстановило былых тесных отношений, поскольку многие ниши в сферах производства, торговли, культуры с начала 1990-х годов были заняты недружественными России государствами. Сопутствовали этому процессы вытеснения общей памяти и снижения её значимости.

Сегодня память о совместной истории формируют, прежде всего, образовательные учреждения, кинематограф и семья. Именно через них в первую очередь продолжается взаимная *аккультурация* молодёжи России и стран СНГ. Отказ от русского языка как второго государственного, а иногда и как языка межнационального общения [3, с. 55], в новых государствах рассматривается как условие формирования суверенитета, что сужает доступность советской и современной информационной базы на русском языке, с другой стороны, позволяет сохранять целостность представления об эпохе, формируемого учебниками, учителями, родными, не искажаемого меняющимися трендами переоценок истории, которых немало и в самой России относительно любых исторических периодов, но особенно XX века.

В целом же происходит объективное, постепенное снижение интереса к событиям 80-летней давности, их вытеснение более актуальной для молодёжи информацией. Уходит и коммуникативная память: информацию о событиях тех времён получают от родных две трети россиян и лишь 43 % студентов иностранных вузов. Причём это уже не участники войны, из них у россиян живы 6,5 %; у иностранцев, обучающихся в РФ, – 13,4 %; у студентов иностранных вузов – 10,9 %. Во всех трёх группах есть ответы «не знаю», что свидетельствует о разрыве социальных связей большой семьи (соответственно, 8,2 %, 12,1 %, 12,1 %), характерной для усиленной урбанизации и миграции в эпоху постмодерна.

Доля долгожителей среди трудившихся в тылу во время войны выше, поскольку трудовой фронт пополнялся не только подростками, но и детьми, женщинами,

продолжительность жизни которых выше, чем у мужчин. В среднем для каждого четвёртого информант – бабушка. Но и здесь доля «незнающих» велика: от 11 % среди россиян до 16 % в двух других группах. Этот вывод подтверждают данные *таблиц 2 и 3*.

Таблица 2

**Участники Великой Отечественной войны – члены семьи,
% от числа опрошенных**

Знания о родных в годы ВОВ	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
Прадедушка	72,5	50,5	43,7
Прабабушка	37,9	23,7	10,0
Дедушка	13,5	23,4	23,3
Бабушка	7,7	8,3	3,9
Другие родственники	25,9	25,5	28,4
Не знаю по объективным причинам	7,6	11,3	6,8
Не знаю, не интересовался	3,0	9,1	8,7
Не воевали	0,5	0,8	1,5
ДРУГОЕ	1,2	1,6	2,4

Налицо абберация памяти. Особенно наглядно это видно из ответа, что почти 40 % прабабушек российских студентов были участниками войны. Очевидно, что в сознании молодёжи понятия «участник войны» и «современник войны» если и не тождественны, то весьма близки по смыслу.

О постепенном вытеснении из памяти семейных историй середины XX века свидетельствует и тот факт, что каждый четвёртый-пятый студент не знает, были ли в его семье погибшие (пропавшие без вести) на фронте. В то же время распределение ответов подтверждает массовость утрат, понесённых семьями в годы войны, особенно российских (*табл. 3*).

Таблица 3

**Информированность студентов о погибших (пропавших без вести) в годы Великой
Отечественной войны членах их семей, % от числа опрошенных**

Информированность	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
Да	39,8	27,2	28,1
Нет	33,3	40,9	41,9
Не знаю	23,9	24,7	21,5
Не воевали	2,9	7,3	8,5

Рассказы о войне в той или иной степени неизбежны, если живы свидетели тех лет, особенно в азиатских странах с их культом старшего в семье. Но информация от поколения родившихся после войны уже сама не первична, а передаётся вторым поколением, следовательно, с большими утратами, без незаменимого эффекта личной включённости в передаваемые события.

Беседы с родителями менее информативны, а потому востребованы лишь каждым шестым. Общение с учителями / преподавателями сводится, скорее всего, к ответам на занятиях, поскольку материал включён в образовательные программы. Кроме того, информация может быть подана с самых разных политически обусловленных позиций. Проведённый С. В. Устинкиным и П. И. Куконковым анализ содержания российских учебников по истории позволил сделать вывод, что, начиная с 1990-х годов, их авторы разрушали историческую память новых поколений через противопоставление «вновь написанной истории» той, на которой воспитывались поколения дедов и отцов [4].

У друзей – другие интересы: 16,8 % не интересны мнения сверстников о темах, связанных с Великой Отечественной войной (табл. 4).

Таблица 4

**Круг собеседников студентов о событиях Великой Отечественной войны,
% от числа опрошенных**

Обсуждают события ВОВ	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
Со старшими родственниками (дедушки, бабушки, прадедушки и т. д.)	24,4	27,2	30,8
С учителями, преподавателями	23,7	22,8	26,7
С родителями	16,7	12,4	15,5
С друзьями	12,2	14,0	7,8
Со старшими родственниками – ветеранами войны или тыла	5,7	6,5	7,3
Ни с кем	16,6	16,1	10,7
ДРУГОЕ	0,8	1,1	1,2

Актуализировать в том числе и семейную историческую память может увеличение в российских школах и вузах раздела курса истории, посвящённого изучению периода Великой Отечественной войны. Однако принятые в этом направлении решения саботируются. Согласно оценке, данной И. А. Яровой, в 2018 году В. В. Путин поручил Министерству культуры РФ, Министерству науки и высшего образования РФ дополнить образовательные программы изучением Нюрнбергского трибунала и сформировать отдельный образовательный модуль по данному вопросу, но задание не было выполнено. «Министерства постоянно занимаются от-

писками о том, что якобы эти вопросы решены». В связи с обострением внешнеполитической ситуации В. В. Володиным в апреле 2022 года дано распоряжение комитетам Госдумы РФ проанализировать качество преподавания истории в российских школах и вузах и выработать соответствующие рекомендации [5]. Но насколько будет объективен анализ истории XX века, и не породит ли он раскол уже на новой трактовке событий? Ведь среди историков и политиков идёт борьба за историческую правду между монархистами, левыми и либералами разных оттенков.

Вторая группа вопросов посвящена сохранению вещественных свидетельств военных лет. Семейная музеефикация заслуженно считается эффективным и наиболее распространённым способом актуализации культурного наследия семьи. Это значимый показатель социальной семейно окрашенной ностальгии, но и она живёт до тех пор, пока есть эмоциональность восприятия, вызванная общением с родственниками.

Реликвии тех времён хранятся в 50,4 % семей российских студентов, 46 % – иностранцев, обучающихся в России, 33,2 % – студентов иностранных вузов. Не знают, есть ли в семье памятные вещи той эпохи, соответственно, 16,7 %, 21,5 % и 26,4 % респондентов (табл. 5).

Таблица 5

**Реликвии военных лет, хранящиеся в семьях студентов,
% от числа опрошенных**

Реликвии	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
Награды	75,0	64,3	50,4
Фотографии	72,2	68,4	58,4
Письма	35,5	28,1	20,4
Документы	27,7	23,4	18,2
Военный билет	23,4	23,4	21,9
Вещи военных лет	23,0	19,3	25,5
Грамоты / благодарности / статьи из газет	20,6	20,5	19,7
Мемуары / воспоминания / дневники	8,1	9,9	9,5
ДРУГОЕ	0,9	0,6	2,2

В российских семьях большая представленность материальных свидетельств той эпохи, что, повторимся, обусловлено степенью вовлечённости в события военных лет. Ранжирование показывает не только степень символической ценности вещей, но отражает и их значимость для самой семьи. Уточним: в данном случае ответы студентов были не о семье моей / родителей, а о большой / расширенной семье: «у бабушки / тёти / дяди есть...». Кому они достанутся по наследству и будут ли сохранены – большой вопрос. Массовая миграция, особенно обусловленная урбанизацией, не могла не уменьшить число таких реликвий, оставив в семьях лишь те, которые особенно дороги и ...компактны.

С утратой родственных связей, ростом индивидуализма, столь характерных для общества постмодерна, ожидаема утрата значимости этих вещей, а следовательно, их самих. Напомним о «буме» продажи наград на Арбатах больших городов в 1990

годы, когда с экранов ТВ была «подсказана» молодёжи и широко ею тиражировалась фраза: «Лучше бы нас немцы завоевали, мы бы пиво баночное пили». Перемена мнений / ценностей новыми технологиями воздействия на сознание – задача, решаемая быстро и эффективно [6]. Современное амбивалентное отношение к Великой Отечественной войне, господствующее на сайтах, несмотря на поправки в Конституцию РФ, принятые в 2020 году, тоже снимают сакральность с этих памятных лет [2, с. 178].

В новом законопроекте предлагается наказание для граждан за публичное отождествление роли СССР и нацистской Германии во Второй мировой войне, а также за отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии, в размере от одной до двух тысяч рублей. Для человека, идеологически убеждённого в обратном, такая сумма, как и арест до 15 суток, не может рассматриваться как наказание. Более того, «копеечная» административная ответственность даёт возможность для фактически «бесплатного» пиара своей позиции с последующим получением дивидендов от официального статуса человека, дискриминируемого по политическим убеждениям. Яркий пример – демонстрация плаката М. Овсянниковой во время прямого эфира на Первом канале, после чего она получила приглашения на работу в иностранные СМИ [7]. То же самое можно сказать и о штрафах для должностных лиц от 1 до 4 тысяч рублей, для юрлиц – от 10 до 50 тысяч рублей [8]. Уверены, что это тот случай, когда нужно «считать деньги» в карманах нарушителей закона.

Третья группа показателей – символические действия, обусловленные событиями Великой Отечественной войны (табл. 6).

Таблица 6

Круг занятий студентов 9 мая, % от числа ответивших

Круг занятий	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в вузах РФ	Студенты иностранных вузов
Смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный)	54,3	49,2	59,5
Принимаю участие в шествии «Бессмертный полк»	33,5	20,4	19,7
Участвую в праздничных мероприятиях	31,9	25,3	32,3
Просто гуляю и отдыхаю	27,5	23,7	13,6
Возлагаю цветы к Вечному огню, памятникам	26,2	24,5	11,7
Поздравляю ветеранов	24,1	29,6	26,9
Отмечаю за праздничным столом	14,0	16,9	7,8
Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники войны	10,9	10,8	4,6
ДРУГОЕ	2,9	2,4	2,0

В данном случае мы имеем свидетельства того, что музеологи называют ревитализацией, т. е. «оживлением» объекта нематериального наследия через его способность превращать участников символического действия в «живой музей». И здесь мы видим значительную активность студентов в День Победы [9]. В то же время постараемся объяснить, почему треть российских студентов принимает участие в шествии «Бессмертного полка». Во-первых, это, конечно, зов души; во-вторых, акцию в рамках воспитательной работы организуют образовательные учреждения; в-третьих, в вопросе не уточнялась регулярность такого участия, что увеличивает число ответов.

Об эмоциональном отношении ко Дню Победы свидетельствует распределение ответов в *таблице 7*.

Таблица 7

**Чем для вашей семьи является День Победы?
% от числа ответивших**

День Победы – это...	Студенты вузов РФ	Иностранные студенты, обучающиеся в РФ	Студенты иностранных вузов
День памяти о родных, прошедших войну	42,3	38,4	36,9
Праздник со слезами на глазах	33,3	28,2	29,9
День гордости за СССР	13,1	18,3	23,5
Просто выходной	8,9	12,9	8,3
ДРУГОЕ	2,7	2,5	1,4

Затухание эмоционального отношения к членам семьи, жившим в годы войны, очевидно. Его постепенно заменяет общеисторическое значение события. Эмоционально нейтральный ответ выбрали от 8 до 13 % опрошенных студентов. То, что иностранцы чаще выбирали вариант «День гордости за СССР», свидетельствует, что в странах СНГ сохраняется ностальгия по совместной истории, передаваемой молодому поколению. Конструирование «мягкой силы» – сложнейшая задача в современных условиях в силу многовекторности развития стран. Одна из форм – межгосударственные проекты сохранения свидетельств прошлого. В качестве примера приведём Модельный закон «Об объектах культурного наследия», принятый в СНГ в 2000 году [10], который обеспечивает защиту исторических памятников, некрополей, исторически значимых мест и т. д. 2011 год был объявлен Годом историко-культурного наследия, программа которого включала в себя сотрудничество и культурный обмен между странами СНГ, а 2022 – Годом народного творчества и культурного наследия, включающего в себя сохранение исторической памяти как их основы.

Заключение. Семья остаётся важнейшим источником и хранителем исторической памяти о Великой Отечественной войне, формирующим эмоциональность и сопричастность к событиям столь давних для студентов лет, обеспечивая тем самым идентификацию молодёжи с поколением дедов / прадедов. Одним из признаков такой идентификации являются распространённые среди всех поколений выражения: «Мы победили», «Мы – наследники Победы», слоганы типа «Спасибо деду за Победу!» и т. д. Отношение к Великой Отечественной войне во многом обеспечивается эмоциональностью коммуникативной памяти живых свидетелей тех лет и их детей. Оно остаётся важным фактором единения народов СНГ, той «мягкой силой», которая нужна любой стране, желающей иметь у своих границ доброго соседа, а не врага. Но со временем всё большее значение для поддержания связей младших и старших поколений в дружественных государствах в целом и семейной памяти, в частности, будет зависеть от глубины их взаимодействия в настоящем и совместных планов на будущее.

Реализация названных выше проектов стимулирует и историческую семейную память, но сохранить доверие между народами, опираясь только на память о прошлом, невозможно. Идентификация себя как преемника ценностей дедов / отцов не может основываться только на межкультурном диалоге Евразийского содружества государств. Поколения, как и отдельные люди, объединяются прежде всего повседневной работой по реализации общих целей – экономических, политических, социальных... Ориентация на совместное будущее даёт основания ценить и общее историческое прошлое. Именно тогда представители народов становятся «мягкой», но прочной силой друг для друга.

Список литературы

1. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (Четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов) / Ю. Вишневский, Н. Дулина, Е. Икин-грин, В. Мансуров, Е. Пронина, Г. Широкалова, Д. Шкурин // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 124-125.
2. Широкалова Г. С. Мы и они: проблемы самоидентификации поколений и народов // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: материалы Международной научно-практической конференции 21-22 апреля 2021 г. Т. 1. Макроконтексты / под. ред. И. А. Савченко, Ю. В. Козловой, Н. А. Агеевой. Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. С. 176–182. ISBN: 978-5-85839-361-0 (дата обращения: 30.03.2022).
3. Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 55–60.
4. Устинкин С., Куконков П. Роль учебников по истории в воспитании молодёжи // Обозреватель – Observer. 2020. № 8. С. 113–122.
5. Володин поручил проанализировать качество преподавания истории в школах. URL: <https://dumatv.ru/news/volodin-poruchil-proanalizirovat-kachestvo-prepodavaniya-istorii-v-shkolah>. 6.04. 2022 (дата обращения: 30.03.2022).

6. Широкалова Г. С. Студенты поколения Z: особенности исторической памяти // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2021. С. 72–77.

7. В Великобритании ее ждут одну: редактор Первого канала Марина Овсянникова не сможет вывезти детей. URL: <https://www.starhit.ru/novosti/v-velikobritanii-ee-jdut-odnu-redaktor-pervogo-kanala-marina-ovsyannikova-ne-smojet-vyivezti-detey-270549/>. 25.03.2022 (дата обращения: 30.03.2022).

8. Вводится наказание за отождествление действий СССР и нацистской Германии. URL: <http://duma.gov.ru/news/53971/> 6.04.2022 (дата обращения: 12.04.2022).

9. Валиахметов Р. М. Всенародное движение «Бессмертный полк» как историко-патриотический и социокультурный феномен // Спасибо прадеду за Победу...: материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 306–308.

10. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 15–12 от 13 июня 2000 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=8825> (дата обращения: 30.03.2021).

Авторская справка

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: shirokalova@list.ru

КУКОНКОВ Павел Иванович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: kukonkov_pavel@rambler.ru

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.108

FAMILY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY AMONG STUDENTS OF THE UNION OF INDEPENDENT STATES

G. S. Shirokalova¹, P. I. Kukonkov²

¹ *PRIF FCTAS RAS, NGLU named after N. A. Dobrolyubov, Niznij Novgorod (Russia)*

² *PRIF FCTAS RAS, Niznij Novgorod (Russia)*

Introduction. The change of ideology in the CIS countries after the destruction of the Soviet Union had a significant impact on the memorialization of all the events of the twentieth century. This article is devoted to the analysis of the role of the family in the formation of the historical memory of the Great Patriotic War.

Methods. The research program of the student youth of the CIS countries was based on the Marxist methodology using historical, comparative, system-structural and complex methods. Indicators and indicators of historical memory were recorded in a large-scale empirical study.

Results. The object of this research is students of Russian universities with Russian and foreign citizenship, as well as students studying in CIS countries. The subject of the study is the factors of the formation

of historical memory of the Great Patriotic War. The Project was based on the hypothesis that the memory of the future intelligentsia retains a positive attitude to the Victory of the Soviet people in 1945, which is formed mainly through the education system and family ties.

Conclusion. With the passing of older generations, a decrease in the emotional component of historical memory is inevitable, and consequently, the displacement of long-standing events is more relevant for new generations. Respondents among foreign students studying in Russia and foreign students were those who, in their primary socialization, were brought up on a positive assessment of the Soviet past. That is why they came to study in Russia, or study in their republics with teachers who expressed a desire to become participants in an international study by organizing the filling out of questionnaires among their students. Both of them can be described as the "soft power" of the Russian Federation in the countries of Central Asia, which ensures the stability of relations between our countries.

A positive attitude towards the past is formed by many factors, therefore, consistent state domestic and foreign policy is extremely important for its formation.

Keywords: family; historical memory; identity; «soft power»; students; Russia; Commonwealth of Independent States.

References

1. Vishnevskij Ju., Dulina N., Ikingrin E., Mansurov V., Pronina E., Shirokalova G., Shkurin D. *Cena Pobedy: chto pomnjat i znajut studenty Rossii o Velikoj Otechestvennoj vojne (Chetvertaja volna federal'nogo proekta Rossijskogo obshhestva sociologov)* [The Price of Victory: what Russian students remember and know about the Great Patriotic War (The fourth wave of the federal project of the Russian Society of Sociologists)]. *Socium i vlast' [Society and Power]*. 2020. No. 2 (82). Pp. 124-125 2020. (In Russ.).
2. Shirokalova G. S. My i oni: problemy samoidentifikacii pokolenij i narodov [We and they: problems of self-identification of generations and peoples]. *Transformacii obshhestvennogo soznaniya v perehodnuju jepohu [Elektronnyj resurs]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 21-22 aprelja 2021 g. T. I. Makrokonteksty*. Pod. red. I. A. Savchenko, Ju. V. Kozlovoj, N. A. Ageevoj. [Transformation of public consciousness in a transitional era. Materials of the international scientific and practical conference on April 21-22, 2021. Vol. 1. Macrocontexts. Edited by I. A. Savchenko, Yu. V. Kozlova, N. A. Ageeva. Niznij Novgorod: NGLUJ]. 2022. Pp. 176–182. ISBN 978-5-85839-361-0/. (In Russ.).
3. P'janov A. E. Status russkogo jazyka v stranah SNG [Status of the Russian language in the CIS countries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2011. No. 3 (47). Pp. 55–60. (In Russ.).
4. Ustinkin S., Kukonkov P. Rol' uchebnikov po istorii v vospitanii molodjozhi [The role of history textbooks in the education of youth]. *Obozrevatel'-Observer* [Obozrevatel'-Observer]. 2020. No. 8. Pp. 113–122. (In Russ.).
5. Volodin poruchil proanalizirovat' kachestvo prepodavaniya istorii v shkolah [Volodin instructed to analyze the quality of teaching history in schools]. Available at: // dumatv.ru/news/volodin-poruchil-proanalizirovat-kachestvo-prepodavaniya-istorii-v-shkolah. 6.04. 2022 (accessed: 30.03.2022).
6. Shirokalova G. S. Studenty pokolenija Z: osobennosti istoricheskoy panjati [Students of generation Z: features of historical memory]. *Intelligencija i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, dejatel'nost'. Materialy XXXI Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii*. Ivanovo, 2021. Pp. 72–77. (In Russ.).
7. «V Velikobritanii ee zhdu odnu»: redaktor Pervogo kanala Marina Ovsjannikova ne smozhet vyvezti detej ["They are waiting for her alone in the UK": the editor of the First Channel Marina Ovsyannikova will not be able to take the children out]. Available at: <https://www.starhit.ru/novosti/v-velikobritanii-ee-jdu-odnu-redaktor-pervogo-kanala-marina-ovsyannikova-ne-smozhet-vyivezti-detey-270549/>. 25.03.2022 (accessed: 30.03.2022).

8. Vvoditsja nakazanie za otozhdestvlenie dejstvij SSSR i nacistskoj Germanii [Punishment is introduced for identifying the actions of the USSR and Nazi Germany]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/53971/> 6.04.2022 (accessed: 12.04.2022).

9. Valiahmetov R. M. Vsenarodnoe dvizhenie «Bessmertnyj polk» kak istoriko-patrioticheskij i sociokul'turnyj fenomen [The national movement "Immortal Regiment" as a historical-patriotic and socio-cultural phenomenon]. Spasibo pradedu za Pobedu... *Materialy IV jetapa monitoringa «Sovremennoe rossijskoe studenchestvo o Velikoj Otechestvennoj vojne», kollektivnaja monografija, pod obshh. red. Ju. R. Vishnevskogo* [Thanks to the great-grandfather for the Victory... Materials of the IV stage of monitoring "Modern Russian students about the Great Patriotic War"]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2020. Pp. 306–308. (In Russ.).

10. *Postanovlenie Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG N 15-12 ot 13 ijunja 2000 g.* [Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States No. 15–12 of June 13, 2000]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=8825> (accessed: 30.03.2021).

Author's Bio

SHIROKALOVA Galina Sergeevna – Doctor of Sociology, Professor, Senior Researcher, Volga Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; leading Researcher, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhnj Novgorod, Russia. E-mail: shirokalova@list.ru

KUKONKOV Pavel Ivanovich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Volga Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Nizhnj Novgorod, Russia. E-mail: kukonkov_pavel@rambler.ru

Библиографическая ссылка

Широкалова Г. С., Куконков П. И. Семья как фактор формирования исторической памяти у студентов Содружества Независимых Государств // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 108–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.2.108

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «**SocioTime / Социальное время**» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписанные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык в квадратных скобках); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т.д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. General information. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "AntiPlagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).